

Бехназ ЗАРАБИЗАДЕ

ЖЕНА ГЕРОЯ

УДК 821.21/.22-3
ББК 84(5)
334

Жена Героя

*В оформлении обложки использовано фотоизображение
с сайта Shutterstock*

Воспоминания Гадам-Хейр Мохаммади-Кенаан,
супруги героически погибшего командира
Саттара Ибрахими-Хажира
Записала Бехназ Зарабизаде

Предисловие

Я дала себе слово обязательно написать о твоей жизни. Я позвонила тебе домой, и ты сама сняла трубку. Мне казалось, что со мной будет говорить пожилая женщина, и я не могла поверить, что у тебя такой молодой голос. Сначала мне пришло в голову, что, может быть, к телефону подошла твоя дочь. Я сказала, что хочу поговорить с женой господина Саттара, а ты рассмеялась и ответила: «Это я».

Я услышала твою историю. Ты одна вырастила пятерых детей, оставшихся ещё совсем маленькими после смерти Саттара. С каким же трудом тебе это далось! Я подумала про себя: «Хорошо, что это оказалась именно ты. Надо описать жизнь этой женщины. Слава Богу, что всё так сложилось». Ты сказала, что не привыкла давать интервью, однако мы всё же договорились о первой встрече. Она состоялась 21 апреля 2000 года. В это время как раз попевала алыча. Я приходила к тебе домой, садилась напротив, включала диктофон, и ты начинала рассказывать о своей жизни, об отце с матерью, о твоей милой родной деревушке, о детских годах вплоть до вре-

Зарабизаде, Б.
334 Жена Героя / Бехназ Зарабизаде. Пер. с фарси А.И. Полищука. — М.: «Вече», «Садра», 2017. — 224 с. — (Военная проза).

ISBN 978-5-4444-6364-2

Знак информационной продукции **12+**

Этот скромный труд посвящается памяти безвременно ушедших командира Саттара Ибрахими-Хажира и его благородной и терпеливой супруги Гадам-Хейр Мохаммади-Кенаан, а также всех достойных сынов нашей Родины, погибших на ирано-иракской войне. Вечная благодарность им за их великий подвиг.

Бехназ Зарабизаде

УДК 821.21/.22-3
ББК 84(5)

ISBN 978-5-4444-6364-2

© Полищук А.И., перевод на русский язык, 2017
© ООО «Садра», 2017
© ООО «Издательство «Вече», 2017

мени, когда ты познакомилась с Саттаром, и до начала войны. Мысли о твоём муже тесно переплетались с воспоминаниями о войне. Война легла тяжёлым бременем на твой маленький дом и твои хрупкие, слабые плечи, на плечи Гадам-Хейр Мохаммади-Кенаан. Однако никто этого так и не понял.

Ты рассказывала, а я всё записывала на диктофон. Мы обе смеялись и плакали. Во время священного месяца Рамазан мы прервали нашу беседу. Ты была рада соблюдать пост и в конце сказала мне: «Я не хотела тебе ничего говорить, а в итоге всё рассказала». А я радовалась ещё больше тебя и уехала обрабатывать полученный материал.

Мы договорились, что, когда рукопись будет готова, я отдам тебе её целиком, чтобы ты прочитала и добавила что-нибудь, если я пропустила. Однако сделать этого так и не удалось. Когда я узнала о твоей беде, то начала тебя искать, но не с пачкой бумаги, а с несколькими банками компота. Это случилось 1 января 2001 года. Я увидела, что ты лежишь на кровати, раскрыв глаза. Ты смотрела на меня, но явно не узнавала. В это невозможно было поверить. Я сказала тебе: «Гадам-Хейр, это я, Зарабизаде. Помнишь, как ты мне рассказывала о своей жизни? Я в это время ела алычу и под тем предлогом, что она кислая, жмурилась, чтобы ты не видела моих слёз. В конце концов, я не для того пришла, чтобы вновь заставлять тебя ещё раз переживать все твои страдания».

Помнится, ты мне говорила: «Для меня радость уже в том, что после всех этих лет ко мне пришла женщина и села рядом, попросив, чтобы я поведала ей о своём долгом одиночестве и страданиях, о которых до этого никому не рассказывала». «Когда я рассказываю о муже, – говорила ты, – то вспоминаю о своей тоске по нему. Мы с ним прожили восемь лет, но мне всегда его не хватало. У нас

были особенные отношения. Мы любили друг друга, но нам всё время приходилось расставаться. Поверьте, за эти восемь лет мы чуть больше нескольких месяцев были вместе. Он был моим мужем, но мне не принадлежал. Детям всегда было нужно внимание отца и после его смерти им его очень не хватало. Они всё время спрашивали меня, почему за другими детьми отцы приходят в школу, а за ними нет, неужели у них нет отца? Мне приходилось отвечать, что у них есть только я одна. Бывало, я строила пятерых детей друг за другом и мы все вместе шли отводить в школу старшую дочь Хадиджю. Средняя, Масума, в то время училась во вторую смену. В полдень мы впятером шли за Хадиджой и приводили её домой, а Масуму вели в школу уже вшестером. Вечером история повторялась, и так продолжалось день за днём».

Я плакала, когда ты мне рассказывала о снегопадах и о том, как тебе приходилось сбрасывать снег с крыши и убирать его во дворе. Моя милая подруга! Ты одна вырастила своих детей, женила сына, выдала замуж дочерей. А как ты переживала за младшую дочь! Поднимись же с постели! Ведь ты ещё не закончила свой рассказ. Я включила диктофон. Почему ты ничего не говоришь?! Почему смотришь на меня таким отсутствующим взглядом?

Не скрывая слёз, твои дочери говорят: «Мы только что поняли, что мать была больна много лет, но ничего не говорила, чтобы не волновать нас. Она боялась, что мы расстроимся. Мама любила повторять, что только теперь мы вздохнули и начали жить, как все нормальные люди, и она не хочет омрачить нашу жизнь своими проблемами».

«Ох, уж эта проклятая болезнь...» – сетует твоя сестра. Но нет, я не хочу, чтобы кто-то говорил, кроме самой Гадам-Хейр. Гадам, дорогая, так дело не пойдёт! Ты долж-

Бехназ Зарабизаде

на закончить рассказ о своей жизни. Ты всё сказала о своём супруге, о Хаджи. Теперь настала очередь рассказать о твоём терпении и мужестве, о твоём героизме, а ты взяла и слегла. Почему ты не узнаёшь меня?! Поднимись же с постели! Ты должна рассказать о себе. Я включила диктофон и сажу напротив тебя. Не смотри же на меня таким отсутствующим взглядом.

*Бехназ Зарабизаде
Лето 2012 года.*

Имя: Гадам-Хейр Мохаммади-Кенаан.

Дата и место рождения: 7 мая 1962, деревня Каёш, область Разан, провинция Хамадан¹.

Дата замужества: 4 ноября 1977 года.

Дата смерти: 7 января 2010 года.

Имя: Саттар Ибрахими-Хажир, командир 155-й дивизии корпуса «Ансар-оль-Хусейн».

Дата и место рождения: 2 ноября 1956, деревня Каеш, область Разан, провинция Хамадан.

Дата смерти: 3 марта 1987 года.

¹ Провинция Хамадан с одноимённым административным центром (он же Эқбатана, столица древней Мидии) расположена на северо-западе Ирана (здесь и далее примечания переводчика).

Глава 1

Отец был болен. Говорили, что у него какая-то серьёзная болезнь. Однако когда я родилась, он пошёл на поправку.

Вся семья, друзья и знакомые считали, что моё рождение помогло отцу выздороветь. Мой дядя тогда очень обрадовался и как-то сказал:

– Этот ребёнок принёс нам такое счастье! Давайте назовём девочку Гадам-Хейр¹.

Я была самым младшим ребёнком в семье. У меня было две сестры и четыре брата, которые были намного старше меня, а кое-кто из них уже жил отдельно своей семьёй. Поэтому я стала любимым ребёнком для отца с матерью. Особенно сильно меня любил отец.

Мы жили в одном селении, в области Разан. Мне очень нравилось жить в этой красивой деревне под названием Каеш, нравился её прекрасный климат. Деревню со всех сторон окружали виноградники и обширные поля, засеянные пшеницей и ячменём.

С утра до вечера мы с соседскими девчонками разного возраста бегали по пыльным деревенским улицам. Играм и смеху не было конца. По вечерам мы поднимались на крыши домов и брали с собой кукол, которых мастерили сами из ткани и ниток. Положив все свои игрушки в подол, я вместе с остальными поднималась по приставной лестнице на крышу и играла там в дочки-матери.

Остальные дети обожали мои игрушки. Я выкладывала перед подружками все игрушки, которые покупал мне отец в городе, чтобы они смогли вволю наиграться с ними.

Вечером, когда на небе появлялись звёзды, дети по очереди спускались с крыши и убегали к себе домой. Я же оставалась сидеть на крыше и продолжала играть. Иногда, когда мне надоедало это занятие, я ложилась на спину и смотрела на серебряные звёзды, которые подмигивали мне с тёмного небосвода. Когда совсем темнело и становилось прохладно, за мной приходила мама. Она обнимала и целовала меня, а потом спускала с крыши. В доме она кормила меня ужином, укладывала спать, клала руку мне на голову и пела колыбельную. Мама продолжала гладить меня по голове, пока я не засыпала. Потом она шла по своим делам, замешивала тесто и клала его на поднос, чтобы утром испечь хлеб.

Рано утром я просыпалась от запаха горящих дров и свежеепечённого хлеба. Лёгкий ветерок овеивал мне лицо. Я вскакивала и бежала умываться прохладной водой, которую рано утром мама приносила из колодца. Умывшись, я садилась к отцу на колени. Во время завтрака я всегда сидела у него на коленях. Он осторожно отламывал кусочек хлеба и, целуя меня в макушку, клал мне его в рот.

Отец был гуртовщиком. Раз в месяц он скупал в близлежащих деревнях овец и возил их на продажу в Тегеран и его окрестности. Это занятие приносило хороший доход. Каждый месяц он покупал и продавал целый грузовик овец, а во время своих поездок покупал мне разные игрушки. Самыми грустными днями в моей жизни в ту пору были те, когда отец уезжал на работу. Я так сильно рыдала, что у меня даже краснели глаза. Отец обнимал меня, быстро целовал и говорил:

– Если перестанешь плакать и будешь хорошей девочкой, я куплю тебе всё, что захочешь.

¹ В переводе с персидского языка означает «благая весть».

Услышав эти обещания, я успокаивалась и смирялась с его отъездом, а после начинала заказывать, что мне привезти.

– Папочка, мне нужна кукла с длинными волосами и голубыми глазами, которые открываются и закрываются. Купи ещё браслет и сандалии на деревянной подошве, чтобы они при ходьбе стучали, и игрушечную тарелочку и кастрюльку.

Отец целовал меня и говорил:

– Куплю, куплю. Только ты будь хорошей девочкой и не плачь. Улыбнись мне. Я всё тебе куплю.

Тогда я переставала плакать, но всё ещё продолжала хмуриться, так как знала, что не увижу его ближайшие два или три дня. Я сильно переживала по этому поводу, ведь мне совсем не нравилось оставаться одной. Мне хотелось, чтобы отец и днём, и ночью был рядом. Все жители нашей деревни знали о моей привязанности к отцу. Иногда, когда я ходила с мамой за водой или стирать бельё, женщины подходили и спрашивали у меня:

– Гадам, ты за кого выйдешь замуж?

– За своего папу, – говорила я.

– Ведь он тебе отец.

– Нет, он мой муж и покупает мне всё, что я захочу.

Я была ребёнком и ещё не понимала смысла этих слов. Женщины смеялись, перешёптывались между собой и продолжали стирать бельё.

Мне казалось, что дни, когда отец уезжал на работу, тянулись целую вечность. Мама с утра до вечера была занята домашними делами, а мне заняться было нечем, и от скуки я всё время капризничала. Мать говорила:

– Наслаждайся жизнью. Придёт время – ещё наработаешься, да так, что валиться будешь от усталости. Отец велел, чтобы я не заставляла тебя помогать мне.

Я решила наслаждаться жизнью, так как больше ничего другого мне не оставалось, но мои сёстры начали возмущаться и упрекать маму:

– Ты слишком балуешь и оберегаешь Гадам, исполняешь все её прихоти. Почему, когда мы были маленькими, ты к нам так не относилась?

Однако, несмотря на всю заботу, которую проявляли ко мне родители, я так и не смогла уговорить их отдать меня в школу. Отец считал, что девочкам вообще не надо учиться.

В то время в школе преподавал молодой учитель и классы были смешанными, поэтому мать говорила мне:

– Не хватало ещё, чтобы ты сидела вместе с мальчишками и тебя учил какой-то посторонний мужчина.

Но мне очень хотелось учиться в школе. Я знала, что отец не выносил моих слёз, и поэтому с утра до ночи плакала и умоляла его:

– Папочка! Прошу тебя Господом Богом, разреши мне ходить в школу!

Отец не выносил моих слёз и как-то раз сказал:

– Хорошо, ты только не плачь. Я завтра отправлю тебя с мамой в школу.

Я каждый раз верила, что отец говорит правду.

В тот вечер я, довольная, легла спать и до утра не могла заснуть. На рассвете я стала просить маму отвести меня в школу, однако пришел отец и начал всячески отговаривать меня от этой затеи. Он давал мне разные обещания и говорил, что сегодня слишком много других дел. Завтра, уверял он, я непременно пойду в школу. Мне оставалось лишь надеяться на то, что это действительно когда-нибудь произойдёт. К тому времени мне исполнилось уже девять лет, и мать научила меня правильно молиться. Помнится, в тот год в месяц Рамазан я впервые начала поститься. Первые дни поста были для меня очень трудными, но мне

всё равно нравилось. Я с удовольствием вставала рано утром затемно, ела лёгкий завтрак, а потом постилась целый день¹.

После окончания Рамазана отец взял меня за руку и отвёл в магазин своего двоюродного брата. После обычного обмена любезностями отец сказал дяде:

– Вот привёл дочь, чтобы купить ей подарок. Ей в этом году исполнилось девять лет, и она полностью соблюдала пост.

Дядя вытащил из груды тканей, лежавших на полу лавки, белую чадру с красивыми розовыми цветочками и дал отцу, а тот развернул чадру и набросил её мне на голову. Чадра была как раз впору, как будто её сшили специально для меня. Я едва не подпрыгнула от радости. Отец рассмеялся и сказал:

– Дорогая Гадам, с сегодняшнего дня ты должна перед незнакомыми людьми носить чадру. Договорились? Ты же моя хорошая!

Вернувшись домой в тот день, я спросила у матери, что значит «знакомые» и «незнакомые» люди, «свои» и «чужие»? Когда кто-нибудь приходил к нам в гости, я всегда спрашивала у неё: «Этот мужчина “свой” или “чужой”?»

Порой мама выходила из себя от таких моих вопросов и поэтому, чтобы ей не надоедать, я стала накидывать чадру на голову каждый раз, когда в дом входил мужчина. Тогда вопрос о том, «свой» он или «чужой», терял для меня всякий смысл. Я даже стала надевать чадру в присутствии родных братьев.

Глава 2

Дом моего дяди вплотную примыкал к нашему. Я каждый день проводила у них в гостях по несколько часов. Иногда мама тоже приходила со мной.

Как-то раз я пошла туда одна. Был полдень. Я спустилась по высоким ступенькам, ведущим во двор, как вдруг прямо передо мной неожиданно появился юноша. Я замерла на месте и не могла от удивления вымолвить ни слова. На несколько мгновений наши взгляды встретились, а потом юноша опустил голову и смущённо поздоровался. У меня так стучало сердце, словно готово было выпрыгнуть из груди. Я настолько сильно испугалась, что не смогла даже ответить на приветствие. Не проронив ни звука, я бежала через двор и затем в один миг оказалась у себя дома.

В это время моя невестка Хадиджа доставала из колодца воду, но, увидев меня, от испуга выпустила из рук ведро.

– Гадам, что случилось? – спросила она. – На тебе лица нет.

Я немного постояла, чтобы отдышаться. Рядом с этой невесткой я чувствовала себя спокойней, потому что была с ней в более близких отношениях, чем с другими жёнами братьев. Я рассказала ей, что произошло, и она в ответ рассмеялась:

– Я думала, что тебя укусил скорпион. Ты что, мальчиков никогда не видела?!

Конечно, я видела мальчишек и раньше. Разве можно жить в деревне, играть с ними всё время и не сказать и

¹ Во время поста мусульмане не едят и не пьют в дневное время суток.

двух-трёх слов? Но мне, кроме отца, никто раньше не нравился из мужчин или парней.

По-моему, мой отец был самым лучшим мужчиной во всём мире. Я его так сильно любила, что в юном возрасте мечтала только о том, чтобы никогда не дожить до его смерти. Когда в деревне кто-нибудь умирал и мне приходилось участвовать в похоронах, то единственной моей мыслью было, что когда-нибудь наступит день смерти и моего отца. Эта мысль настолько меня терзала, что я горько плакала и почти теряла сознание, а все думали, что я убиваюсь по покойнику.

Отец тоже был сильно ко мне привязан. Даже когда мне уже исполнилось четырнадцать лет, он иногда обнимал меня и целовал в лоб.

В тот вечер из разговора с матерью я узнала, что неожиданно встреченный юноша был моим троюродным братом и звали его Самад. С того дня в нашем доме стали появляться странные гости. Сначала пришёл мой двоюродный дед и стал говорить о чём-то с отцом. Затем настала очередь моей тётки. По утрам, закончив домашние дела, она приходила к нам, садилась во дворе и до обеда вела разговоры с матерью.

Потом появилась мать Самада, а через несколько дней пришёл и её муж. Моему отцу всё это сильно не нравилось, поэтому он говорил:

– Гадам – ещё ребёнок, ей рано замуж.

Но сёстры ворчали:

– Мы были ещё моложе, когда нас выдали замуж. Зачем же ей сидеть в девках?

Отец продолжал стоять на своём:

– Сейчас времена другие.

Мне очень нравилось, что отец так сильно меня любил. Я знала, что из-за этого он не согласится на моё замужество. Он не хотел так скоро со мной расставаться, од-

нако семья Самада настаивала на своём. Они отправляли письма, присылали друзей и знакомых, чтобы добиться согласия отца.

Целый год они не оставляли своих попыток, а однажды вечером в нашем доме собралось несколько мужчин из числа наших ближайших родственников. Среди них был и мой двоюродный дедушка. Отец закрыл дверь, и мужчины просидели в комнате за разговором несколько часов подряд. Всё это время я сидела во дворе под яблоней. Там было темно, поэтому меня никто не видел, но мне самой было хорошо видно комнату, где все они собрались. Затем двоюродный дедушка вынул из кармана странную бумагу и что-то на ней написал. Я обо всём догадалась и подумала про себя: «Ну вот, Гадам, тебя всё-таки разлучили с отцом».

Глава 3

В тот вечер после ухода гостей отец сказал матери: «Клянусь Богом, я и сейчас не согласен выдавать Гадам замуж. Не знаю, как получилось, что дело зашло так далеко. Всеми виной двоюродный брат. Он пустил слезу, и мне стало неловко. Чуть не рыдая, он сказал, что Самад ему как сын, а ведь я бы без раздумий отдал Гадам за его сына, если бы тот был жив».

Сын моего двоюродного дяди в юности заболел и умер, но несмотря на то, что с тех пор прошло много лет, его отец часто со слезами вспоминал о сыне, а все родственники сильно переживали по этому поводу. Сейчас мой двоюродный дядя воспользовался ситуацией и добился согласия отца на моё замужество, сразу обговорив и вопрос с приданым.

В Каеше есть обычай, что перед помолвкой все мужчины из числа родственников собираются вместе и договариваются между собой о предстоящем браке. Они определяют размер махра¹, расходы на свадьбу, все необходимые покупки и закрепляют всё это в письменной форме. После этого кто-то относит эту бумагу в семью жениха. Если она согласна с предложенной суммой свадебных расходов, то её глава ставит свою подпись и вместе с подарком возвращает этот документ семье невесты.

В ту ночь я молилась, чтобы отец запросил как можно больше денег на свадьбу и чтобы семья жениха не согла-

силась с этой суммой, а утром следующего дня один из наших гостей отнёс бумагу со свадебными расходами отцу Самада. Тогда я узнала, что отец определил за меня махр в пять тысяч туманов. Родители Самада сначала не согласились, но сам жених, увидев эту сумму, заявил:

– Почему так мало? Надо увеличить махр.

Родственники стали возражать, но Самад настоял на своём. Он увеличил сумму махра на пять тысяч туманов и сам поставил свою подпись, а вечером того же дня семья жениха принесла расписку и отрез ткани на свадебное платье. Так рухнули все мои надежды. Оказалось, что отец легко согласился на мой брак с первым же претендентом.

Через несколько дней в нашем доме состоялась помолвка. Мужчины и женщины сидели в разных комнатах, а я спряталась в сарае в углу двора и рыдала.

Моя невестка Хадиджа обошла всё вокруг, прежде чем нашла меня. Увидев меня заплаканной, она начала меня уговаривать:

– Девочка, что всё это значит? Ты же не ребёнок! Тебе уже четырнадцать лет. Все девушки твоего возраста хотели бы, чтобы такой юноша, как Самад, сватался к ним. Чем он тебе не нравится? Ведь он из хорошей семьи. У него прекрасные родители. Если в этом году не выйдешь замуж, так придётся в следующем. Каждая девушка рано или поздно должна стать женой. Лучше Самада тебе не найти. Ты думаешь, что в нашей деревне есть кто-то лучше? Не будешь же ты ждать принца на белом коне, который возьмёт тебя за руку и отведёт во дворец? Это всё мечты. Не сходи с ума. Не отказывайся от своего счастья. Самад – хороший парень. Он тебя видел и сам решил посвататься. Брось дурить! Не обижай гостей. Они могут обидеться и уйти. Тогда начнут сплетничать, что с тобой что-то не так, и ты до конца жизни останешься в девках.

¹ Махр – любое ценное имущество, которое в Иране муж обязан передать жене в случае развода.

После этих слов невестки я немного успокоилась. Хадиджа взяла меня за руку и вывела во двор. Она достала из колодца воды, налила в миску и вымыла мне, как ребёнку, лицо и ладони, а потом мы пошли в дом. Я была готова провалиться сквозь землю от стыда. Руки и ноги заледенели, а сердце часто билось. Увидев меня в таком состоянии, сестра встала и накинула мне на голову красную шаль. Все гости начали хлопать в ладоши, петь песни и читать стихи. Я ничего этого не слышала. Так против своей воли я стала невестой. Про себя я молилась Богу, чтобы гости как можно скорее ушли и я смогла бы увидеть отца. Я ждала, что отец погладит меня по голове и все мои страхи пройдут.

После помолвки прошло несколько дней. Ранним весенним утром я стояла во дворе нашего дома. Двор у нас был большой. По периметру располагались жилые помещения с двумя внешними дверьми, одна из которых выходила на улицу, а другая – в сад. В саду росло много вишнёвых деревьев. Я решила пойти туда. Сад был очень зелёный и красивый, потому что деревья покрылись свежей листвой, переливавшейся в лучах ласкового весеннего солнца. После холодной зимы было очень приятно смотреть на эту цветущую природу и вдыхать свежий весенний воздух.

Вдруг я услышала какой-то звук, как будто кто-то звал меня из-за деревьев. Сначала я испугалась и замерла на месте. Прислушавшись, я услышала звук отчётливее. Затем кто-то перепрыгнул через небольшую стену нашего сада, скрывавшуюся за деревьями. Только я хотела приглядеться, как от стены отделилась тень, приблизилась ко мне и остановилась рядом. Я не могла поверить своим глазам. Это был Самад. Он весело поздоровался со мной и я растерялась, потому что не успела накинуть на голову чадру. Опустив от стыда голову, я не сказала ни слова и со всех ног кинулась во двор. Там я перепрыгнула сразу через несколько ступенек и убежала к себе, заперев дверь на

ключ. Самад постоял какое-то время, но потом понял, что я уже не вернусь. Обиженный, он пошёл к моей невестке Хадидже и стал на меня жаловаться:

– Гадам меня совсем не любит. Я еле-еле взял увольнительную на базе, чтобы только повидать её и сказать пару слов. Я несколько часов ждал около сада, чтобы поговорить с ней наедине, но она, бессовестная, даже не поздоровалась. Только увидела меня – сразу убежала.

Около полудня ко мне пришла Хадиджа и сказала:

– Гадам, приходи ко мне вечером. У меня гости, а помочь некому.

Вечером я пошла в дом брата. Хадиджа в это время готовила ужин. Я стала ей помогать, не подозревая, что невестка что-то задумала. Когда прозвучал призыв к вечерней молитве и уже стемнело, открылась дверь и я увидела Самада. Разозлившись, я сказала Хадидже:

– Если отец и мать узнают, то убьют нас обоих.

Хадиджа рассмеялась и ответила:

– Если будешь держать язык за зубами, никто ничего не узнает. Отца сегодня вечером нет дома. Он ушёл в поле на поливные работы.

Немного успокоившись, я украдкой посмотрела на Самада. Почему он был в таком виде?! Волос на голове совсем не было. Хадиджа гостеприимно пригласила его в дом и он зашёл, поздоровался, но я снова не могла ответить ни слова. Ничего не сказав, я встала и пошла в другую комнату. Хадиджа меня позвала, но я не отозвалась, а через какое-то время невестка и Самад пришли в ту комнату, где я решила спрятаться. Хадиджа всем своим видом давала понять, что я поступаю неправильно. Затем она вышла из комнаты, и я осталась с Самадом наедине. Немного помедлив, я встала, чтобы уйти от его пронзительного взгляда, однако он встал в дверном проёме и расставил руки, не давая мне пройти.

– Ты куда? – спросил он. – Почему от меня бегаешь? Садись. Я хочу с тобой поговорить.

Я опустила голову и села. Самад тоже сел, конечно, подальше от меня и начал тихо говорить. Он говорил о том, какой хотел видеть свою жену.

– Я сейчас служу в армии, – сказал он, – но когда служба закончится, хочу поехать в Тегеран и найти там хорошую работу.

Заметив моё беспокойство, Самад добавил:

– Хотя, может быть, я останусь здесь, в Каеше.

Он сказал, что работает бетонщиком и в столице может найти работу получше.

Я всё ещё сидела с поникшей головой и ничего не отвечала, а Самад продолжал говорить. В итоге он разозлился и сказал:

– Не молчи же! Скажи хоть слово, чтобы меня успокоить.

Но мне нечего было сказать. Я ещё плотнее прикрыла шею чадрой и с опаской поглядывала в соседнюю комнату. Когда Самад понял, что разговорить меня не удастся, он начал задавать мне вопросы:

– Где ты хочешь жить?!

Я ничего не ответила, но он не отставал:

– Ты хочешь жить вместе с моей матерью?!

– Нет, – тихо ответила я.

После этого опять наступила тишина. Самад смирился с тем, что меня трудно заставить говорить, и тоже замолчал. Воспользовавшись моментом, я вышла из комнаты под предлогом помощи хозяйке и накрыла на стол.

– Иди к Самаду, поговори с ним, – настаивала Хадиджа, – я сама всё сделаю.

Однако я не согласилась и стала помогать на кухне. Самад остался один. Я села рядом с Хадиджей у накрытого стола. После ужина я собрала посуду и, сославшись на

то, что надо принести чай и обратиться на кухне, оставила их вдвоём.

В разговоре с невесткой Самад сказал:

– Думаю, я не нравлюсь Гадам. Если дело и дальше так пойдёт, мы не сможем жить вместе.

– Не волнуйся, – утешала его Хадиджа, – это естественно. Пройдёт время, и она будет относиться к тебе по-другому. Потерпи.

Самад выпил чаю и ушёл.

– Он мне не нравится. Совсем лысый, – сказала я невестке после его ухода.

– Всё дело только в этом?! – рассмеялась Хадиджа. – Ты в своём уме?! Он же солдат. Через пару месяцев закончится служба, и волосы отрастут. Что ещё не так?

– Он слишком много говорит, – ответила я.

Хадиджа снова рассмеялась:

– И это не беда. Ты ещё сама дашь ему фору, когда перестанешь стесняться и быть такой замкнутой. Слова не дашь ему вставить.

Я рассмеялась, и мы с Хадиджей начали шутить и болтать о том и о сём. Мы говорили и смеялись до самого позднего вечера.

Через несколько дней мать Самада сообщила, что собирается нас навестить. Будущая свекровь пришла одна ближе к вечеру и принесла узелок с одеждой. Поблагодарив её, мать взяла узелок, положила посреди комнаты и движением руки дала мне понять, чтобы я приблизилась. Я осторожно подошла к подаркам, села и развязала узел. Там были блузки, юбки и ткань для одежды. Ничего из принесённого матерью Самада мне не понравилось. Не сказав ни слова, я сложила все эти вещи обратно. Гостя всё поняла, но не подала вида, а мать от огорчения закусил губу и, приподняв брови, сделала мне знак, чтобы я поблагодарила за подарки. Однако я отказалась что-либо говорить.

Через несколько дней приехал и сам Самад. Он надел шапку, чтобы скрыть свою бритую голову. В руках у него была сумка. Увидев меня он, как всегда, рассмеялся, вручил мне сумку и сказал:

– Это всё тебе.

Не обронив ни слова, я взяла сумку и убежала ко входу в цокольный этаж. Самад пошёл вслед за мной и позвал меня. Я остановилась. Он тоже встал перед входом и достал из кармана какую-то бумагу:

– Гадам, Богом прошу тебя, не убегай. Посмотри, это моя увольнительная. Я отпросился в увольнение ради тебя. Приехал просто на тебя посмотреть!

Я посмотрела на эту бумагу, но, будучи неграмотной, не смогла из неё ничего понять. Самад это заметил и сказал:

– Это моя увольнительная. Её дали на один день, но я исправил единицу на двойку, чтобы побыть с тобой на один день дольше. Не дай Бог, если кто-то заметит, что я сам сделал исправление. Тогда мне точно несдобровать.

Я боялась, что в тот момент кто-нибудь войдёт и увидит, что мы беседуем, поэтому молча ушла в дом. Не знаю, почему он не вошёл вслед за мной. Стоя в дверях, Самад сказал:

– Что же ты мне прикажешь делать? Если я тебе не нравлюсь, так прямо и скажи. Я хотя бы буду знать, как быть дальше!

У меня не нашлось что ему сказать. В комнате была дверь, которая вела в соседнюю комнату, где я и спряталась. Самад так и ушёл, не попрощавшись, а его сумка так и осталась в моих руках.

В сумке лежало несколько блузок, юбок и платок, которые Самад купил специально для меня. Судя по вещам, у него был хороший вкус. Не знаю, что случилось, но я вдруг очень расстроилась. Собрав всю одежду, я сложила

её в сумку и застегнула молнию. После этого я выбежала во двор, но Самада там уже не было.

На следующий день он не пришёл. Его не было и в последующие дни. Понемногу я начала беспокоиться за него. Мне не с кем было поделиться своей тайной, а спросить мать о том, где Самад, я стеснялась.

Как-то раз я пошла к роднику и услышала от женщин, что в гарнизоне объявлена тревога и поэтому солдат не пускают в увольнение. Отец рассказывал, что в стране проходят демонстрации против шахской власти и что во многих городах объявлено военное положение, а народ выходит на улицы с антиправительственными лозунгами. Между тем в нашей деревне всё было спокойно и жизнь шла своим чередом.

Прошёл месяц с того дня, когда я видела Самада в последний раз. Помню, что в тот день Хадиджа с братом оставались дома. Мы сидели на крыльце, как все деревенские жители. Ворота во двор были по обыкновению открыты, потому как закрывали их только на ночь.

Вдруг я услышала за воротами чей-то голос:

– Хозяева, я к вам!

Это оказался Самад. В первый раз, услышав его голос, я почувствовала нечто странное. Сердце прямо ёкнуло в груди. Брат Имáн подбежал к двери, поздоровался с гостем и пригласил его войти. Увидев меня, Самад, как обычно, заулыбался и поздоровался. Я почувствовала, что краснею, будто меня ударили по щекам. Опустив голову, я ушла с крыльца. Хадиджа пригласила Самада зайти. До его появления я вышла из комнаты, потому что стеснялась разговаривать с ним в присутствии брата и сидеть с ним в одной комнате. Самад просидел и проговорил с братом и невесткой целый час. Потеряв надежду меня увидеть, он встал, попрощался и вышел на крыльцо. С загадочной улыбкой Самад сказал напоследок:

– Извините, что помешал. Кланяйтесь от меня родителям.

Потом он попрощался и ушёл.

– Гадам, ты опять дуришь? – услышала я голос Хадиджи. – Почему ты не вышла к нам? Посмотри, что он тебе принёс.

Невестка показала на чемодан, который принёс Самад, и сказала:

– Сумасшедшая! Это же всё для тебя.

Я так растерялась, когда увидела Самада, что не заметила у него в руках чемодан. Хадиджа взяла меня за руку, и мы пошли в одну из дальних комнат, где его и открыли. На внутренней стороне крышки была изящно приклеена фотография Самада. Увидев её, мы рассмеялись. В чемодане было полно одежды и кусков тканей, а ещё нашлись куски душистого мыла, придававшие вещам тонкий аромат.

Вещи были сложены самым аккуратным образом, так что Хадиджа с иронией сказала:

– Ну, ты, Гадам, и дура. Смотри, как тебе повезло. Он же любит тебя.

В дверь постучал Иман, который решил пойти вслед за нами. Я вскочила с места и попросила Хадиджу, чтобы она спрятала чемодан.

– Зачем его прятать? – удивилась невестка.

Мне было стыдно, что Иман увидит эти подарки.

– Если брат увидит фото Самада, то решит, что я тоже дала ему свою карточку.

Иман снова постучал и спросил:

– Почему вы закрылись? Откройте. Я тоже хочу посмотреть.

Мы с Хадиджой пытались оторвать фотографию Самада от крышки чемодана, но ничего не получилось. Самад очень хорошо её приклеил.

– Смотри, как он тебя любит. Приклеил насмерть, – пошутила невестка.

Тем временем Иман так колотил в дверь, как будто хотел сорвать её с петель. Мы поняли, что выхода нет, фото Самада отодрать мы не можем, и решили спрятать чемодан в комнате под одеялами и подушками. Хадиджа открыла дверь. Иман быстро сообразил, что мы от него что-то скрываем, внимательно осмотрел комнату и спросил:

– А где же чемодан с вещами, который принёс Самад?

– Умоляю, не выдавай меня, – зашептала я Хадидже. – О нём должны знать только мы с тобой.

Тогда невестка отвлекла брата каким-то разговором, взяла его под руку и вывела из комнаты.

Глава 4

Время шло. Иногда Самад ненадолго появлялся, а иногда его не было целыми месяцами. В стране царил хаос: антишахские демонстрации докатились уже до деревни. Прошла весна, потом – лето, вслед за ним наступила и минула осень. Пришла зима, которая выдалась очень холодный в тот год.

Когда Самада не было, я его совсем не вспоминала, однако с его приездом всё менялось и у меня появилось предчувствие, что между нами вот-вот должно что-то произойти. Мысль об этом меня сильно беспокоила. Однако внимательность ко мне отца успокаивала меня, и я быстро забывала обо всех тревогах.

До наступления нового года оставалось несколько дней. Мать приготовила праздничный ужин и пригласила родственников, ведь она славилась своим гостеприимством на всю деревню. Никто во всём Каеше не умел так вкусно готовить. Все ценили её за добродушие и звали не иначе как «дорогая Ширин».

В тот день к нам пришли сёстры и невестки, чтобы помочь на кухне. Семью Самада мы тоже позвали в гости.

Вечером я заметила, что часть гостей поднимается на плоскую крышу над нашей комнатой и начинает там петь и танцевать. Посредине крыши было окошко, как во всех домах нашей деревни. В скором времени пришли ребята и сообщили, что Самад и его друзья собрались на крыше. Мы продолжали сидеть и слушать песни, как вдруг уви-

дели, что через окошко на крыше по верёвке спускается какой-то свёрток, свисая прямо над корси¹.

В тот вечер мы позвали в гости и нескольких моих подруг. Они захлопали в ладоши и начали кричать:

– Гадам, возьми свёрток!

Я не могла поверить, что Самад в качестве жениха устроил всё это представление для меня как для своей невесты, поэтому даже не сдвинулась с места и только сказала:

– Идите и возьмите сами.

Одна из моих подруг потянула меня за руку и сказала:

– Иди быстрее!

Делать было нечего. Я подошла, встала на корси, а Самад вздумал пошутить и потянул за верёвку, чтобы я не смогла ухватиться. Мне пришлось встать на цыпочки, но Самад ещё больше подтянул верёвку, и через отверстие в потолке я слышала, как он смеётся.

«Сейчас я тебя проучу», – подумала я про себя, нагнулась и, делая вид, что собираюсь спуститься с корси, поставила одну ногу на пол. Самад подумал, что мне надоело и я уже не буду пытаться ничего ловить, поэтому отпустил верёвку и подарок оказался прямо над моей головой. Тогда я быстро повернулась и ухватилась за него. Самад понял, что проиграл, и отпустил верёвку. Гости захлопали в ладоши, подошли ближе и отвязали свёрток. Затем они отнесли его на середину комнаты и развязали.

И на этот раз Самад не поспешил. Купил блузки, шаровары, юбки, платки: всё по последней моде, а ещё – дорогие ткани тончайшей работы. Все гости были в восторге. Мать тоже купила кое-что для Самада. Она принесла свои подарки и сложила их на тот кусок ткани, в который

¹ Корси – традиционный иранский низкий стол с жаровней внизу. Сверху стелется тёплое одеяло, краями которого укрывают нижнюю часть тела для обогрева.

прежде были завёрнуты подарки для меня. Самаду положили ботинки, бельё, носки, рубашка, ткань на брюки, мыло и кристаллический сахар.

Мать завернула подарки и прикрепила этот новый свёрток к верёвке, свисавшей с потолка, а потом сказала мне:

– Гадам, милая, попроси Самада потянуть за верёвку.

Я встала на стол-корси, но растерялась, не зная, как мне назвать Самада. Это было в первый раз, когда мне пришлось обратиться к нему. Сначала я несколько раз потянула за верёвку, но никакой реакции не последовало, потому что на крыше в это время все пели и танцевали. Из-за спины я услышала голос матери:

– Гадам! Быстрее. Попроси же его.

– Самад... Самад... Самад... – позвала я.

Я слышала сама, как дрожит мой голос. От стыда я не могла пошевелиться. Но ответа не последовало. Мне пришлось опять потянуть за верёвку и крикнуть:

– Самад! Самад!

Сердце сильно стучало в груди. Дыхание прерывалось. Услышав мой голос, Самад наклонился через проём и с удивлением смотрел на меня. Этот взгляд заставил моё сердце биться ещё быстрее. Я указала на свёрток. Самад радостно потянул за верёвку и поднял его вверх, пока друзья на крыше продолжали хлопать в ладоши и плясать. Затем они спустились вниз и прошли в комнату, где сидели мужчины. После ужина члены обеих семей начали обсуждать предстоящую свадьбу. На следующий день к нам пришла мать Самада и пригласила нас в гости.

Мать велела мне: «Гадам, пойди к сёстрам и невесткам и скажи, что госпожа Гелин на завтра зовёт нас к себе». Я надела чадру и пошла, а на улице встретила Самада с корзиной на плечах. Увидев меня, он безумно обрадовался, рассмеялся и поставил корзину на землю. «Здравствуй», – сказал он. Только тогда я впервые ответила на

его приветствие. Мне показалось в тот момент, что я совершила большой грех, и от этой мысли вся задрожала, а вслед за этим, как всегда, убежала.

Увидев одну из сестёр во дворе её дома, я сообщила ей о приглашении и попросила передать другим сёстрам и невесткам, а сама опрометью понеслась домой. Я знала, что Самад шёл за мной по переулкам. Мне не хотелось, чтобы он меня опять встретил, и поэтому следовало пробежать незамеченной.

По дороге я увидела своего дядю, который ехал на машине, и попросила его остановиться.

– Что случилось? Почему ты так побледнела? – спросил он.

– Ничего страшного. Я просто спешу. Хочу быстрее добраться до дома.

Дядя открыл дверь машины и сказал:

– Давай садись, подвезу.

Господь Бог меня услышал! Мы проехали несколько улиц. В зеркало заднего вида я увидела, как Самад, стоя в начале улицы, с удивлением смотрел на меня.

В скором времени наши родственники начали часто ходить друг к другу в гости, а спустя несколько месяцев отец купил барана, чтобы заколоть его. Он дал какой-то обет, который хотел исполнить, и мать пригласила в гости семью Самада, чтобы они тоже поучаствовали в этом.

Рано утром мы сели в микроавтобус, который отец взял напрокат. Положив барана в багажник, мы отправились в мечеть, к гробнице святого, на вершину горы. Машина ехала в гору очень медленно, и водитель сказал нам:

– Машине тяжело. Пусть несколько человек сойдут.

Я, мои сёстры и невестки вышли. Самад пошёл за нами и хотел воспользоваться случаем, чтобы поговорить со мной, но я нарочно шла впереди или среди сестёр и невесток, болтая с ними. Самад очень рассердился из-за этого.

Наконец мы добрались до гробницы святого. Барана зарезали, сняли шкуру, разделали тушу на несколько частей и раздали собравшимся там людям. Часть мяса оставили на обед и поставили варить суп. Рядом с гробницей был небольшой сад, принадлежавший мечети. Увидев спелую вишню, я захотела её попробовать. Самад стал обрывать ягоды. Он несколько раз позвал меня, чтобы я помогла ему, но я каждый раз делала вид, что очень занята. Увидев, как Самад обрывает ягоды, сёстры и невестки решили помочь ему, а тот набрал горсть и отдал сестре со словами: «Отнеси эти ягоды Гадам. Она от меня бегаёт. Я собрал это для неё. Она сама сказала, что ей хочется вишни».

До самого вчера я ни разу не обратила внимания на Самада, а после это случая тот стал реже навещать родных. «Увольнения закончились», – объясняла его мать.

Время от времени Самад приезжал в выходные по четвергам и пятницам, заглядывал к нам, и каждый раз меня шёл разыскивать его брат Саттар. Всякий раз Самад привозил что-нибудь в подарок, а однажды привёз мне золотые сережки. Они были очень красивыми, и я знала, что он потратил на них много денег.

В другой раз он привез мне наручные часы. Увидев этот подарок, отец сказал: «Поблагодари жениха и обращайся с часами аккуратно. Они дорогие, японские».

В скором времени начали говорить о свадьбе. По вечерам родственники обеих семей собирались вместе и обсуждали, как лучше всё организовать. Вплоть до того времени мы с Самадом ни разу даже толком и не поговорили.

Однажды Хадиджа пригласила к себе в гости меня и других невесток. Братья ушли на поливные работы и их жёны решили устроить посиделки. Когда пришло время ложиться спать, одна из невесток попросила меня принести постельное бельё из другой комнаты. Там было темно и свет падал лишь из двери соседнего помещения. Войдя

внутрь, я начала снимать покрывало с постели, как вдруг почувствовала, что в комнате кто-то есть. Дрожая от страха, я всё-таки подумала, что мне просто показалось, взяла покрывало и вдруг неожиданно заметила какое-то движение. От испуга сердце сильно забилося в груди.

– Кто там? – спросила я.

В комнате было темно, и как я ни старалась, ничего не могла разглядеть.

– Это я, – раздался голос. – Не бойся. Я хочу с тобой поговорить.

Это был Самад. Я хотела вернуться, но он рассердился:

– Снова хочешь убежать? Сядь, говорю тебе.

Я впервые видела его таким сердитым.

– Ради Бога, уходи. Не позорь меня! – взмолилась я, едва не плача.

– Мы не сделали ничего дурного. Я не хотел сюда приходиться. Твои невестки в курсе. Меня пригласила сюда Хадиджа. Я пришёл поговорить с тобой. Нехорошо получается. Через месяц мы должны пожениться, но до сих пор не обмолвились и словом. Ты боишься меня, как огня. Мы должны поговорить друг с другом и обсудить всё самое важное ещё до свадьбы.

– Сейчас вернутся мои братья, – испуганно сказала я.

– Если придут твои, я сам с ними поговорю, – решительно ответил Самад. – А сейчас признавайся: ты меня любишь или нет?

От стыда я была готова провалиться сквозь землю. Что это вообще за вопрос? Слава Богу, в темноте я не видела лица Самада. Я молчала и тогда он снова спросил:

– Гадам, ты меня любишь или нет? Наверное, нет. Каждый раз ты убегаешь при нашей встрече. Скажи, может быть, ты любишь кого-нибудь другого?

– О Господи... нет, нет, честное слово. Что ты говоришь? Я никого не люблю, – ответила я.

– Послушай, Гадам, милая! – рассмеялся он. – Я тебя очень люблю и ты должна полюбить меня. Любовь может быть только взаимной. Я не хочу силой заставлять тебя стать моей женой. Если я тебе не нравлюсь, скажи честно. Поверь, ничего страшного не случится. Я просто положу конец всей этой истории.

Я стояла, по-прежнему не шевелясь, и только оперлась рукой о постель. Самад смотрел мне прямо в лицо.

– Никого не люблю, – призналась я. – Только... стесняюсь тебя.

– Ты меня любишь или нет? – со вздохом спросил он.

Я ничего не ответила.

– Знаю, что ты честная девушка. Мне нравится твоя честность и застенчивость. Нет ничего страшного в том, что мы разговариваем друг с другом. Если получится, мы сможем прожить вместе всю жизнь. Ты меня любишь или нет?

Я опять ничего не ответила.

– Заклинаю тебя твоим отцом. Ответь, ты любишь меня или нет? – повторил Самад свой вопрос.

– Да, – ответила я.

Казалось, он только и ждал этого ответа и сразу же начал признаваться в своих чувствах, а потом сказал:

– Скоро закончится моя срочная служба. Я хочу пойти работать. Купим землю и построим дом. Гадам, ты мне нужна! Ты должна стать мне опорой.

Затем, рассказывая о своих представлениях, он сказал, что рад жениться на такой верующей и скромной девушке, как я.

Самад всё очень красиво излагал, и я узнала от него много нового. В тот вечер мне подумалось, что другого такого мужчины, как он, в нашей деревне нет. Я не знала ни одного мужчину, который бы говорил женщине, что она должна стать его опорой.

Внимательно слушая Самада, я тоже иногда что-то говорила. Тот долго рассказывал о самом разном: о прошлом, о том, как я избегала его и как он от этого страдал, о том, что всякий раз с надеждой на взаимность приходил ко мне, а встречал только безразличие. Неожиданно, как будто вспомнив что-то, мой жених спросил у меня:

– Ты, кажется, пришла взять постельное бельё?

Он был прав. Я рассмеялась, взяла одеяло и ушла в другую комнату. Там я увидела, что, не дождавшись меня, Хадиджа заснула без одеяла и матраца. Другие невестки были во дворе. Они следили за тем, чтобы неожиданно не нагрязнили братья и не застали нас врасплох.

Было уже четыре часа утра. Выйдя во двор, Самад поблагодарил невесток и сказал:

– Спасибо вам всем. Теперь я всё знаю и со спокойной душой буду готовиться к свадьбе.

Он попрощался, и я пошла провожать его до дверей. Так я проводила его в первый раз.

Глава 5

В начале осени в деревнях начинают справлять свадьбы. После сбора урожая крестьяне готовятся к тому, чтобы вершить судьбы молодых.

Было 3 декабря 1977 года¹. С самого утра мы собрались поехать в Дамак, чтобы зарегистрировать там брак. В ту пору Дамак был районным центром.

Самад пришёл к нам домой вместе со своим отцом. Я надела чадру и собралась в дорогу в сопровождении своего отца. Проводив до ворот, мать поцеловала меня и прочитала мне на ухо молитву. Мы с Самадом сели сзади на мотоциклы своих отцов и так доехали до места.

В Дамак было одно-единственное здание администрации, а главным там оказался один приветливый старичок. Он взял наши паспорта, посмотрел на Самада и сказал:

– В паспорте невесты нет фотографии, поэтому я не могу зарегистрировать ваш брак. Тебе, парень, повезло – избежал массы проблем.

Мы сначала рассмеялись на его шутку, но потом, когда стало ясно, что без фотографии в моём паспорте нас не зарегистрируют, расстроились. Не солоно хлебавши мы сели на мотоциклы и вернулись в Каеш. Дома все очень удивились нашему скорому возвращению, и тогда мы рассказали, что случилось, а затем, оставив мотоциклы дома, сели на микроавтобус и поехали в центр провинции, город Хамадан.

¹ По иранскому календарю первая половина декабря соответствует последнему осеннему месяцу.

Мы добрались туда только к вечеру, и отец Самада сказал:

– Давайте сначала сделаем фотографию.

В Хамадане была большая красивая площадь, вся усаженная цветами и деревьями. В середине находился большой искусственный водоём, наполненный доверху водой, а в его центре на каменном пьедестале стояла скульптура шаха, сидящего на коне.

На этой площади работал фотограф, который снимал всех желающих. Отец Самада предложил сфотографироваться у него, и вскоре позвонил мне и отправился договариваться.

Фотограф предложил мне сесть на огромную канистру, стоявшую рядом с самшитами, а сам встал за фотоаппаратом на штативе, накрыл голову куском чёрной материи и поднял руку вверх, чтобы я смотрела на неё.

Я сидела ровно, не двигаясь, и во все глаза смотрела на руку этого человека, а через некоторое время он выглянул из-под чёрной накидки и сказал:

– Через полчаса будет готово.

Мы немного погуляли по площади, пока фотограф проявлял снимок, а потом отец Самада взял фотографии и отдал их мне. Помню, я очень плохо получилась и поэтому спросила отца:

– Неужели я так плохо выгляжу?

Отец разозлился и крикнул фотографу:

– Что за фотографии ты сделал?! Моя дочь здесь совсем на себя не похожа!

Ничего не ответив, тот только пересчитал деньги, но отец Самада заметил это:

– Моя сноха очень хороша и отлично получилась, – сказал он.

Я вздохнула, положила фотографии в сумочку, и мы поехали к другу моего будущего свёкра, где и заночевали,

а рано утром отец пошёл и вклеил фотографию в мой паспорт.

Наконец мы поехали на регистрацию. Работник загса взял наши паспорта и спросил у моего отца о сумме махра:

– Госпожа Гадам-Хейр Мохаммади-Кенаан, клянусь священным Кораном, что в качестве махра в вашем брачном договоре указана сумма в размере десяти тысячи туманов и вы становитесь женой господина...

Окончание речи я уже не слышала. Взглянув на отца, я увидела, что он улыбается. Он несколько раз кивнул мне, показывая, что одобряет происходящее.

– С разрешения отца, я согласна, – ответила я.

Сотрудник загса положил перед нами большую книгу, чтобы мы поставили в ней свои подписи. Вместо этого я приложила палец, где указал чиновник, а Самад, обученный грамоте, расписался.

Выйдя из загса, я почувствовала, что какая-то неведомая сила будто бы отрывает меня от отца, поэтому я всё время плакала, стоя рядом с ним и не отходя ни на шаг.

Настал полдень. Мы пошли в кафе, и свёкор заказал жаркое из баранины, гороха и картофеля. Я села рядом с отцом, а Самад незаметно дал мне знак, чтобы я села рядом с ним, но я сделала вид, что не поняла.

Самад раздражённо расхаживал из стороны в сторону и всё время спрашивал у присутствующих:

– У вас всё есть? Больше ничего не надо принести? – А затем его отец разозлился и сказал:

– Садись! За столом одного тебя не хватает.

Когда принесли еду, я замешкалась, потому что не представляла себе, как буду есть в присутствии Самада и его отца, но ничего другого не оставалось, поскольку я действительно была голодна. Когда все приступили к еде, я накрылась чадрой и съела всю порцию, не поднимая головы. Еда оказалась очень вкусной.

После обеда мы сели в микроавтобус и поехали домой. Самад снова сделал мне знак, чтобы я села рядом с ним, но я тихонько сказала отцу: «Хочу сесть рядом с тобой», – и он разрешил.

Я расположилась около окна, а отец сел рядом, но вскоре я поняла, что Самад на меня обиделся, поэтому по дороге не посмотрела на него ни разу, хотя мы сидели в одном ряду.

В Каеше нас уже ждали. Сёстры, невестки и другие родственники собрались в нашем доме. Увидев, что мы с Самадом и наши отцы вернулись, все побежали навстречу, стали поздравлять и целовать. Самад со своим отцом проводили нас до дверей, а потом попрощались и ушли. Я вдруг поняла, насколько мы с Самадом стали близки друг другу. Я хотела, чтобы он остался со мной, и до утра не сомкнула глаз, глядя во двор. Я ждала, что в любой момент дверь откроется и он войдёт в дом, но этого не произошло¹.

На следующий день во время завтрака у меня возникло странное чувство. Оказалось, что я стеснялась собственного отца. Я с детства сидела у него на коленях и всё время была рядом с ним, однако сейчас почувствовала, что между нами возникла целая пропасть. Задумавшись о чём-то, отец опустил голову и не произнёс за завтраком ни одного слова. Спустя некоторое время он куда-то ушёл. Почти сразу после его ухода я услышала голос матери, которая звала меня со двора.

Не помню, как я сбежала по лестнице во двор. Там я увидела Самада, одетого в военную форму. В руках он держал вещмешок. В первый раз я сама поздоровалась с ним.

¹ По заведённому в Иране обычаю, после регистрации брака свадьба празднуется не сразу и молодожёны вступают в супружеские отношения лишь спустя некоторое время.

– У тебя всё хорошо? – смеясь, спросил он.

У меня всё было плохо, потому что я уже начала скучать по нему.

– Возвращаюсь в гарнизон, – сказал он. – Увольнительная закончилась. Думаю, до свадьбы мы больше не увидимся. Береги себя.

Я расплакалась и только после его ухода заметила, что у меня по щекам невольно текут слёзы. Ком подступил к горлу. Я не хотела, чтобы меня кто-нибудь видел в таком состоянии, и, убежав в сад, села под то самое дерево, под которым после помолвки впервые увидела Самада. Там мне снова захотелось рыдать.

После этого каждый день мы готовились к предстоящей свадьбе: выбирали ткань для моей одежды, продумывали, какой будет причёска и макияж. Отец явно не поскупился и приготовил для меня богатое приданое. Он купил фарфоровый сервиз на шесть персон, два комплекта постельного белья, ковёр, кухонную плиту, швейную машинку и разную посуду.

Наконец, собравшись всей семьёй, мы погрузили приданое в пикап и отвезли в дом жениха. Там вещи разместили в отдельной комнате, где нам с Самадом предстояло жить.

Глава 6

Вечером накануне свадьбы Самад приехал из гарнизона и до полуночи под разными предложениями несколько раз приходил к нам домой.

На следующий день за мной пришёл брат Иман. Он посадил меня в свой новый красный пикап. Хадиджа села со мной рядом. Я опустила голову, но из-под накинутой на лицо красной полупрозрачной чадры могла всё видеть. К машине с радостными криками бежали деревенские дети, а некоторые из них даже сумели устроиться сзади. От топота их ног и прыжков автомобиль весь трясся, словно за ним собралась и бежала вся деревенская детвора. Боясь за свой новый пикап, брат даже сказал: «Сейчас у машины дно провалится».

От нас до дома Самада нужно было проехать несколько улиц, то есть совсем не далеко, но всё было обставлено так, будто меня провожают в долгий путь.

Мать, провожая меня, от волнения не заметила, как я села в пикап, ведь ещё не все ритуалы были совершены. Читая молитвы, она помогла мне выйти из пикапа и, прощаясь, на счастье провела меня под Кораном. Отца нигде не было. В деревнях не принято, чтобы отец участвовал в свадебной церемонии, но мне очень хотелось видеть его в эти последние минуты перед свадьбой. Хадиджа помогла мне сесть обратно в машину. Мы с матерью разрыдались, потому как не хотели расставаться друг с другом. Увидев, что мы обе плачем, невестка тоже не выдержала. Наконец пикап тронулся и я покинула отчий дом. В дороге мы с Хадиджой не переставали плакать.

Родственники Самада нас уже ждали. Увидев машину, они вышли к нам навстречу, открыли дверь пикапа и помогли мне выйти. Весь переулочек был в дыму от руты¹. Один из родственников, обладавший благозвучным голосом, пел чудесные песни о пророке Мохаммаде под непрерывающимися славословия посланнику Аллаха остальных присутствующих.

Самад поднялся на плоскую крышу дома и вместе со своими приятелями начал по традиции бросать на улицу плоды граната и сахар. Я испугалась, что сахар или гранат упадёт мне на голову, но Самад и не собирался ничего бросать в мою сторону. Затем для гостей, прибывших на свадьбу, накрыли праздничный стол. Вечером, когда все они разошлись, в доме остались только близкие родственники, и мы начали готовить ужин.

Первые два дня мы с Самадом стеснялись выходить из комнаты. Свекровь приносила нам завтрак, обед и ужин на подносе, который ставила на пол со словами: «Еда стоит у двери».

Мы выжидали какое-то время, чтобы убедиться, что за дверью никого нет, забирали поднос и приступали к трапезе.

Согласно обычаю вечером второго дня после свадьбы родственники жениха должны явиться в дом невесты. В тот вечер я не могла найти себе места. Я оделась и села в углу комнаты, желая показать, как сильно соскучилась по своим родителям, и поторопить со сборами остальных. Наконец мы поужинали и собрались идти.

Я была на седьмом небе от счастья. Хотелось бежать быстрее других, чтобы как можно раньше оказаться в родном доме, поэтому я всё время оказывалась впереди, а Самад время от времени догонял меня и тянул за чадру.

Добравшись до родительского дома, я чуть не сошла с ума от радости, а как только увидела отца, то бросилась

ему в объятья и по обыкновению принялась его целовать: сначала – в оба глаза, потом – в обе щёки, в кончик носа и даже в оба уха. Мать стояла в сторонке и тихо плакала: «О Господи, доченька, будь счастлива».

Родственники Самада с удивлением наблюдали за этой сценой, ведь ни одна девушка в нашей деревне не осмелилась бы при всех так целовать своего отца. Погостив у родителей несколько часов, я почувствовала нечто новое, как будто только что появилась на свет. Я сидела рядом с отцом и, взяв его за руки, то прижимала их к своим глазам, то целовала. Несколько раз я подходила и садилась рядом с матерью, своей «дорогой Ширин», обнимала и говорила о том, как её люблю.

Наконец пришло время прощаться. Мне было очень тяжело расставаться с родителями. Я несколько раз подходила к двери, вновь возвращалась и, не переставая целовать отца, давала матери напутствие: «Дорогая мамочка, береги отца. Вручаю его тебе. Люблю вас больше всех на свете».

Обратно я шла очень медленно и совсем не так, как по дороге в дому родителей: ступала маленькими шажками и сильно отстала от остальных. Мне хотелось, чтобы никто не видел моих слёз. Самад шёл молча и следил за тем, чтобы я не упала, споткнувшись об один из ухабов узких деревенских улиц.

На следующий день Самад должен был уехать, потому как его армейская служба ещё не закончилась, а после отъезда мужа его дом превратился для меня в настоящую тюрьму. Мать Самада была на сносях. Если в родительском доме я не занималась домашними делами, то теперь в мои обязанности входило мыть посуду, подметать, готовить тесто на десять или двенадцать человек. Руки у меня были маленькие и слабые, поэтому я не могла замесить тесто так, чтобы оно превратилось в однородную массу. На дворе был ноябрь месяц. Стало холодно и двор занесло

¹ Рута – душистая трава, которую в Иране принято в засушенном виде разжигать на счастье.

сухими жёлтыми листьями, так что мне приходилось часами сметать их в одну кучу.

Прошло две недели со дня моего замужества. Однажды свекровь решила навестить свою дочь и сказала мне: «Пойду к Шахле, а ты приготовь ужин».

За это время я выполняла любую работу по дому, но готовить не приходилось ни разу. Я пошла на кухню, которая была на первом этаже, разожгла примус, налила воду в кастрюлю и стала ждать, когда она закипит. Огонь в примусе был очень слабый и мне приходилось подкачивать воздух насосом. Наконец вода закипела. Я засыпала рис, который до этого успела перебрать и промыть. От волнения у меня немели руки. Я не знала, когда надо снимать кастрюлю с огня, но на помощь мне пришла золовка Кубра. Я просила Бога, чтобы рис хорошо проварился и чтобы мне не было стыдно за плохо приготовленный ужин, поэтому Господь послал мне её. Как только рис закипел, золовка сказала: «Пора снимать с огня».

Мы вдвоём подняли кастрюлю, слили воду и поставили рис томиться, после чего пожарили для плова картошку, мясо и лук.

Вечером вся семья собралась дома. Я отнесла приготовленную еду в столовую, а сама села в углу кухни и стала молиться, чтобы всё прошло хорошо. Кубра позвала меня, и я в смятении вошла в комнату. Свекровь сидела за столом. Тарелки уже были пустыми, и все родственники одобряли приготовленный ужин.

На следующий день в гости к свекрови пришла соседка. Я в это время подметала во дворе и слышала, как свекровь нахваливала ей мою стряпню: «Вы не представляете, какой вкусный ужин нам вчера приготовила Гадам! Она прекрасно готовит. Недаром дочь Ширин».

Только тогда я впервые почувствовала себя спокойно в доме мужа.

Глава 7

Прошло два месяца со дня нашей свадьбы. Беременность свекрови подходила к концу, и мы ожидали, что у неё скоро должны начаться схватки. Как-то вечером, закончив домашние дела, я собиралась немного отдохнуть. Вдруг Кубра в панике открыла дверь в мою комнату и крикнула:

– Гадам! Беги скорей! Маме плохо!

Мгновенно вскочив с места, я побежала в комнату свекрови и от растерянности совсем не знала, что делать.

– Пошлите кого-нибудь за акушеркой, – наконец сказала я, а затем вспомнила, как поступала моя мать, когда начинались роды у моих сестёр и невесток. Вместе с другими женщинами мы принесли в комнату большой самовар, поставили его в углу и разожгли. Как только первые схватки прекратились, свекровь сказала, что одежда для новорожденного лежит в комодке вместе со старыми кусками материи, которые могли понадобиться в день родов, а несколько больших тазов вместе с чистыми пелёнками стояли под лестницей во дворе. Вместе с другими золовками и невестками я, как сумасшедшая, бегала по дому и приносила всё, что было нужно для родов. Наконец пришла акушерка.

Мне не хотелось видеть свекровь в таком состоянии. Я отвернулась и занялась самоваром, делая вид, что слежу за огнём и жду, когда закипит вода. Услышав крики роженицы, я расплакалась и начала молиться. Через какое-то время крики стали ещё громче и вскоре в комнате раздался плач новорожденного.

Все женщины, сидевшие вокруг свекрови, радостно вскочили со своих мест. Акушерка завернула ребёнка в белую пелёнку и передала родственницам. Я же продолжала сидеть в углу комнаты.

– Гадам, налей горячей воды в этот таз, – попросила меня одна из невесток.

Другая невестка начала мне помогать. Мы поднесли таз к самовару, открыли кран и стали ждать, когда он наполнится.

– Гадам, – сказала мне невестка, – посмотри, какой замечательный братик родился у твоего мужа.

Наполнив таз наполовину, мы поставили его рядом с акушеркой. Свекровь продолжала стонать. Все женщины громко разговаривали, и акушерка сказала им:

– В чём дело?! Помолчите! Во время родов нельзя так галдеть. Дайте мне сделать моё дело. Тут двойня и я не могу достать второго ребёнка.

Когда все замолчали, она обратилась ко мне:

– Гадам, скорее найди машину, чтобы отвезти свекровь в больницу. Я больше ничем не могу помочь.

Я выбежала во двор и увидела свёкра, который сидел на ступеньках и был очень бледен. Он испуганно посмотрел на меня.

«У свекрови двойня, – заикаясь, сказала я. – Она не может родить второго ребёнка. Надо вести её в город, в больницу. Срочно нужна машина».

Свёкор встал и, обхватив голову руками, быстро прочёл молитву имаму Хусейну¹, а потом выбежал на улицу.

Вскоре к дому на машине подъехал мой брат. Несколько человек отнесли свекровь в салон и осторожно уложили. От боли она была почти без сознания. Брат сказал, что отвезёт её в областной центр в Разане. Некоторые женщи-

¹ Имам Хусейн (626–680) – внук пророка Мохаммада и третий шиитский имам, самый почитаемый после имама Али.

ны уехали со свекровью, а со мной осталась Кубра и младенец, который так и не прекращал кричать.

Мы с золовкой были в полной растерянности и совершенно не знали, что нам делать с новорожденным. Кубра вручила мне ребёнка, завернутого в одеяло, и сказала:

– Гадам, посмотри за ним, а я пока сделаю сладкую водичку.

Боясь взять малыша на руки, я ответила:

– Давай лучше ребёнок побудет у тебя, а воду с сахаром я сама приготовлю.

Не дожидаясь согласия золовки, я пошла к самовару, поднесла кружку к кранику и стала наливать воду, а затем, бросив в кружку несколько щепоток сахарного песка, размешала его ложечкой.

Младенец не прекращал плакать ни на минуту. Самовар кипел и от него поднимался пар. Мы хотели потушить его, но на это не было времени. Гораздо важнее было успокоить ребёнка, который прямо надрылся от крика.

Я дала кружку с водой Кубре – поить малыша, но он не мог сделать и глотка. Он открывал ротик, чтобы попить материнского молока, а железная ложка его пугала, поэтому он начал плакать ещё сильнее. Мы с Куброй последовали его примеру. Отчаявшись его успокоить, мы обе расплакались.

Свекровь в тот же день родила второго ребёнка в больнице Разана. Это была девочка. Уже на следующий день мать с младенцем приехали домой. Свекровь ещё не успела выспаться в своей постели, как мы положили к ней новорождённого мальчика, чтобы она кормила его. Мальчик с аппетитом пил материнское молоко, и мы плакали уже от радости.

После рождения близнецов наша жизнь изменилась и приобрела новый смысл. Мне это очень нравилось, но Самад продолжал службу и приезжал домой раз в две недели, а в его отсутствие я чувствовала себя очень одинокой.

К счастью, после рождения близнецов в доме чаще стали бывать гости и у меня было так много дел, что не оставалось времени скучать по мужу.

Мне приходилось убирать в доме, мыть посуду, подметать двор, готовить еду. Вечерами я настолько уставала, что, не успев подумать о чём-то, засыпала глубоким сном. Когда через несколько недель Самад приехал домой, то, увидев меня, очень удивился.

– Ты очень похудела, – сказал он. – Ты не больна?

– Это всё от забот о твоём брате с сестрой, – сказала я.

Это была шутка. Я была готова работать и больше, лишь бы муж оставался рядом со мной. Иногда, когда Самад уходил куда-то, я буквально металась по дому, как раненая птица, и не могла дождаться его возвращения. Я всё время смотрела на дверь и думала про себя: «Неужели нельзя эти два дня остаться дома и никуда не ходить?»

Он говорил, что у него есть дела, а я сама должна справляться со своими обязанностями, но я по нему скучала, а он не понимал, почему я хочу, чтобы он оставался со мной. Наверное, ему хотелось услышать от меня, что я люблю его и сильно скучаю, а вместо этого я опускала голову и молчала.

Муж старался проводить со мной как можно больше времени, но помочь мне он никак не мог. «Нехорошо, если я буду помогать своей жене на глазах у своих родителей, – говорил он. – Но даю слово, что когда у нас будет свой дом, я буду всё делать за тебя».

Бывало, он садился рядом и говорил:

– Ты делай свои дела и разговаривай со мной, а я буду на тебя смотреть.

– Лучше ты разговаривай, – отвечала я.

– Нет, ты, – говорил он. – Мне нравится, когда ты разговариваешь. Когда я уезжаю в часть, то вспоминаю тебя и твой голос – и мне не так тоскливо.

Самад бывал дома наездами, и я старалась терпеть всё, пока он служит и пока мы не можем жить самостоятельно.

Близнецы понемногу росли. Когда мы выходили из дома, я каждый раз несла одного из них. Чаще всего я брала на руки Хамида. Помня о той ночи, когда он совершенной измучил нас и плакал до самого утра, я испытывала к нему материнские чувства. Когда люди видели меня с ним, то приговаривали, смеясь: «А мы и не заметили, когда ты родила».

Через месяц свекровь пришла в норму. Она вставала рано утром, поэтому мне приходилось делать это ещё раньше, засветло, чтобы растопить печь и помочь ей испечь хлеб. Я просыпалась ни свет ни заря, правда, иногда не могла вовремя подняться с кровати, и тогда свекровь сама топила печь и пекла хлеб. В эти дни я даже не осмеливалась выйти во двор. Проснувшись рано утром, я первым делом отодвигала занавеску и смотрела во двор. Если труба, которую мы ставили на печку, стояла у стены, я радовалась, понимая, что свекровь ещё не проснулась, но если труба была уже наверху, это означало, что я проспала.

Глава 8

Зима подходила к концу. Заканчивался последний зимний месяц, но снег ещё не растаял. На деревенских улицах лежал грязный снег, почерневший от печного дыма и смешанный с землёй. Все женщины по традиции в конце года занимались генеральной уборкой и стиркой всего белья. Днём мы мыли окна, но к вечеру погода портилась, ночью гремел гром и шёл дождь, поэтому вся наша работа шла насмарку.

Самад закончил службу всего за несколько недель до наступления Ноуруза¹. Мне казалось, что я самая счастливая на свете. С большим усердием с утра до вечера я подметала полы и мыла весь дом целиком. «Ничего, – успокаивала я себя, – зато это самый лучший Новый год в моей жизни. Муж рядом и мы вместе будем радоваться этой чистоте».

Самад вернулся из армии и теперь занимался поиском работы, редко появляясь дома. Часто он уезжал в Разан, но однажды случилось то, что заставило его остаться.

Рано утром, когда мы ещё завтракали, в дверь постучала свекровь. Поздоровавшись, она положила своих близнецов в комнате и сказала Самаду:

– Я хочу сегодня пойти к своей сестре Шахле. Ей надо помочь с домашними делами, а эти дети не дают мне ничего делать. Присмотрите за ними.

Перед уходом свекровь повернулась ко мне и добавила:

¹ Ноуруз – иранский Новый год, который отмечают 21 марта по григорианскому календарю.

– Гадам, в гостиной очень грязно. Подмети там и вытри кофоть.

Самад уже оделся и собирался уйти, но помедлил и спросил меня:

– Ты можешь одновременно смотреть за детьми и убираться в доме?

Я пожалала плечами и невольно сжала губы. Не дождавшись моего ответа, муж сказал:

– Ты не справишься со всем сразу.

Сняв куртку, он заявил:

– Я присмотрю за детьми, а ты иди убираться. Когда закончишь с уборкой, тогда я уйду.

Я подумала, что ещё рано и дети спят, поэтому действительно лучше сначала сделать уборку, а с детьми Самад вполне справится.

Открыв окна в гостиной, я подняла все четыре края одеяла, лежавшего на корси, и обернула матрацы в чистые простыни, но как только взяла в руки веник, раздался плач близнецов. Сначала я не придавала этому особого значения, решив, что Самад сможет их успокоить, но вскоре услышала голос мужа:

– Гадам, Гадам! Иди, выясни, что хотят эти дети!

Я бросила веник и побежала в нашу комнату, которая находилась по другую сторону двора. Дети проснулись и были голодны. Одного я отдала Самаду, а другого взяла на руки сама и стала греть молоко. Попив его, близнецы успокоились. Я воспользовалась свободной минутой и пошла опять подметать комнату, но, не успев подмести и половину, опять услышала плач детей. Не дожидаясь, пока Самад меня позовёт, я снова пошла к ним, и правильно сделала, потому что после молока оба намочили пелёнки. Я начала снимать с них всё мокрое, а муж стоял надо мной и смотрел, что я делаю.

– Хочу научиться, что делать, когда у нас будут свои дети, – сказал он.

Дети были чистые и сухие, покушали, и поэтому я решила, что теперь они помолчат и поспят хотя бы пару часов, а я тем временем смогу продолжить уборку. Я взяла в руки веник и начала подметать.

В комнате пыль встала столбом, поэтому я завязала рот платком. Слабый солнечный свет проникал в комнату и было видно, как в воздухе летают частицы пыли. Я решила потом расстелить матрацы на балконе, чтобы они хорошенько прогрелись на солнце, как вдруг в очередной раз раздался плач детей и крик Самада:

– Гадам, Гадам! Иди, выясни, что хотят эти дети!

Я положила веник на пол и снова пошла в нашу комнату. Дети были сыты, пеленки сухие, так почему же они снова кричали? Мы с Самадом взяли их на руки и стали носить по комнате. Я переживала, что не закончила уборку и что Самад опоздал на встречу по работе, но он продолжал успокаивать меня:

– Когда дети уснут, я помогу тебе в гостиной.

Дети заснули у нас на руках, но всякий раз, когда мы клали этих младенцев на постель, они просыпались и начинали опять плакать. Мы замучились таскать их на руках, ходя по комнате взад и вперёд, поэтому сели, положили детей на колени и стали качать, чтобы оба наконец заснули. Самад начал вспоминать прошлое с того момента, как увидел меня на ступеньках дома моего двоюродного дедушки.

– Я полюбил тебя с того самого дня, – признался он.

Муж вспоминал о тех временах, когда я не разговаривала с ним, а он постоянно искал кого-нибудь, чтобы посятаться ко мне.

– Сейчас, когда ты наконец стала моей женой, – сказал он, – то должна стать самой счастливой женщиной в Каеше.

Речь Самада действовала на детей как колыбельная. Если он умолкал, они снова принимались плакать, и что бы мы ни делали, уложить детей спать так и не получи-

лось. Просто не знали, что придумать. Только положим – они опять начинали кричать. Приходилось снова кормить их молоком, но после этого они опять были мокрыми. Только перепеленаем – они успокоятся и опять не спят, хотят играть. Теперь им уже нужен был человек, чтобы он взял их на руки и ходил с ними по комнате.

Наступил полдень, а я так и не смогла закончить уборку в гостиной. Мне пришлось оставить детей с Самадом, а самой идти готовить обед, но муж не мог один справиться. На улице было холодно, и гулять с детьми мы не могли. Еле-еле я успела приготовить обед. В полдень все члены семьи, кроме свекрови и золовки, собрались дома. Я накормила обедом деверей и свёкра и хотела уже убирать со стола, как вдруг снова услышала плач детей.

С близнецами забот у меня прибавилось. Я должна была готовить молочную смесь, менять им пелёнки и укладывать спать, поэтому не заметила, как наступил вечер и вернулась свекровь. Я не успела ни убрать гостиную, ни подмести во дворе, ни помыть посуду, и свекровь, увидев всё это, рассердилась. Муж вступился за меня и рассказал матери, что дети с самого утра не давали нам заниматься делами. Свекровь промолчала.

Мы вернули ей детей и наконец-то спокойно вздохнули, а утром следующего дня Самад снова пошёл искать работу. В Каеше у него ничего не получилось и ему пришлось отправиться в Разан. Когда он понял, что работы нет и там, то сложил вещи и отправился в Тегеран. Через несколько дней Самад вернулся и сообщил мне:

– Я нашёл хорошую работу и должен на днях приступить. Жалко, что не смогу быть с тобой на Новый год, но ничего не поделаешь.

Я очень огорчилась и попыталась ему возразить:

– У меня уже есть планы на праздники. Ты не должен уезжать.

Видно, Самад был расстроен ещё больше меня, но изменить решение не мог.

– Делать нечего, – ответил он. – Сколько ещё родители должны нас содержать? Мне стыдно. Я не могу быть нахлебником. Мне надо работать. Мы должны есть свой хлеб.

Так муж уехал в первый Ноуруз после нашей свадьбы, и я осталась одна: каждый день плакала в подушку, каждую ночь видела Самада во сне и с трудом сдерживала себя, чтобы не расплакаться, когда невольно наблюдала, как другие молодые жёны вместе со своими мужьями ходят в гости, получают новогодние подарки.

Наступил апрель, а вслед за ним и май. Воздух был напоен ароматом цветов и свежестью молодой листвы. Казалось, что улицы Каеша щедро украсил зеленью сам Господь Бог.

Однажды, когда я хлопотала по дому, мой младший деверь закричал с улицы: «Самад приехал!»

Не помня себя от радости, я босиком выскочила с балкона во двор, перепрыгивая через ступеньки, схватила платок, сохнувший на верёвке среди другой одежды, накинула на голову и выбежала на улицу. Там действительно был Самад. Смеясь, он бежал мне навстречу. В руках у него было два больших пакета. Мы встретились посреди улицы и, остановившись, уставились друг на друга. На глазах мужа блестели слёзы. Я не выдержала и расплакалась. Мы вместе плакали и смеялись одновременно и даже забыли поздороваться. Потом, когда мы уже вместе вошли во двор, Самад вручил мне один из пакетов и сказал: «Это для тебя. Отнеси в нашу комнату».

Узнав, что Самад вернулся, родные вышли его встречать. После обычных приветствий и тёплого приёма все собрались в комнате свекрови. Муж поставил свой пакет на пол и сел, а все родственники сидели вокруг Самада

и по очереди справлялись о его здоровье. Он рассказал, что всё-таки устроился работать бетонщиком и достраивал в Тегеране дом, построенный уже наполовину. Потом Самад открыл пакет и раздал гостинцы отцу, матери, братьям и сёстрам. Чего там только не было – платки, шали, блузки, брюки, обувь и зонтики.

Одна из золовок, которая до этого увидела мой пакет с подарками, настаивала, чтобы я принесла его и показала свои гостинцы. Я застеснялась, опасаясь, что муж мог привезти вещи, которые мне не подойдут, поэтому сказала, что сделаю это позже, и, к счастью, золовка всё поняла и перестала настаивать.

Когда мы пришли в нашу комнату, Самад хотел, чтобы я скорее раскрыла пакет с его подарками для меня. Заглянув внутрь, я поняла, что муж, как всегда, не поспешил и купил несколько платков, юбок, платьев, а также ткань для чадры и шаровар. Ещё там были ножницы, принадлежности для шитья, мыло, заколки для волос – всё это едва помещалось в одном пакете.

– Что это? – спросила я. – Ты в паломничество в Мекку ездил, раз привёз столько гостинцев?

– Это всё тебе, – ответил муж. – Я знаю, как много ты делаешь по дому. Содержать дом, в котором живёт дюжина людей, – дело нелегкое. Ты все это заслужила. Не стоит меня благодарить.

– Спасибо тебе, – всё же сказала я. – Но ты привёз слишком много.

Самад рассмеялся в ответ:

– В первый день, когда я приехал в Тегеран, я дал себе клятву: буду регулярно покупать тебе что-нибудь. Каждая вещь достойна отдельного рассказа. Скажи, что тебе больше всего понравилось?

Все вещи, которые он мне купил, были очень красивыми, и я не могла сказать, что самое лучшее.

– Всё здесь замечательное. Спасибо тебе, – ответила я.

Но муж стоял на своём:

– Гадам, милая, скажи всё-таки, что тебе понравилось больше всего.

Я снова посмотрела на подарки и больше остального мне приглянулась ткань для домашних шаровар.

– Эта ткань красивее всего, – сказала я.

От радости муж вскочил с места и воскликнул:

– Ты представить себе не можешь, в каком настроении я её покупал! В тот день я особенно сильно тосковал по тебе, так что эту ткань покупал с особым чувством. Я тогда настолько соскучился, что хотел уже бросить работу и вернуться к тебе.

Он склонил голову, чтобы я не видела его глаз, полных слёз. С этого дня нас часто приглашали в гости. Родственницы – Шахла, Ширин и другие, – узнав о возвращении Самада, стали наперебой звать нас к себе.

Самад с радостью принимал приглашения, поэтому вечерами мы допоздна сидели в гостях у родственников и знакомых. Мы рассказывали различные истории и беззаботно смеялись, а после возвращения домой Самад сажал меня рядом и заводил беседу.

– Из-за этих визитов у меня совсем нет времени побыть с тобой, – говорил он. – Ты приходишь в гости и сразу идёшь к другим женщинам, поэтому я тебя мало вижу и скучаю. Те несколько дней, когда я дома, мы должны чаще быть вместе, ведь когда я уезжаю, то сильно тоскую по тебе и ругаю себя, что так мало тебя видел и мало с тобой разговаривал.

Как же приятно было слышать такое, но эта радость продлилась не больше недели. Ближе к выходным Самад снова уехал. Это было вечером. Я осталась сидеть в комнате и горько плакала, скрывшись от посторонних глаз. Всё вокруг напоминало о муже. Все вещи в доме хранили

на себе его запах. У меня не было сил с кем-то разговаривать или что-то делать и всё время казалось, что вот-вот кто-нибудь из родни скажет, что надо держать себя в руках, и тогда я точно расплачусь. Я почувствовала, что с отъездом Самада осталась совсем одна, и тогда начала думать об отце, понимая, что сильно соскучилась по нему. Помню, я накрылась с головой одеялом, которое хранило запах мужа, и сердце заныло от тоски по родительскому дому.

«Папочка, как же ты смог оставить свою дочь? Мамочка, почему ты не хочешь узнать, как мне живётся?» – думала я в тот вечер и плакала, пока не заснула.

На следующее утро мне было не по себе. Я была легко ранимой и все в доме казались чужими. Даже была мысль вернуться к родителям, но я не могла оставить близнецов, ведь в мои обязанности входило пеленать их и стирать пелёнки. Свекровь ушла куда-то по делам, поэтому я сама напоила малышей молоком, уложила спать и занялась приготовлением обеда, а затем помыла посуду, оставшуюся грязной со вчерашнего дня, подмела во дворе и вернулась приглядывать за детьми.

Я тогда так устала, что заснула ещё до наступления вечера, а на следующее утро вскочила с постели и по обыкновению отёрнула занавеску. Было уже светло. Я не знала, что мне делать: хлеб уже был испечён и лежал в печке. Почему же я проспала? Почему не смогла вовремя проснуться? Что теперь скажу свекрови? Вдруг я поняла, что у меня нет сил даже на то, чтобы слушать её упрёки и ругань, поэтому, надев чадру, тихонько вышла из дома и побежала в дом родителей.

Увидев мать во дворе, я расплакалась. Отец был дома. Когда он меня заметил, то спросил:

– Что случилось? Кто тебя обидел? Тебе что-то сказали? Почему ты плачешь?

Я не смогла ничего ответить и только рыдала. Всё в доме напоминало мне о детстве, и я с грустью думала о своей прошлой жизни. Никто не понимал, отчего я так мучаюсь. Мне было неловко признаться, что скучаю по мужу, но одиночество было невыносимо, поэтому я сказала родителям, что хочу побыть с ними до возвращения Самада.

Целую неделю я прожила в родительском доме и всё это время не переставала скучать по мужу, хотя в присутствии отца, матери, сестёр и братьев мне стало легче, а однажды дверь нашего дома распахнулась и на пороге появился Самад. Не веря своим глазам, я с удивлением посмотрела на него. Вдруг мне стало нехорошо. Я подумала, что сейчас он станет меня ругать или огорчится из-за того, что я вернулась к родителям, однако муж повёл себя, как и прежде. Он рассмеялся и начал расспрашивать меня о здоровье. Потом признался, что сильно соскучился и всё время не переставал думать обо мне.

– Я переживал, что, не дай Бог, с тобой случилась какая-нибудь беда. У меня было странное предчувствие, и замучили кошмары по ночам.

Потом пришли мои родители. Он поговорил с ними, рассмеялся и сказал мне:

– Гадам, пошли домой.

– Сегодня я останусь здесь, – ответила я.

От обиды он закусил губу, но продолжил стоять на своём:

– Нет, пойдём.

Надев чадру, я попрощалась с отцом и матерью. Мы вышли из дома вдвоём. По дороге он всё время что-то весело мне рассказывал. Деревня у нас маленькая и соседи быстро обо всём узнавали. Ни для кого не было секретом, что неделю назад я ушла из дома свекрови и даже ни с кем не попрощалась, поэтому все кругом удивлялись, когда

видели, что мы с мужем идём рядом и весело беседуем. Никто не ожидал, что Самад так отреагирует на мой уход из его дома. Сама я думала, что Самад вообще не знает, что произошло, но когда мы подошли к нашему дому, он остановился и тихо сказал мне: «Гадам, милая, делай вид, что ничего не случилось. Веди себя так, как и прежде. Похудей со всеми, как ни в чём не бывало. Я уже со всеми поговорил и обещал, что приведу тебя обратно. Они тоже не должны ничего говорить. Ладно?»

Я с облегчением вздохнула, а когда мы вошли в дом, сделала всё в точности так, как просил меня муж. Свекровь и свёкор в свою очередь сделали вид, что всё хорошо, и мы спокойно пошли в нашу комнату. Самад взял в углу сумку и весело открыл.

– Иди посмотри, что я тебе купил.

– Опять ты потратился, – сказала я.

Те несколько дней, когда Самад был со мной рядом, были лучшими в моей жизни. Муж не позволял мне ничего делать по дому и всё время повторял: «Ты только сиди и рассказывай что-нибудь, ведь я так по тебе соскучился».

Каждый день по вечерам мы ходили в гости и домой приходили только ближе к ночи. Постепенно все близкие, друзья и знакомые стали говорить мне, что я счастливая и Самад меня сильно любит, а у меня сердце замирало от таких слов, однако эти несколько счастливых дней быстро закончились. В день отъезда Самад остановил меня и сказал:

– Гадам, я уезжаю, но хочу быть за тебя спокойным. Если тебе у нас хорошо, то оставайся, но если будет тяжело, можешь уйти в дом отца. Решай сама.

Я немного подумала и ответила:

– Я хочу уйти в родительский дом. Здесь мне неуютно.

Самад немного расстроился, но старался не подавать виду:

– Иди, собери свои вещи. Лучше нам выйти вместе.

Я сложила вещи в сумку, спокойно со всеми попрощалась и ушла, а Самад оставил меня у родителей и уехал.

После его отъезда что-то внутри меня оборвалось. Я не могла выносить разлуку с мужем, ведь он был так нежен. Я вспоминала его заботу обо мне и ещё больше начинала скучать.

В нашей деревне никто раньше так не относился к своей жене, как Самад. Где бы я ни была, все вокруг хвалили его. Я любила его с каждым днём всё больше и больше, и он, наверное, чувствовал то же самое.

Как же мне стало радостно, когда через неделю Самад опять приехал! «Гадам, что ты со мной сделала!? – спросил он. – Как неделя подходит к концу, я становлюсь сам на свой. Думаю, что умру, если не увижу тебя».

В тот день он вместе с моим братом принёс к нам от свекрови наши вещи и сложил их в одну из комнат, а потом впервые остался ночевать в доме моего отца. В нашей деревне было не принято, чтобы зять оставался на ночь в доме тестя, поэтому утром, когда мы проснулись, Самад даже постеснялся выйти из комнаты. Мне пришлось кормить его завтраком и обедом в нашей комнате, а вечером он оделся и сказал: «Я уезжаю, так что собери свои вещи и иди в дом к дяде. Я не могу жить здесь. Мне неудобно перед твоим отцом».

В тот день я впервые почувствовала, что беременна, но Самаду ничего об этом не сказала, а на другое утро пошла к дяде Самада. Он жил один, потому что жена умерла несколько лет назад. «Дядюшка, – сказала я ему, – будьте нам с Самадом вместо отца и позвольте какое-то время пожить у вас». После этих слов я рассказала старику о нашем положении.

Дядя Самада как будто только и мечтал о таких гостях и радушно принял нас у себя. Я рассказала обо всём родителям и с их помощью мы собрали вещи и перебрались в

дом дяди. В тот же вечер он сказал, чтобы я чувствовала себя в его жилище полноправной хозяйкой, отдал ключи, а сам переехал к свекрови, планируя жить там до тех пор, пока мы с Самадом не переедем из его дома.

Через несколько дней я рассказала о своей беременности Хадидже, а та сообщила новость матери. С той поры меня ни на минуту не оставляли одну.

Муж приехал только через месяц. Когда я рассказала ему, что беременна, он был вне себя от радости, провёл со мной несколько дней и буквально не выпускал из дома. Тогда же муж купил у моей сестры земельный участок за сто пятьдесят туманов. Это стало радостным и знаменательным событием, после чего Самад сказал, что скоро закончит строительство дома в Тегеране и на время оставит работу, чтобы вернуться и построить свой собственный.

В начале лета муж сделал, как обещал, и мы принялись за строительство собственного жилья. Он стал прорабом, а я его рабочим. Скоро к нам на помощь пришёл и деверь Теймур.

Стояло жаркое лето, начался Рамазан, но я всё равно помогала мужу на стройке и соблюдала пост.

Однажды мы с Хадиджой пошли в баню, но когда пришли домой, я почувствовала себя плохо. У меня случился тепловой удар, и я просто умирала от жажды. Сколько Хадиджа ни лила мне на голову холодной воды, лучше мне не становилось, и я даже не могла подняться с постели. Хадиджа стала настаивать, чтобы я прервала пост, но я не поддавалась на её уговоры, и тогда она сказала:

– Сейчас я пойду за Самадом и скажу, чтобы он вёз тебя в больницу.

Самад в это время занимался строительством дома.

– Нет, – ответила я. – Когда его мать была им беременна, она тоже соблюдала пост. Оставь меня. Сейчас полегчает.

Прошло какое-то время, но мне стало не лучше, а ещё хуже. Хадиджа продолжала настаивать:

– Прекрати пост, иначе ты навредишь и себе, и ребёнку.

Но я стояла на своём:

– Посплю, и мне станет лучше.

Хадиджа очень за меня испугалась и вспылила:

– Как хочешь! Мне-то что! Вот родишь больного ребёнка и пожалеешь, что не послушала меня.

Когда она это сказала, мне стало не по себе, но я подумала, что если нарушу пост, то ребёнок родится неверующим, а когда мне стало совсем плохо и начало трясти с головы до ног, Хадиджа накинула чадру и собралась идти за Самадом.

– Не зови его, – попросила я. – Он разволнуется. Ладно, я прерву пост, но с одним условием.

Хадиджа немного успокоилась и спросила:

– С каким?

– Ты тоже должна прервать пост.

Невестка открыла рот от удивления и глаза у неё стали круглыми.

– Плохо тебе, а нарушать пост должна я?! – воскликнула она.

– Меня это не волнует, – ответила я. – Или прекращаем вместе, или я продолжаю пост.

Хадиджа смешалась, а я чувствовала, что вот-вот потеряю сознание. Перед глазами всё плыло, тело похолодело и меня всю знобило. Хадиджа принесла пару яиц и приготовила яичницу, а потом еще сходила за хлебом и зеленью. От запаха яичницы мои руки и ноги занемели и начало подташнивать. Хадиджа поднесла мне ко рту один кусочек, но я отвернулась и сказала:

– Сначала ты.

Она разозлилась и крикнула:

– Это что такое?! Ты беременна, а я должна нарушать пост?

Я расплакалась:

– Хадиджа, дорогая, поешь ради меня!

Наконец невестка положила кусочек в рот и сказала:

– Теперь ты довольна? Будешь есть?

Увидев, что она сделала, я осмелела. Взяв кусочек хлеба и положив его на яичницу, я съела это, а потом и всё остальное.

Хорошенько подкрепившись и почувствовав прилив сил, я посмотрела на Хадиджу, а она – на меня. У обеих губы блестели от жирной пищи.

– Теперь, если кто-нибудь нас увидит, – сказала я, – то поймёт, что мы нарушили пост.

Хадиджа вытерла мне рот краем своей чадры, и я сделала то же, но, сколько мы ни тёрли свои рты, губы становились всё румянее и ярче. Пришлось нам отколупнуть от стены немного побелки и намазать ею рты, после чего мы опять вытерли их чадрой. Это была хорошая идея, и никто так и не узнал, что мы нарушили пост.

Глава 9

В конце лета строительство нашего с мужем жилища закончилось. Дом получился небольшой – всего одна комната и кухня. Удобства были снаружи, а рядом с уборной Самад построил небольшой сарай для дров, угля и прочих вещей.

Братья и сёстры помогали нам, чем могли. Наконец мы перенесли в новый дом наши скромные пожитки и всю утварь. Больше всех помогала моя мать, которой очень нравилось наше новое жильё, а мы так радовались этому, будто переселились в настоящий дворец. Мне казалось, что из всех домов, которые мне когда-то доводилось видеть, этот был самым красивым и ухоженным. Когда мы разложили по местам свои вещи, внутри стало очень уютно.

Самад ещё накануне переезда отправился искать работу и дальше не прекращал поисков. Он ездил то в Разан, то в Хамадан. В итоге мужу снова пришлось поехать в столицу, но уже в начале следующей недели он вернулся в отличном настроении, потому что всё-таки сумел устроиться на новую работу.

После его отъезда я опять осталась одна. Муж приезжал всё реже и реже, а когда бывал дома, то садился в угол и, прильнув к радиоприёмнику, переключал с волны на волну. «Что случилось? – спрашивала я. – Что ты делаешь? Сделай погромче, чтобы и я слышала».

Сначала он ничего не отвечал, но однажды вечером вынул из кармана рубашки небольшую фотографию и сказал:

– Это фотография имама Хомейни¹, которого шах отправил в ссылку. Народ вышел на демонстрации и хочет, чтобы Хомейни вернулся и сделал страну по-настоящему исламской. Во многих городах идут демонстрации.

Потом, встав посреди комнаты, он добавил:

– В Тегеране люди на улицах выкрикивают вот такие лозунги.

Потом он сжал кулаки и крикнул:

– Смерть шаху! Смерть шаху!

Затем Самад присел рядом, дал мне фотопортрет имама Хомейни и продолжил:

– Я привёз эту фотографию тебе. Смотри на неё как можно дольше, чтобы наш сын стал таким же правверным мусульманином, как и сам Хомейни.

Я взяла у него эту карточку и посмотрела на неё, как вдруг почувствовала, как ребёнок начал толкаться у меня в животе.

Время шло. Сообщения о протестах в Хамадане, Тегеране и других городах доходили и до Каеша. Младшие братья Самада, которые тоже уехали в Тегеран на работу, по возвращении сообщали нам о происходивших событиях. Самад каждый день ходил на демонстрации и стал их постоянным участником.

Как-то раз один наш сосед рассказал, что Самад с группой товарищей даже напал на какую-то воинскую часть в Тегеране. Они захватили оружие, ночью привезли его в Разан и вручили шейху Мохаммаду Шарифи, который впоследствии стал там пятничным имамом².

¹ Рухолла Хомейни (1902–1989) – лидер Исламской революции в Иране, основатель Исламской Республики Иран и Верховный лидер страны с 1979 по 1989 год.

² Пятничный имам – в шиитском исламе это мулла, в обязанности которого входит проводить главную пятничную молитву, а после неё читать проповедь о текущей ситуации в социально-политической сфере.

Услышав эти новости, я не на шутку разволновалась, не понимая, почему Самад втянулся в такое опасное дело.

Муж стал приезжать всё реже и реже, выдумывая разные предлоги. То он говорил, что зима наступила и дороги стали скользкими, то его поджимали сроки окончания строительства. Я чувствовала, что всё это ложь, ведь вместо того, чтобы работать и заниматься своими обычными делами, он ходил на демонстрации, распространял листовки и тому подобное.

Помню, как-то раз была свадьба одного из наших родственников. Мы заранее пригласили на неё Самада и его братьев. На свадьбу муж приехал, но был уже вечер, а в скором времени нам сообщили, что в деревню привезли тело нашего односельчанина Ходжата Гамбарі, который погиб во время демонстрации в Хамадане.

Гости ушли со свадьбы и выбежали на улицу. Самад шёл впереди всех и, поднимая кулак, кричал:

– Смерть шаху! Смерть шаху!

Впереди шли мужчины, а за ними следовали женщины. И те, и другие кричали по очереди:

– Смерть шаху! Смерть шаху!

Все люди вышли из своих домов.

Родственники Ходжата Гамбарі тоже шли в толпе, плакали и вместе со всеми выкрикивали антишахские лозунги.

Эти похороны проходили при большом скоплении народа. Наконец мы предали тело земле. Самад был очень взволнован. Заметив меня в толпе, подошёл и проводил домой, а сам пошёл к родственникам покойного.

Наступил вечер, но муж до сих пор не вернулся. На сердце у меня было тревожно, и я решила пойти к родителям. Мать тоже волновалась, потому что и отец где-то пропал. Мы пытались разыскать его, но никто не знал, где он. Тогда я накинула чадру и сказала матери:

– Раз так, то я пойду к себе домой. – Но сестра преградила мне путь и не давала пройти.

Я почувствовала, что с отцом и Самадом что-то случилось, и сказала:

– Мне надо идти. Сейчас Самад вернётся домой и начнёт беспокоиться.

Хадиджа поняла, что я не успокоюсь, и, стараясь сильно меня не волновать, сообщила, что арестовали нашего односельчанина – Солтана-Хусейна.

– За что? – спросила я.

Хадиджа так же спокойно ответила:

– Он сообщил, что привезли тело Ходжата Гамбарі, и тем самым спровоцировал эту антишахскую демонстрацию. Его отвезли в участок в Дамаке. Самад хотел поехать и освободить Солтана-Хусейна, но твой отец не пустил его одного и отправился с ним.

Услышав об отце, я принялась ругать мать и сестёр:

– Это вы виноваты. Почему вы отпустили отца? Он старый больной человек. Если с ним что случится, во всём виноваты будете вы.

В ту ночь мы не сомкнули глаз. Наутро Самад с отцом вернулись и, сияя от радости, рассказали нам, что, собравшись вместе с другими демонстрантами, они смогли освободить Солтана-Хусейна, судьба которого могла закончиться весьма плачевно.

В полдень муж собрался ехать в Тегеран, и я сильно разволновалась.

– Ты не должен уезжать. У меня скоро роды. Где я тебя потом найду?

Смеясь как обычно, Самад ответил:

– Если ты будешь волноваться, то я не поеду. По правде говоря, у меня в кармане пусто. Но разве мы не договаривались, что в этот раз я поеду и куплю для ребёнка одежду и всё остальное?

Накормив мужа, я сказала ему, что нужно купить, и проводила до дверей.

– Не забудь про одеяло, тонкое шерстяное, какие сейчас в моде, – на прощание сказала я. – Они очень красивые. Купи розовое.

Когда Самад уже свернул с улицы, я крикнула ему вслед:

– Не ходи больше на демонстрации! Это опасно! Мы будем тебя очень ждать!

Я вернулась в дом, и у меня сразу же возникло ощущение, что стены и крыша рушатся, падая прямо на меня. Свет померк в глазах, и на душе стало тяжело. Я не могла этого вынести, поэтому накинула чадру и пошла к родителям.

После отъезда мужа прошло два дня. Утром, встав на молитву, я вдруг почувствовала себя плохо. У меня сильно заболела поясница и живот. «Надо терпеть, – сказала я себе, – ведь так рано ребёнок не должен родиться».

Мучаясь от боли, я хлопотала по дому: стала готовить, а потом пошла во двор и в январский мороз постирала бельё. К полудню стало понятно, что больше терпеть у меня нет сил. Еле-еле я доковыляла до дома Хадиджи и та сразу же отправила одного из племянников за акушеркой. Боль уже была невыносимой. Хадиджа быстро приготовила подслащённую воду и отпаивала меня шафраном. Чуть позже пришла мать с сёстрами. Наступил вечер и уже ближе к вечернему призыву на молитву я родила. Это оказалась девочка.

Тот вечер я не забуду никогда. Всякий раз, слыша какой-то шум, я, ещё совсем разбитая, пыталась встать с постели. Мне очень хотелось, чтобы открылась дверь и вошёл Самад, и несмотря на то что до утра плач ребёнка не давал мне нормально заснуть, всякий раз, закрыв глаза, я видела мужа и тут же просыпалась.

После родов прошла неделя. Я только уложила дочку в колыбель, как вдруг дверь скрипнула. Мать была в комнате, помогая мне с младенцем, но она поспешила уйти до того, как Самад вошёл в дом. Сев рядом с моей постелью, он опустил голову и тихо поздоровался. Я еле слышно ответила. Тогда он взял мою руку и спросил, как я себя чувствую. Я сухо ответила ему.

– Злишься на меня? – спросил он.

Я промолчала, а муж сжал мою руку и произнёс:

– Имеешь право.

Я с трудом ответила:

– Ребёнок родился неделю назад, а ты приехал только сейчас. Я же просила тебя не уезжать, а ты сказал, что обязательно вернёшься. Ты плохо поступил. Это ведь наш первый ребёнок. Разве ты не должен был находиться рядом?

Самад ничего не сказал. Он встал, расстегнул молнию на сумке.

– Ты всё правильно говоришь, но посмотри, что я тебе привёз. Ты не представляешь себе, с каким трудом я всё это раздобыл. Посмотри.

Самад развернул шерстяное одеяло и потряс им передо мной. Одеяло было голубым, а не розовым, с белой бахромой, но я всё равно подумала: «Как раз такое, о каком я мечтала». Оно оказалось квадратным и с цветами в одном углу. Само одеяло было соткано из белых, голубых и тёмно-синих нитей. Я взяла его и положила рядом с колыбелью.

– Ты не знаешь, какого труда мне стоило достать такое. Я поехал за ним с двумя друзьями на мотоцикле. Они оба смотрели по сторонам, но в итоге это одеяло заметил я сам. Оно висело прямо в витрине магазина.

Я от души поблагодарила мужа, а он снова взял меня за руку и сказал:

– Это тебе спасибо. Я понимаю, что ты сумела вынести. Жаль, что меня не было рядом. Прости. Гадам, я знаю, в чём моя вина. Но что мне делать, если ты меня не простишь?

Затем он нагнулся, поцеловал мне руку и приложил её к своим глазам. Рука стала мокрой от слёз.

– Можно я посмотрю на нашу дочь?

– У меня нет сил. Возьми её сам.

– Нет. Если можно, возьми ребёнка и передай мне. Мне будет приятно получить дочь из твоих рук.

У меня до сих пор болели шея и живот, поэтому я с большим трудом нагнулась, взяла ребёнка из колыбели и дала Самаду на руки. Он поцеловал дочку и сказал:

– Спасибо тебе, Господи! Какой прелестный младенец!

В тот вечер Самад пригласил в дом родню, и мой отец назвал нашу первую дочку Хадиджой. После ухода гостей я спросила у мужа:

– На сколько дней ты приехал?

– Это зависит от тебя. Думаю, дней на десять или больше.

– А что с работой?

– Дом сдали. Через пару недель поеду искать новую работу.

На самом деле все эти дни муж редко бывал дома, уезжая то в Хамадан, то в Разан, то в Дамак. Я же занималась ребёнком и домашними делами.

Однажды вечером, накрыв на скатерть, разостланную на корси, я расставляла тарелки. Самад, как обычно, сидел в углу и слушал свой радиоприёмник. Я принесла кастрюлю с едой.

– Заканчивай слушать. Давай поужинаем. Я очень проголодалась.

Но муж ничего не ответил. Я села и молча посмотрела на него. Вдруг он поставил приёмник на пол и вскочил с

места, щёлкая пальцами и радостно кружась по комнате. Потом подбежал к колыбели, схватил дочь на руки, поцеловал её и поднял к самому потолку. Я быстро встала, забрала у него ребёнка и спросила:

– Самад, что случилось? При чём тут ребёнок? Ей ещё и месяца нет. Она может испугаться.

Но в ответ муж только смеялся, танцевал и восклицал:

– Слава Богу! Слава Богу!

Я положила Хадиджу в колыбель, а Самад подошёл ко мне, взял за плечи, легонько встряхнул и поцеловал в лоб:

– Гадам! Имам Хомейни возвращается в страну¹! Как же я люблю вас обеих! Вы действительно принесли мне счастье!

Потом Самад начал быстро одеваться.

– Ты куда?! – воскликнула я.

– Пойду расскажу об этом товарищам.

Он смеялся и чуть ли не прыгал от радости, а под его громкие возгласы ребёнок, как ни странно, заснул, но мне всё равно не нравилось происходящее.

– А как же ужин? Я ведь проголодалась.

Самад быстро обернулся и ответил:

– Имам Хомейни возвращается, а ты тут со своим ужином. Честно говоря, мне расхотелось есть. Я сыт как никогда.

Я с удивлением смотрела на мужа.

– Я не стану есть, пока ты не вернёшься.

Прошло несколько часов, но он так и не вернулся. От голода у меня уже свело живот, поэтому я поужинала одна.

Как только я свернула скатерть, проснулась дочка. Я покормила её, перепеленала и положила в колыбель, а потом села и начала смотреть в ночную тьму за окном, не

¹ После бегства шаха имам Хомейни вернулся в страну 31 января 1979 года после многолетней ссылки и уже на деле возглавил Исламскую революцию.

заметив, как заснула, и лишь далеко за полночь проснулась от скрипа двери. Это был Самад.

– Почему ты спишь здесь? – спросил муж, постелил постель, взял меня за руку и уложил на моё место, но мне совсем расхотелось спать.

– Ты ужинал? – спросила я.

Он сел у стола и ответил:

– Сейчас поем.

Ребёнок опять не спал. Я откинула одеяло и уже собиралась встать, но Самад остановил меня:

– Спи. Ты, наверное, устала.

Самад приподнялся и, продолжая жевать, качнул колыбель. Дочка спокойно заснула, а я встала, зажгла лампу и спросила:

– А как же ужин?

– Я уже поел.

На рассвете, проснувшись для утренней молитвы, я увидела, что Самад собирает свою сумку, и чуть не заплакала.

– Куда опять?

– Мы с ребятами из мечети договорились рано утром после намаза ехать в город. Я же говорил тебе, что имам приезжает.

По моим щекам потекли слёзы.

– Всё время, что мы знакомы, тебя никогда не бывает дома. Сначала служил в армии, потом постоянно работал в городе, а теперь ещё и это. За что мне такое? Со времени свадьбы ты не провёл со мной и двух недель подряд. Разве что когда мы строили дом. Ты ведь уехал в Тегеран на работу и обещал, что вернёшься насовсем, когда построим свой дом, устроишься на работу в Каеше, но так и не сдержал слово. Я знаю, что Тегеран – только предлог. Ты увлекся всеми этими демонстрациями, распространением листовок и тому подобным. Если тебе так всё это нрави-

лось, зачем тогда женился? Почему разлучил меня с отцом? Ты женился, чтобы так меня мучить. Чем я виновата? Я вышла замуж, чтобы быть счастливой, и не думала, что придётся день и ночь ждать тебя, сидя у окна, и гадать, когда же ты вернёшься.

От моих криков дочка проснулась. Самад подошёл к ней, покачал колыбель и ответил:

– Ты права. Я согласен со всем, что ты говоришь. Гадам, это в последний раз. Разрешите мне поехать, чтобы увидеть имама. Потом я вернусь, но если я не сдержу слова, можешь ругать меня последними словами.

В этот момент Хадиджа громко закричала. Я развязала сетку на колыбели и взяла ребёнка на руки. Она хотела есть. Муж сел рядом. Дочка жадно пила молоко. Самад наклонился и поцеловал её. Сменив тон, он ласково сказал:

– Дочка и мамочка, простите меня. Даю слово, что впредь всегда буду рядом. Скоро придет имам Хомейни. Ты вместе с мамой молись, чтобы в пути с ним ничего не случилось.

После этого Самад встал и, посмотрев на меня, как-то особенно произнёс:

– Гадам, ты вся светишься добротой. Недавно, родив ребёнка, ты смыла свои грехи, поэтому помолитесь за имама, чтобы его самолёт благополучно приземлился.

– Самад, я по тебе буду скучать, – сказала я. – Когда же ты наконец останешься подольше?

От слёз у него покраснели глаза.

– Ты думаешь, я по тебе не скучаю? Эх, ты. Если тебе придётся скучать только по мне, то я буду скучать по вам обоим.

Сказав это, он наклонился, поцеловал моё заплаканное лицо и уехал, а на следующий день все жители деревни вышли на улицы, плоские крыши домов и центральную площадь, словно у нас произошло землетрясение. Одно-

сельчане радостно угощали друг друга орехами и сладостями. Растопив печки, женщины пекли хлеб и сладкие лепёшки. «Имам вернулся», – говорили все вокруг.

В это время я не переставала думать о Самаде, потому что знала, что он ближе нас всех к имаму. Мне хотелось стать птицей, полететь к нему и вместе увидеть Хомейни.

Во всём Каеше телевизор был только в двух домах. Рядом с ними и собрались все жители. Дворы и улицы были заполнены людьми в чёрных одеждах. Все ждали, что по телевизору покажут приезд имама и начнут транслировать его речь. Многие парни и взрослые мужчины сели на машины и отправились в Тегеран.

Самад приехал через несколько дней. Едва переступив порог дома, он начал радостно рассказывать об увиденном: «Гадам, это всё благодаря твоим молитвам. Несмотря на большую давку, я всё-таки смог добраться до имама. Он подобен лучу солнца. Ты не представляешь себе, какой он добрый! Он даже погладил меня по голове! Тогда я поклялся себе, что стану воином ислама и самого имама. Я обещал быть ему верным слугой и служить ему до последнего вздоха, до последней капли крови. Ты не можешь себе представить, сколько людей собралось в Бехеште-Захра¹ для встречи с имамом. Гадам, мне показалось, что в Тегеран приехали все граждане нашей страны».

«Многие прошли до кладбища большой путь пешком, – продолжал рассказывать Самад. – За день до приезда Хомейни в Бехеште-Захра подмели и вымыли все дорожки. Кругом всё украсили цветами. Ты не представляешь, как торжественно люди встречали имама. Мужчины и женщины, старики и дети – все вышли на улицы. Я оста-

вил мотоцикл на одной из улиц. Прислонил к дереву и даже не привязал цепью, а потом пошёл туда, где должен был выступать Хомейни. Потом я вспомнил о мотоцикле. Вернулся за ним, и как раз вовремя – какой-то мужик уже собирался на него сесть. Сердце у меня так и ёкнуло. Попадись он мне, я бы ему хорошенько врезал, ведь приди я чуть позже, остался бы без мотоцикла».

После этого Самад открыл сумку и достал из неё свернутую в трубочку огромную фотографию имама Хомейни. Он приклеил её к стене и сказал, что этот портрет принесёт нам счастье, а на следующий день начал свою революционную деятельность. Он ездил в Разан, привозил фильмы и показывал их людям в мечети. Однажды привёз киноплёнку о приезде имама и бегстве шаха. Смеясь, муж рассказывал, что когда народ увидел изображение шаха, то от злости чуть не разнёс всю аппаратуру.

¹ Бехеште-Захра – крупнейшее кладбище в Иране, расположенное в нескольких километрах к югу от столицы. После своего возвращения в страну там 1 февраля 1979 года перед народом выступил признанный лидер Исламской революции имам Хомейни.

Глава 10

После праздников Самад уехал в Хамадан, а когда вернулся оттуда, заявил: «Гадам, можешь радоваться. Меня приняли в КСИР¹. Я же говорил, что стану солдатом имама».

Муж рассказал, что его направили работать в революционный суд, поэтому приходится уезжать рано утром на всю неделю в Хамадан, а возвращаться только вечером накануне выходного дня. Чтобы задобрить меня и не допустить моих упреков, Самад часто говорил мне: «Если бы ты только знала, сколько работы у нас в суде. Если бы не ты и ребёнок, я бы и на выходной не приезжал домой».

Вскоре я поняла, что опять беременна. Аппетита у меня не было вовсе. Я не знала, как сообщить об этом, но однажды грустно сказала мужу:

– Не надо тебе ехать в Хамадан. Я плохо себя чувствую. Подумай хоть немного обо мне. Кажется, я снова беременна.

Даже не нахмурившись, Самад радостно поднял руки к небу и воскликнул:

– Слава Богу! Какое счастье! Господи, прости мою Гадам за то, что она такая неблагодарная. Боже мой, пошли нам здорового ребёнка.

Я тогда сильно разозлилась на мужа:

– Что?! Ты благодаришь Господа?! Конечно, тебя же никогда нет рядом и ты не видишь, как мне тут тяжело!

¹ КСИР (Корпус стражей Исламской революции) – военно-политическое образование Ирана, входящее в структуру вооружённых сил страны. Создано в 1979 году из военизированных отрядов сторонников имама Хомейни.

Одна в мороз я должна и пелёнки стирать, и домашними делами заниматься, и ребёнка пеленать – весь дом на мне! Да я с ног валюсь от усталости!

Но Самад в ответ только рассмеялся:

– Во-первых, уже теплеет, во-вторых, вам, женщинам, сладкой жизни никто не обещал. Вы обязаны трудиться.

– Не знаю, – сказала я. – Ты должен что-нибудь сделать. Мне слишком рано рожать ещё одного ребёнка.

– Даже не говори об этом, – ответил муж. – Не гневи Господа. У Хадиджи должен быть брат или сестра. Рано или поздно, но тебе всё равно придётся родить ещё одного малыша. Пусть не в этом, так в следующем году. Так даже лучше. Дети будут расти вместе.

Муж умел успокаивать. Он рассказал о чём-то, поговорил о своей работе, а потом обнял дочку. Он так радовался второму ребёнку, что я забыла, как несколько минут назад ругалась.

Самада снова долго не было рядом. Меня радовала только мысль о том, что Хамадан расположен гораздо ближе к нашей деревне, что Тегеран.

С каждым днём я становилась всё более неуклюжей. Хадидже исполнился годик. Она ползала на четвереньках и тянула в рот всё, что попадалось ей под руку, а мне с моим животом было очень трудно уследить за ней. С другой стороны, после нашего переезда в новый дом я отделилась от матери, но оправдывала это тем, что она должна была заботиться об отце. Однако мне повезло, потому что дом моей сестры Хури стоял совсем рядом, всего лишь через два дома от моего. Хури часто ко мне заходила, а в конце беременности навещала ежедневно, до того как бралась за свои дела. Только убедившись, что у меня всё в по-

рядке, она возвращалась к себе. Иногда я вместе с дочуркой шла в дом родителей и жила у них по несколько дней. Однако, где бы я ни была, утром последнего рабочего дня приходила домой, прибиралась и готовила еду. Муж обо-жал мясной суп. По вечерам обычно его никто не ест, но Самад очень любил.

Однажды он вернулся уже поздно ночью и всё равно постучал в дверь. Я сказала ему:

– У тебя же есть ключ. Почему ты стучишься?

– Я для того проделал такой большой путь, чтобы ты открыла мне, – ответил муж.

– Разве ты не видишь, в каком я состоянии?

Тогда он вспомнил, что мне скоро рожать и что дол-жен больше обо мне заботиться, однако через неделю всё повторилось.

Шли последние недели моей беременности. Каждый раз, уезжая в город в конце выходного дня, муж спраши-вал меня:

– Гадам, милая, с тобой всё в порядке?

– Пока да, – отвечала я.

После этого Самад спокойно уезжал опять на неделю. И вот однажды он, как всегда вечером в пятницу¹, оделся и уже собирался покинуть дом. Был январь месяц и на-мело большие сугробы.

– В субботу утром мы собираемся в командировку, – сказал муж. – Хорошо бы нам там не задержаться. Боюсь, сегодня опять пойдёт снег и по дорогам будет не проехать.

Прямо перед уходом он в очередной раз спросил:

– Гадам, милая, с тобой всё в порядке?

У меня немного болела спина и ломило поясницу, но я не придала этому особого значения, потому как, по моим подсчётам, до родов оставалось ещё две недели.

¹ В Иране, как и других мусульманских странах, выходным днём считается пятница, и рабочая неделя начинается с субботы.

– Да. Поезжай спокойно. Пока рано, – ответила я, од-нако утром, встав на молитву, почувствовала, что у меня сильно болит поясница, а чуть позже – что разболелся и живот.

Не подавая вида, я взялась за домашние дела, но луч-ше мне не стало: наоборот, боль только усилилась. Дочка ещё спала. Я пошла по морозу через сугробы к сестре, пре-возмогая боль и дрожь от холода. Хури послала одного из племянников за акушеркой, и та уже отправила кого-то позвать невестку Хадиджу, а сестра меж тем взяла меня под руки и повела ко мне домой.

В тот год из-за холодов у нас стоял корси. Хури уло-жила меня рядом, а сама достала таз и начала греть воду. Мне хотелось, чтобы кто-нибудь сообщил Самаду о ро-дах – так быстро я успела по нему соскучиться. Хотелось, чтобы в эти минуты он был рядом и помогал мне. При каждом скрипе двери я думала, что это пришёл муж, но его не было.

Боль становилась все нестерпимей. Я хотела попро-сить позвать Самада, но стеснялась, и на протяжении всех родов у меня перед глазами стояло лицо мужа. Только ус-лышав плач новорождённого, я расплакалась. Самад, не-ужели ты не мог уехать чуть позже? Неужели ты не мог побыть со мной ещё немного?

В четверг я очень волновалась и, как всегда, ждала приезда мужа. Вечером кто-то постучал в дверь. Я знала, что это был Самад. Невестка Хадиджа находилась во дво-ре. Она-то и открыла дверь. Увидев её, муж сразу же обо-всём догадался.

– Что случилось? Гадам родила?

Хадиджа рассказала ему, что я действительно родила, но не сообщила кого: девочку или мальчика.

В комнате со мной сидела Хури. Заметив Самада из окна, она повернулась ко мне и рассмеялась:

– Гадам, радуйся, твой муж приехал! – А затем выбежала из комнаты ещё до появления Самада.

Я лежала прямо на корси. Войдя в дом, Самад выглядел довольным:

– Здравствуй, моя милая. Поздравляю с ребёнком. Где же моя доченька?

Я рассердилась на него. Оказалось, он уже всё знал, но я всё-таки спросила у него:

– Кто тебе сказал? Хадиджа?

Муж сел рядом. Ребёнок лежал тут же. Самад нагнулся и поцеловал его в лоб.

– Я сам догадался, – сказал он. – Какая прелестная девочка. Гадам, честное слово, она такая же красивая, как и ты. Посмотри, какие у неё чёрные глазки и бровки! Надеюсь, это не потому, что она родилась в мохаррам¹.

Потом Самад посмотрел на меня и добавил:

– Хочу отблагодарить твою невестку за добрую весть. Жаль, что она сразу не сказала, что родилась девочка. Наверное, решила, что я расстроюсь.

Он поднялся и пошёл к нашей дочери Хадидже, которая спала рядом с корси:

– Как здоровье моей крошки?

– Немного простудилась, – ответила я. – Дала ей лекарство и она только что уснула.

Самад присел у изголовья дочери и целую четверть часа гладил её волосы, напевая колыбельную.

Проснувшись на следующее утро, муж объявил, что хочет сегодня собрать гостей по случаю рождения дочери.

¹ В месяц мохаррам по мусульманскому лунному календарю в шиитском Иране принято проводить траурные церемонии по случаю убийства в городе Кербела на территории современного Ирака третьего шиитского имама Хусейна и его сподвижников солдатами халифа Язида в 680 году.

Он лично пригласил родителей, сестёр, братьев и несколько человек из дальней родни. Потом он вернулся и принялся за работу: во дворе поставил мангал, а мать, сёстры и невестки помогали.

Время от времени муж заходил в дом и говорил мне: «Гадам, как жаль, что ты себя неважно чувствуешь. Как бы мне хотелось, чтобы ты была сейчас рядом. Без тебя вкусно не получится».

Погода стояла холодная. Весь наш маленький двор был завален снегом. Взяв лопату, Самад очистил двор, в результате чего рядом с уборной образовалась целая гора снега.

Сославшись на холод, Самад опять пришёл в дом, сел рядом с корси и положил руки под одеяло, чтобы согреться. Мы начали беседовать, слово за слово, и он начал рассказывать о своей работе, друзьях, а также обо всём том, что случилось с ним за неделю. Я уложила Хадиджу с одной стороны, а младенца – с другой. Слушая рассказы мужа, я то кормила маленькую молоком, то клала мокрый платок на лоб Хадиджи. Вдруг Самад замолчал и после некоторого раздумья промолвил:

– Я замучил тебя. Прости. С самого замужества у тебя каждый день полно забот. Но если ты не простишь меня, что я отвечу Господу на Страшном суде?

У меня на глаза навернулись слёзы.

– Что ты такое говоришь? – начала я утешать мужа.

– Если ты меня не простишь, я буду гореть в аду, – сказал он.

– Почему же я тебя не прощу?

Самад вынул руку из-под одеяла и взял мою. Его ладони ещё были холодными.

– Тебе сейчас нужна моя помощь, – сказал он. – Но, видишь ли, я не могу быть рядом. Революция только что победила. Ситуация в стране очень сложная. Нам предстоит

многое сделать. Если останусь с тобой, то некому будет завершить начатое, но если я уеду, то сердцем всё равно останусь с тобой.

– Не волнуйся обо мне, – успокоила я его. – Здесь у меня много друзей, знакомых, сестёр и братьев. Все они мне помогут. Дай Бог, и мать не оставит. Не знаю, что бы я делала без неё. Поступай как знаешь и занимайся своими делами.

Самад сжал мою руку, поднял голову, и я увидела, что глаза у него покраснели. Они всегда у него краснели, когда он нервничал. Мне нравилось это его качество, но мне вовсе не хотелось расстраивать мужа. Я тоже сжала его руку и добавила:

– Ну, полно. Иди, а то люди подумают, что мы поссорились.

К окну подошла сестра и постучала по стеклу. Самад встрепнулся, быстро отпустил мою руку и покраснел от смущения. Сестре тоже стало неловко. Опустив голову, она сказала:

– Самад, мама хочет засыпать рис. Поможешь поставить кастрюлю?

Муж встал и пошёл к двери, но на полпути вернулся и спросил:

– Ты меня не обманываешь?

Я засмеялась и ответила:

– Конечно, нет, не переживай.

В полдень в нашем маленьком доме собралось полно гостей. Одни расстилали скатерть, другие расставляли простоквашу и соленья. Самад расставлял стаканы. Стараясь вынуть стакан, застрявший внутри другого, он разбил его и поранил руку. Мама сбегала за платком и перевязала рану, а во время всей этой суеты в комнату вошёл мой зять и сообщил, что у соседа Горжи сильно пошла носом кровь и не останавливается уже полчаса.

Незадолго до этого Самад купил машину марки «Жиан». Взяв из ниши в стене ключи, он сказал зятю:

– Иди, собирай его. Надо везти к врачу.

Потом повернулся ко мне и добавил:

– Обедайте спокойно.

Когда расстелили скатерть и принесли обед, я не выдержала и расплакалась, спрятавшись с головой под одеяло, чтобы никто не видел моих слёз. Мне очень хотелось, чтобы муж был рядом и принимал гостей. Я спрашивала себя: «Ну, почему всё так вышло, что Самаду пришлось уехать с торжества по случаю рождения собственной дочери?»

Угощение разложили по фарфоровым тарелкам, и гости принялись за еду. Все уже стучали ложками, как вдруг в дом вбежала племянница и сказала мне на ухо:

– Тётя, Самад с мамой и папой поехали в Разан и просили передать, чтобы ты не волновалась.

Гости пообедали и выпили чаю, а потом сёстры и невестки вымыли посуду, но мужа всё ещё не было.

Незаметно наступил вечер. Гости уже поели фрукты и сладости, а Самад так и не приехал. Отец взял новорождённую на руки и тихо прочёл ей азан и икамат¹. Он же назвал девочку Масумой, прошептав по традиции это имя девочке на ухо.

Когда начало смеркаться, гости один за другим стали прощаться и уходить.

К ночи уже все разошлись по домам и со мной остались только мать и невестка Хадиджа. Мама приготовила мне ужин, а Хадиджа расстелила скатерть, как вдруг дверь распахнулась и в дом вошли зять и сестра, но мужа с ними не было. Испугавшись, я спросила:

– Где Самад?

¹ Азан и икамат – первый и второй призывы на молитву у мусульман.

Сестра спокойно села рядом, и зять рассказал мне:

– В полдень мы поехали в Разан. Врача не было и Самаду пришлось ехать дальше, в больницу в Хамадане. Там доктор сделал несколько уколов, дал таблетки и кровь остановилась, а к тому времени уже наступил вечер. Мы собирались уже вернуться, но Самад сказал, чтобы мы взяли машину и ехали одни, ведь ему всё равно завтра утром надо возвращаться, а то получится, что он приедет в Каеш напрасно. Так что муж велел передать, что вернётся только в четверг.

Я ничего не сказала сестре и её мужу, хотя очень сильно расстроилась. После ужина все ушли. Мать хотела остаться, но я сама отправила её домой.

– Папа один, – сказала я ей. – Он ещё не ужинал. Не хорошо, что ты оставляешь его из-за меня.

Когда все ушли, я встала, потушила лампу и, оставшись в темноте, разрыдалась.

Глава 11

Теперь с двумя дочерьми у меня стало забот невпроворот. С самого утра я или занималась домашними делами – стирала, подметала, вытирала пыль, готовила, – или ухаживала за детьми. Иногда по вечерам ко мне приходила жена дяди и забирала с собой детей, чтобы я хотя бы немного занялась собой. Жена дяди очень помогала мне. Она никогда не оставляла меня одну, и часто я бывала у них дома.

Так же часто я навещала родителей и на время оставалась с ними, однако четверг был днём особенным, когда я не ходила по гостям и ни минуты не сидела без дела. Обычно в среду я рано ложилась спать, чтобы в четверг встать пораньше и всё вычистить до блеска. Помыв детей, я начинала намывать всё в доме и всякий, кто видел эти мои старания, думал, что я жду дорогого гостя. А на самом деле гостем был мой муж.

Я готовила его любимую еду и так старалась, что даже выбивалась из сил.

Так проходили дни и недели, пока опять не наступил Ноуруз. Был пятый день нового года, и мы уже успели побывать у многих в гостях и сами принять у себя многих родственников. Рано утром Самад заявил мне:

– Сегодня я хочу уехать.

– Почему так рано? – начала я возражать. – Ты должен остаться. Поедешь после тринадцатого фарвардина¹.

¹ Тринадцатого фарвардина (первого месяца по иранскому солнечному календарю) в Иране традиционно отмечается праздник «сиздах-бе-дар», знаменующий собой окончание новогодних праздников. В этот день принято оставлять свои дома и ходить с семьёй в гости или отправляться с ней на природу.

– Нет, Гадам, не заставляй меня. Я должен ехать. У меня много дел.

– Самад, я здесь одна. Когда ко мне придут гости тринадцатого, как я смогу принять их с двумя маленькими детьми на руках?

– Гадам, ты тоже поедешь со мной.

Я замерла от удивления

– А где мы остановимся на ночь? – спросила я. – У тебя есть кто-то на примете?

– Я снял небольшой домик для себя, – ответил муж. – Он неплохой. Давай посмотришь. Тебе понравится.

– Мы уедем навсегда? – поинтересовалась я.

Рассмеявшись, Самад спокойно ответил:

– Да. Так для меня будет лучше. С каждым днём работы становится всё больше и мне трудно постоянно ездить туда и обратно. Давай переедем в Хамадан.

Мне не верилось, что я так запросто могу проститься с отцом, невесткой, матерью, своим домом да и всей прошлой жизнью.

– Самад, я этого не вынесу. Буду очень скучать, – ответила я.

Муж нахмурил брови:

– Вот ты какая хитрая. Ты будешь скучать, а я, значит, без тебя и детей скучать не должен? Боюсь, что скоро вас станет четверо или пятеро. Что же мне тогда прикажешь делать?

– Самад, не каркай. Не дай Бог.

Муж продолжил меня уговаривать, и вот в один из дней шутка за шуткой я поняла, что действительно еду в Хамадан.

– Только на праздники, – сказала я тогда. – Если пойму, что не выдержу, то вернусь.

Услышав это, Самад быстро собрал наши нехитрые пожитки, погрузил в «жиан» и сказал:

– Давай поедем сначала только на неделю. Надеюсь, ты справишься.

Мне оставалось только согласиться, и мы пошли к моему отцу. Мать не могла поверить этой новости и от удивления словно язык проглотила. Мы оставили с ней детей и до обеда попрощались со всеми родственниками. Дети никак не могли оторваться от бабушки Ширин. Старшая Хадиджа просто никак не хотела её отпускать. Она плакала и всё время звала бабушку: «Шина́, Шина».

Мне пришлось силой забрать её у «Шины». Мы сели в машину и отправились в путь. Самад уложил столько вещей, что для нас самих почти не было места. «Жиан» пыхтел, но ехал.

Хамадан очень отличался от Каеша. Здесь всё было для меня чужое. В первые дни я с трудом выносила разлуку с отцом, поэтому иногда тайком от Самада сидела и плакала. В этой поездке был только один плюс: я видела мужа ежедневно. В первую неделю он приходил обедать домой: мы вместе ели, он немного играл с детьми, затем пил чай и уходил уже до вечера. У него оказалась тяжёлая работа. Это было самое первое время после революции. Тогда наступил самый пик диверсий оминовцев¹ и террористов, а Самад боролся с этими группировками. Работа была рискованная.

Наш переезд в Хамадан имел и ещё одно преимущество. Теперь друзья, знакомые и родственники знали, что у нас можно остановиться, если им нужно приехать в Хамадан за покупками или к врачу. В надежде на нас они отправлялись в Хамадан, поэтому в нашем доме часто появлялись гости.

¹ ОМИН (Организация моджахедов иранского народа) – радикальная группировка, ведущая борьбу с революционными властями Ирана.

Через месяц после переезда к нам приехал деверь Теймур. Ему полагалось учиться, а в Каеше не было средней школы. Школьники по большей части учились в Разане, но всё время ездить туда и обратно было тяжело, поэтому Самад привёз Теймура к нам. Теперь у меня действительно прибавилось дел: забота о детях, приём гостей и ежедневные хлопоты сильно меня изматывали.

Однажды Самад не пришёл обедать. Был уже вечер и Теймур делал уроки, как вдруг раздался звонок в дверь. Мальчик пошёл и открыл дверь. Из окна я посмотрела во двор и увидела там другого брата мужа, Саттара. Он о чём-то говорил с Теймуром. Вскоре тот вернулся, оделся и сказал:

– Я пойду с братом Саттаром. Надо купить книги и тетради.

– Только вчера Самад купил тебе всё, – удивилась я.

Теймур очень торопился и лишь ответил:

– Я скоро вернусь.

Заподозрив что-то неладное, я спросила:

– А почему Саттар не вошёл в дом?

Уже выходя из комнаты, Теймур ответил:

– Мы придём к ужину.

Я заволновалась, решив, что с Самадом что-то случилось, но потом начала себя успокаивать, думая, что всё в порядке и что Саттар просто постеснялся заходить в дом в отсутствие Самада: «Они сначала поедут в суд, повидать брата, а вечером вернутся вместе».

Через несколько часов, уже ближе к вечеру, в дверь опять позвонили. На этот раз это был свёкор, весь в слезах. Замирая от волнения, я открыла дверь и воскликнула:

– В чём дело?! Что случилось?!

Сильно подавленный, свёкор вошёл в дом и сел в углу комнаты. Как я ни упрасивала, он так и не рассказал, что же случилось на самом деле.

– А что должно случиться?! – ответил он. – Я соскучился по детям. Вот приехал навестить Самада и Теймура.

Неужели я должна была ему верить? Конечно же, не поверила, но гостя следовало принять, приготовить что-нибудь на ужин.

В сердце закралась тревога. Я ещё ничего не понимала и была в смятении, как вдруг в дверь снова позвонили. Дрожа от страха, я побежала открывать и, выбежав из дома, увидела у ворот припаркованный микроавтобус, из которого выходили родственники: отец, мать, деверь и прочие. Я остановилась как вкопанная и теперь поняла, что действительно что-то произошло, но никто ничего толком не объяснял. Все твердили лишь одно: что Самад прислал их меня проведать.

Мне надо было им верить, но я не верила, понимая, что они обманывают меня. Уже поздно, так почему Самада до сих пор нет? Куда поехал Теймур с братом? Почему они до сих пор не вернулись? Почему все эти гости неожиданно решили нас навестить?

Пришлось мне накрывать гостям на стол и я отправилась на кухню, а там принялась за стряпню, но из глаз лились слёзы. Наконец ужин был готов, но от Самада и его братьев до сих пор не поступало вестей. Пришлось мне накрыть стол одной, а после ужина, имея лишь два или три одеяла и матраца, я постелила для гостей.

Спустя некоторое время все уснули, но разве я могла заснуть? Я всё ждала Самада и от волнений сна не было ни в одном глазу. При малейшем шорохе я вскакивала и всматривалась в тёмный двор, однако от Самада и его братьев по-прежнему не было ни слуху ни духу.

Не знаю, как я заснула, но помню, что до утра мне снились тревожные беспорядочные сны. Рано утром после молитвы, ещё не позавтракав, свёкор собрался уезжать. Свекровь надела чадру и побежала за ним. Я уже не могла больше терпеть, накинула чадру и сказала:

– Я тоже поеду.

– Тебе нельзя, – сердито ответил свёкор. – Куда ты собираешься ехать? У нас дела, а ты оставайся дома с детьми.

Я расплакалась и начала умолять:

– Заклинаю вас Богом, скажите мне правду. Что случилось с Самадом?! Я знаю, с ним какая-то беда. Скажите правду.

– Иди займись гостями, – снова начал сердиться свёкор. – Они сейчас проснутся и захотят завтракать.

Я плакала навзрыд и по щекам текли слёзы.

– Там с ними мама. Если вы меня не возьмёте, то я сама поеду в революционный суд.

Услышав это, свёкор замолчал, а свекровь, пожалев меня, ответила:

– Мы сами толком ничего не знаем. Говорят, Самад ранен и сейчас в больнице.

После такой новости у меня подкосились ноги. Даже не помню, как села в машину и как мы доехали до больницы. Там я всё искала глазами Самада. Потом увидела, как к нам подбежал Теймур и что-то шепнул отцу на ухо, а потом они оба пошли в отделение. Мы со свекровью побежали за ними. Теймур быстро рассказал отцу о случившемся и я узнала, что вчера Самад с товарищем задержали несколько оминовцев, среди которых была женщина. Согласно исламским нормам Самад с товарищем не стали её обыскивать и только попросили признаться, есть ли у неё оружие. Та поклялась, что с собой у неё ничего нет. Самад с товарищем погрузили задержанных в машину, чтобы отвезти их в суд, но по дороге женщина неожиданно сорвала чеку с гранаты и бросила её в салон машины. Месгариян, товарищ мужа, погиб на месте, а сам Самад получил ранение.

Подойдя к дверям отделения, Теймур обратился к охраннику:

– Мы хотим увидеть господина Ибрахими.

– К нему запрещено пускать посетителей, – ответил тот.

Я уже не могла себя сдерживать и начала плакать и умолять, чтобы нас пустили. Подошла медсестра и, узнав, что я супруга Самада, меня пожалела:

– Ты одна можешь пройти к нему. Даю две-три минуты – и быстро возвращайся.

Ноги у меня подкосились. Остановившись у входа в палату, я прислонилась к дверному косяку, чтобы не упасть на пол, и внимательно посмотрела на все койки, но ни на одной из них Самада не было. Сердце у меня замерло. Затаив дыхание, я спрашивала себя: где муж и что за беда с ним стряслась?

Вдруг я заметила Ядгари, товарища мужа. Этот человек лежал на кровати около окна.

– Здравствуйте, госпожа Ибрахими. Самад тоже здесь лежит, – произнёс он, потому что тоже меня узнал, и показал на соседнюю койку.

Я не поверила своим глазам. Неужели тот человек, который там лежал, был Самад? Он был такой худой, весь жёлтый и выглядел очень слабым. Щёки ввалились и под глазами сильно выступали скулы. Я подошла ближе – и на мгновение испугалась. Из-под простыни торчали жёлтые ноги, худые и будто высохшие. Я подумала: «Не дай Бог...»

Заметив меня, муж медленно открыл глаза и с трудом произнёс:

– Где дети?

У меня перехватило дыхание и я с трудом могла говорить, но всё же ответила:

– Они с сестрой. С ними всё в порядке. Как ты?

Муж не смог ничего ответить. Он лишь кивнул и закрыл глаза. Это было всё, что мы сумели сказать друг другу. Мой взгляд упал на его капельницу для переливания

крови, и в этот момент пришла медсестра, которая знаком дала мне понять, что пора уходить.

Выйдя в коридор, я, обессиленная, села на пол у стены, но медсестра взяла меня под руки, подняла и сказала:

– Иди поговори с лечащим врачом.

Она отвела меня к врачу, который стоял в коридоре у сестринского поста, и сказала ему:

– Это жена господина Ибрахими.

Доктор, изучавший историю болезни, закрыл папку и, посмотрев на меня, улыбнулся, а затем с каким-то особенным спокойствием поздоровался и справился о моём самочувствии:

– Госпожа Ибрахими, Господь Бог милостив к вам и вашему мужу. Сильно задеты обе почки. Одна пострадала особо сильно и, возможно, уже перестала функционировать.

Затем после небольшой паузы он продолжил:

– Вчера мы уже собирались перевезти вашего мужа в Тегеран, но мне пришлось срочно его прооперировать. Если бы я немного опоздал и его всё-таки отправили в столицу, по дороге могло случиться непоправимое. Операция прошла успешно. Пока прямой угрозы нет. Однако, как я сказал, с одной почкой мы пока ничем не можем помочь.

В первые несколько дней мне было трудно всё это осознать, однако постепенно я привыкла.

Самад провёл в больнице десять дней. Каждое утро я оставляла Хадиджу и Масуму с соседкой по дому, шла в больницу и оставалась там почти до полудня, а в обед возвращалась домой, занималась немного детьми, обедала, и потом снова оставляла детей уже с другой соседкой, шла в больницу, чтобы остаться с мужем до вечера.

Однажды дети сильно раскапризничались и, что бы я ни делала, никак не могли успокоиться. Было уже один-

надцать часов утра, а я до сих пор не собралась в больницу, как вдруг в дверь позвонили. Я открыла и увидела одного из товарищей Самада. Он весело поздоровался и сказал:

– Госпожа Ибрахими, приготовьте постель Самаду и несите угощение – мы привезли вашего мужа.

Я радостно выглянула на улицу. Самад лежал в машине. Рядом с ним сидели два других товарища. Голова мужа лежала на коленях у одного, а ноги – у другого. Увидев меня, муж улыбнулся и помахал рукой. Я кивнула ему в знак приветствия и побежала готовить постель.

До полудня товарищи оставались у нас. Они разговаривали, смеялись, рассказывали забавные истории, пока не прозвучал призыв на дневную молитву. Перед уходом они дали мне два пакета и рассказали, когда и в каких дозах давать лекарства.

После их ухода Самад сказал:

– Позови их обратно. Я уже успел соскучиться.

Я сделала, как он просил, и посадила всех рядом. Хадиджа и Масума сначала не узнали Самада, но муж играл с ними и строил им рожицы, так что девочки наконец признали отца в этом худом, слабом и пожелтевшем человеке.

На следующий день к нам в дом начали приходить друзья, знакомые и родственники, чтобы навестить Самада, однако ему самому это не нравилось, и он говорил, что люди не должны приезжать из своих деревень только ради того, чтобы справиться о его здоровье. Вот почему через пару дней муж сказал мне: «Собирайся, поедem снова в Каеш. Боюсь, что в дороге с кем-нибудь из тех, кто приедет меня навестить, может случиться беда. Тогда я никогда себя не прощу».

Я собрала детские вещи, и мы отправились в путь, но Самад не мог взять в руки ни детей, ни их сумки, и даже вести машину был не в силах. Я взяла Масуму на руки, а Хадидже сказала, чтобы она потихонечку шла за мной.

Сумки мне тоже пришлось самой взвалить на спину, и так наша семья с огромным трудом добралась до автовокзала, а там села на микроавтобус. Добравшись до Разана, мы опять прошли пешком, а потом сели на другую машину. В Разане, пока мы искали транспорт, я сотню раз взваливала сумки на плечи, клала Масуму на землю, потом опять поднимала её, а потом брала за руку Хадиджу и умоляла её идти самостоятельно. В тот момент я мечтала лишь о том, чтобы найти машину, которая отвезла бы нас в Каеш. Мне удалось с облегчением вздохнуть лишь тогда, когда мы наконец уселись в микроавтобус. Масума заснула у меня на руках, но Хадиджа всё время дёргалась. Она совсем выбилась из сил и мы никак не могли её успокоить. В микроавтобусе нам встретились знакомые, которые взяли Хадиджу к себе и стали её развлекать. В эту секунду проснулась Масума и захотела кушать, а пока я кормила её, сама заснула от усталости.

Узнав о нашем возвращении в Каеш, родственники, друзья и знакомые стали приходить в дом моих родителей, чтобы навестить Самада и справиться о его здоровье. В первый раз я была в Каеше и не боялась, что муж вот-вот куда-нибудь уедет. Он спал на одном месте и теперь никуда уже не ездил. Каждый день я делала ему перевязку и в нужное время давала лекарства. Получилось, что мы поменялись с ним местами. Теперь я хотела ходить по гостям и навещать друзей и знакомых, а муж удерживал меня и говорил: «Гадам, куда же ты? Посиди со мной. Давай поговорим, а то мне скучно».

После нескольких лет замужества теперь мы впервые спокойно и без страха перед расставанием могли беседовать друг с другом.

Хадиджу все любили за её милый лепет, а мой отец любил внучек до смерти и часто брал их с собой.

Хадиджа ни на шаг не отходила от бабушки, по-прежнему называя её не иначе как Шина, чем умиляла всех остальных, а та во внучке не чаяла души. Вслед за Хадиджей все остальные родственники стали звать маму Шиной.

Отец приглядывал за девочками, а я большую часть времени проводила с мужем, и однажды Самад сказал мне:

– Я давно хотел так посидеть с тобой, поговорить. Гадам! Как было бы хорошо, если бы это было всегда!

Добившись наконец своего, я быстро сказала:

– Самад, да брось ты этот город и свою работу. Давай снова вернёмся в Каеш.

Не раздумывая, он ответил:

– Нет, нет. Даже не говори об этом. Я солдат имама. Я дал слово, что останусь им. Сегодня я нужен своей стране. Лучше помолись, чтобы я быстрее поправился и смог снова приняться за дело. Ты не представляешь, как мне сейчас тяжело. Я должен не лежать в постели, а служить своей Родине.

Врач выписал Самаду больничный на два месяца, однако не прошло и десяти дней, как мы снова вернулись в Хамадан. Только мы приехали, муж объявил:

– Ну, всё. Я уехал.

– Не уезжай, – принялась я его отговаривать. – Ты ещё не поправился. Если будешь много двигаться, швы разойдутся.

Но муж стоял на своём:

– Я соскучился по ребятам. Загляну к ним ненадолго и сразу же вернусь.

Самад был не тем человеком, которого можно уговорами и руганью удержать дома. Если он говорил, что уходит, изменить его решение казалось невозможным. В тот день он ушёл и вернулся только вечером: принёс немного мяса,

фруктов и прочей еды, отдал всё это мне и сказал: «Гадам, я должен ехать. Может, меня не будет два или три дня. Во время моей болезни накопилось много дел. Я обязан завершить начатое». Так я осталась одна.

Поначалу у нас в Хамадане не было ни родственников, ни друзей, ни знакомых, к которым можно пойти в гости, поэтому единственным моим развлечением было взять на руки Хадиджу и Масуму и сходить на улицу за покупками. Я была безумно счастлива встретить по дороге кого-нибудь из соседок. Тогда я останавливалась и начинала подолгу болтать.

Однажды вечером, купив хлеба, я возвращалась домой. Рядом с дверью какого-то дома стояли соседки и о чём-то беседовали. Мне тогда было очень скучно одной и, обменявшись с ними обычными приветствиями, я пригласила всех к нам домой, предложив расстелить ковёр во дворе, попить чаю и поболтать о том и о сём.

Соседки согласились, но в этот момент в начале улицы появился мужчина с метлой под мышкой и книгами в руках. Он подбежал и спросил:

– Вы из деревни Хаджи-Абад?!

Переглянувшись, мы ответили:

– Нет.

– А откуда же вы?!

Самад предупреждал меня, что надо быть крайне осторожной, не заводить уличных знакомств и не рассказывать никому о себе и о родных. Поэтому я насторожилась и ничего не ответила.

Но мужчина не отставал:

– А где же ваш дом?! Чем занимаются ваши мужья?! Из какой вы деревни?!

Я поняла, в чём дело, достала ключи и открыла дверь во двор, чтобы мне и соседкам больше не пришлось стоять на улице и говорить с незнакомцем.

– Уважаемый, у вас столько вопросов сразу, – меж тем сказала одна из соседок. – Зачем? Позвольте я позову своего мужа. Он наверняка лучше вам всё объяснит.

Услышав это, мужчина замолчал и быстро удалился, даже не попрощавшись. После его ухода соседка сказала:

– Госпожа Ибрахими, вы видели, как я напугала этого человека? Я нарочно сказала, что муж дома, хотя его там нет.

– Кажется, этот человек искал вашего мужа, – сказала другая. – Его подослали оминовцы, чтобы найти вас и отомстить вашему мужу за то, что он арестовал их поделщиков.

Когда я услышала такое, то очень испугалась, но больше переживала за Самада, боясь, что с ним снова что-нибудь случится.

Незнакомец здорово всех напугал, поэтому соседки решили не приходить к нам и разошлись по домам, а я закрыла ворота во дворе на все три замка, заперла даже дверь дома и подпёрла её табуреткой.

Хорошо, что в тот вечер Самад вернулся очень рано. Заметив мой испуг, он воскликнул:

– Что случилось?!

Я ему всё рассказала, а он рассмеялся и ответил:

– Какие же вы, женщины, трусихи. Ничего страшного.

Не волнуйся понапрасну.

После ужина муж опять собрался уходить.

– Ты куда? – спросила я.

– У меня дела в ревкоме. Возможно, меня не будет пару дней.

Я расплакалась и стала умолять его:

– Ты можешь остаться?

– Нет, – сухо ответил он.

– Я боюсь. Если этот человек придёт ночью со своими дружками, что мне делать?!

Сначала Самад просто рассмеялся, но, заметив, что я действительно напугана, снял с пояса кольт и дал его мне.

– Если что, стреляй.

После этого муж терпеливо объяснил мне, как пользоваться оружием, и ушёл.

Я положила револьвер под подушку и еле заснула от страха, а посреди ночи меня разбудил какой-то шум. Кто-то звонил в дверь. Взяв револьвер, я вышла во двор и несколько раз спросила, кто там, но мне никто не ответил. Вся дрожа, я вернулась в комнату, но в дверь опять позвонили. Я не знала, что делать, но потом опять подошла к двери и спросила, кто там. На этот раз мне тоже никто не ответил. Такое повторилось несколько раз, то есть когда я возвращалась в комнату, раздавался звонок, но стоило мне подойти к двери, никто не отвечал. Тогда я решила, что кто-то хочет поиздеваться над нами, и от страха включила свет во всем доме, а услышав звонок в очередной раз, поднялась на плоскую крышу и приготовилась стрелять, как учил меня муж. На улице стояли двое мужчин и разговаривали. Это они звонили в дверь. Я направила на них револьвер, но тут узнала в одном из них нашего здешнего соседа Асгарí, у которого была беременная жена. Я так обрадовалась, что окликнула его прямо с крыши:

– Господин Асгари, это вы? – А потом побежала и открыла дверь.

Асгари был человеком вежливым и скромным. Он имел привычку, позвонив в дом, отходить потом на несколько шагов, поэтому всякий раз, когда я приближалась к двери, он не слышал моего голоса.

Сосед пришел за помощью – у его жены начались роды.

Глава 12

Через какое-то время мы переехали, сняв новое жильё на улице Хонарестан. Во время переезда Масума заболела. На второй день девочке стало так плохо, что нам пришлось отвезти её в больницу, а Самад недавно продал свой «жиан» и для нас с двумя маленькими детьми было настоящим наказанием куда-то ездить, поэтому пришлось брать такси.

Около полудня мы вернулись из больницы. Самад проводил нас до нашей улицы, а потом снова взял такси и уехал по делам, предоставив мне самой добираться до дома. Масуму я держала на руках, Хадиджа шла за мной, ухватившись за чадру, и капризничала, настаивая, чтобы я тоже взяла её на руки, но у меня никак бы это не получилось. В одной руке я держала малютку, а в другой – пакет с лекарствами и этой же рукой вела за собой Хадиджу, а зубами придерживала свою чадру.

Невозможно описать, какого труда мне стоило добраться до дома. Я еле-еле вынула ключ из сумки и повернула его в замке, но дверь не открылась. Я повернула ключ ещё раз, замок щёлкнул, но сама дверь не открывалась. Казалось, в доме кто-то был и успел подпереть дверь изнутри. Я несколько раз постучала в дверь, и вдруг меня охватил страх. Я позвонила соседям и рассказала, что случилось. Соседка тоже испугалась и не вышла из дома. Тогда я попросила её присмотреть за детьми, чтобы найти Самада и обо всём рассказать ему, а когда она взяла детей, я выбежала на улицу. Там я долго ждала такси, но ни одной машины мне не попалось. На улице

вообще не было ни одного автомобиля, ведь в то время улица Хонарестан была тихой и безлюдной. До мавзолея Авиценны¹ было далеко, и мне пришлось пробежать весь этот путь. От мавзолея к улице Хаджи-Рашид и ревкому тоже следовало добраться быстро. Выбившись из сил, я уже не могла сделать ни шагу, чуть не падала от усталости после переезда, бессонницы, болезни Масумы и поездки в больницу, однако делать было нечего – следовало бежать дальше. Добравшись до ревкома, я едва могла дышать.

– Я жена Ибрахими, – сказала я охраннику у входа. – Передайте ему, что я жду его здесь.

Солдат пошёл в будку, взял трубку и набрал номер.

– Господин Ибрахими, здесь у проходной ваша жена. Она хочет вас видеть.

– Моя жена?! – закричал в трубку Самад, да так громко, что я могла слышать его голос. – Ты ничего не перепутал?! Я же только что проводил её вместе с детьми до дома!

Я вошла в будку и громко крикнула:

– Господин Ибрахими! Выходите скорее! У меня к вам срочное дело!

Через некоторое время Самад пришёл и, увидев выражение моего лица, тут же без всяких предисловий воскликнул:

– Что случилось?! С детьми всё в порядке?! С тобой что?!

– Мы в порядке, всё хорошо, – ответила я. – Кажется, в дом забрался вор. Поедем, посмотрим. Он заперся и не даёт войти внутрь.

Немного успокоившись, Самад сказал:

– Сейчас поедем. Подожди пару минут.

¹ Авиценна (980–1037) – известный персидский врач и философ, писавший свои трактаты по-арабски и познакомивший европейцев с важнейшими достижениями медицины.

Он ушёл и вскоре вернулся вместе с неким солдатом. Тот завёл припаркованный рядом «пейкán», муж сел впереди, а я сзади.

– Куда ты дела детей?! – спросил Самад по дороге.

– Оставила у соседки.

Машина быстро домчала нас до улицы Хонарестан, свернула в переулок и остановилась рядом с нашей дверью. Самад вышел, вынул ключи и попытался открыть дверь, а убедившись, что не может этого сделать, перелез через стену и крикнул солдату:

– Друг, помоги! Давай за мной. Вдруг там кто-то есть.

Солдат встал на ручку двери и, подтянувшись, забрался на край стены, оттуда прыгнул во двор дома, а через некоторое время открыл дверь и сообщил:

– Внутри никого нет. Воры пробрались в дом по крыше, но уже убежали.

В нашем жилище царил хаос. Конечно, мы ещё не успели распаковать все вещи, но такого беспорядка после себя не оставили. Вся одежда была брошена на середину комнаты, постельное бельё валялось по углам. То небольшое количество посуды, которое имелось в нашем хозяйстве, было разбросано. На полу кухни лежали осколки от нескольких тарелок и стаканов. Самад тревожно что-то искал. Вдруг он крикнул мне:

– Гадам! Оружия, оружия нет. Вот несчастье.

Но револьвер я спрятала сама. Уж я-то знала: что-что, а оружие должно храниться в надёжном месте, поэтому теперь проверила тайник и поняла, что не ошиблась с выбором. Револьвер оказался цел. Я отдала его мужу, и тот облегчённо вздохнул, а затем сухо сказал:

– Они взяли только деньги из коробки. Ничего страшного. Будем считать это жертвой за тебя и детей.

Когда я услышала о деньгах, у меня подкосились ноги. Пришлось сесть на пол. Дело в том, что в коробке от сухого

молока для Масумы лежали деньги за «жиан», который мы продали несколько недель тому назад. Коробка находилась в комодке и вор забрал её. Потом я принялась искать те немногие золотые украшения, которые у меня были, но их тоже не оказалось на месте.

– Ничего страшного, не огорчайся, – успокаивал меня муж. – Я куплю тебе ещё лучше. Немного денег и пара золотых побрякушек не стоят того, чтобы из-за них расстраиваться. Самое главное – это револьвер. Слава Богу, его не украли.

Вскоре Самад и солдат ушли, а я, забрав детей у соседки, занялась уборкой, но у меня всё валилось из рук. Заходить в комнату и на кухню я боялась. Мне казалось, что кто-то прячется за буфетом, за холодильником, под лестницей или на чердаке. Постелив ковёр в углу двора, я села там с детьми. Масума плохо себя чувствовала, но войти в дом я не отваживалась.

Когда вечером пришёл Самад, мы всё ещё сидели во дворе. Муж удивился этому, но я сказала: «Мне страшно. Ничего не могу с собой сделать».

В доме мне было не по себе. Самад взял детей на руки и отнёс их внутрь. Я пошла следом и приготовила что-то на ужин, мы поели, а затем муж до глубокой ночи занимался уборкой в доме.

– Не раскладывай вещи понапрасну, потому что я здесь не останусь, – сказала я. – Или сними другой дом, или я возвращаюсь в Каеш.

– Гадам! – воскликнул он. – Что с тобой? Ты испугалась?

– Тебя нет с утра до вечера. Если завтра или послезавтра ты уедешь в командировку, что мне делать по ночам?!

– Но мне неловко идти к хозяину дома и отказываться от аренды.

– Я сама пойду. Нужно только твоё согласие.

Муж ничего не ответил. Я понимала, что он обдумывает ситуацию, и надеялась на лучшее, а на следующий день Самад вернулся домой в отличном настроении.

– Я поговорил с хозяином, – сообщил он. – Тот показал мне новый дом, но не очень подходящий. Если потерпишь, я найду что-нибудь получше.

– Я на всё согласна, – ответила я. – Только давай побыстрее уедем из этого дома.

На следующий день мы снова перебрались на новое место. В новом жилище была одна большая недавно покрашенная комната, а само оно находилось рядом с почтой. Вещей у нас накопилось немного, и я всё расставила вдоль стен. Никогда не забуду, как спокойно спала в ту первую ночь в новом доме, однако, проснувшись на следующее утро, уже не считала это место хорошим. Казалось, я всё увидела, по-настоящему раскрыв глаза. На противоположной стороне двора было несколько построек, где хозяин держал коров и овец, так что внутри нашей комнаты пахло шерстью и навозом, а от мух не было никакого спасения. Однако мне пришлось всё это терпеть и противиться я уже не смела.

К счастью, вернувшись вечером домой, муж понял всё сам.

– Гадам! Здесь вообще невозможно жить, – сказал он. – Надо мне найти место получше, а то дети могут разболеться. Кстати, мне, наверное, придётся уехать на некоторое время в командировку. Дела в стране совсем плохи, но прежде всего мне надо быть спокойным за вас.

Глава 13

Самад попросил нескольких своих друзей подыскать для нас подходящее жильё, но и сам занимался тем же. «Я должен снять для вас хороший дом с булочной и рынком поблизости, чтобы хозяин был порядочным человеком и смог помочь вам в моё отсутствие», – говорил муж.

В очередной раз собрав все вещи, я сложила их в углу, а через несколько дней Самад пришёл и радостно сообщил:

– Нашёл наконец. Хороший дом со всеми удобствами. Хозяин – человек набожный и гостеприимный. Тебя можно поздравить.

– Почему только меня?! – удивленно воскликнула я.

Муж задумался. Похоже, он что-то вспомнил.

– Сегодня или завтра я уезжаю на границу, – сказал он. – Началась война. Ирак напал на Иран.

Я не отнеслась к этим словам с должной серьёзностью и вместо этого мы радостно поехали смотреть новый дом. Он находился за нефтехранилищем на окраине города. Район был бедным, но сам дом выглядел построенным на славу. В нём оказалось много окон, а стены недавно покрасили в светло-зелёный цвет. В целом, в отличие от предыдущего, этот создавал приятное впечатление.

Муж не ошибся и насчёт хозяина, жившего на нижнем этаже, этот человек действительно был доброго нрава. Значит, мы могли смело переезжать в новое жильё, и в тот же день я на счастье поставила в нишу нового дома зеркало и Коран, а на следующий мы уже перебрались.

В первую очередь я вымыла все окна, а потом сама без всякой помощи постелила половики. У нас был только один шестиметровый ковёр, подаренный отцом. Его я положила посреди комнаты, а вдоль стен разместила подушки. Так стало гораздо уютнее.

Первые несколько дней я только и делала, что вытирала пыль, подметала полы и расставляла вещи по местам. Едва заметив на половичке волосок, я поднимала его и выбрасывала в мусор.

Жильё оказалось чудесным, с двумя комнатами. С самого начала я закрыла дверь в одной из них и сделала её гостиной. По сравнению с нашим деревенским домиком в Каеше – настоящий дворец! Здесь имелись также кухня, туалет и ванная – вот, собственно, и всё, однако это был самый красивый дом, который мы снимали в Хамадане.

Вечером пришёл Самад с двумя катушками чёрной липкой ленты. Муж встал на табуретку, и не успела я опомниться, как он заклеил все окна крест-накрест, оставив на стёклах следы от своих рук.

– Зачем ты заклеил окна?! – закричала я. – Теперь вся работа насмарку. Я целый день мыла их.

– Началась война, – сказал муж. – Иракцы разбомбили приграничные города. Заклеенные окна не разобьются на мелкие осколки при бомбёжке и не упадут на ваши головы.

Делать было нечего и мне пришлось с этим смириться, хотя чёрные кресты на окнах словно одели в траур моё сердце, да и дальше поводов для радости не появлялось.

Самад приезжал время от времени и привозил плохие вести. Как-то вечером он пошёл к соседу и, по его собственным словам, замолвил за нас словечко, а на следующий день купил много гороха, фасоли, риса и мяса.

– Что случилось? – спросила я, на что услышала:

– Завтра уезжаю в Хорремшехр¹. Какое-то время меня не будет. Может быть, вообще не вернусь.

Я чуть не расплакалась, а муж, оставив мне немного денег, пообедав и поцеловав детей, застегнул сумку, попрощался и уехал.

Дом, который раньше казался таким красивым и уютным, теперь опустел. Я не знала, что делать. После обеда дети уснули, а у меня к тому времени накопилось много нестиранного белья, и я пошла в ванную, чтобы постирать и поплакать в одиночестве.

Вдруг раздался звонок в дверь. Я помыла руки и пошла открывать. Это была хозяйка: наверное, почувствовала, что мне тяжело, и хотела поддержать меня.

– У нас в районном кооперативе дают стаканы по талонам. Пойдём купим? – предложила она.

У меня не было настроения, и я отказалась, сказав, что дети спят. И это была я, которая всего несколько дней назад обожала покупать разную домашнюю утварь и посуду! Неожиданно мне опротивело всё. Я тогда подумала: «Идёт война. Муж уехал на фронт. Непонятно, что будет со мной и всей моей жизнью. Тогда почему эти люди так радуются?»

– Если хочешь, зайду за тобой, когда дети проснутся, – сказала хозяйка.

– Нет, идите одна. Со мной столько хлопот, – ответила я.

В тот день я никуда не пошла, однако через неделю всё-таки сходила в кооператив, с удовольствием купила эти стаканы, поставила в буфет и стала ими любоваться.

Обстановка в городе изменилась. По ночам отключали электричество. По радио сообщали о разных уровнях тревоги: «жёлтом», «красном» и «белом», а людям объяс-

няли, что значит каждый из уровней и что надо делать в каждом конкретном случае. Несколько раз действительно объявляли «красную» тревогу и во всём городе отключили электричество, но ничего так и не произошло, а уровень опасности изменили на «белый» и снова дали свет.

Сначала люди боялись, однако постепенно, как это бывает, все привыкли и к «красному» уровню опасности.

Со дня отъезда Самада прошло сорок пять дней. Нам было тяжело без него. Я несколько раз уже собиралась взять детей и уехать в Каеш, но отказывалась от этой идеи, когда думала о том, что Самад огорчится, когда вернётся и не застанет нас дома. Каждый день я с нетерпением ждала звонка в дверь, надеясь, что вот-вот дверь откроется и войдёт Самад. Эти ожидания настолько меня измучили, что однажды я взяла детей и пошла в штаб КСИР, спрашивая по дороге у прохожих его точный адрес. Там с огромным трудом мне удалось узнать, что, слава Богу, с мужем всё в порядке. Услышав это, я словно обрела второе дыхание, и тут на меня снова навалились заботы.

К полудню я и дети, уставшие и голодные, вернулись домой. У Хадиджи болели маленькие, нежные ножки. Масума хотела молока и капризничала. Сначала я занялась Масумой: перепеленала её, накормила и уложила спать. Потом настал черёд Хадиджи: я помыла ей ножки тёплой водой, накормила и тоже уложила спать. Девочки так устали, что проспали до вечера.

В ту ночь мне снились кошмары. Мне виделось, будто Самад взял дочерей на руки и убегает в безводную пустыню, а за ним бегут несколько вооруженных людей и хотят силой отнять детей. Я внезапно проснулась и почувствовала, как сильно у меня бьётся сердце и что на лбу выступил холодный пот. Я встала, выпила стакан воды и снова заснула, но, как ни странно, мне приснился всё тот же кошмар. От страха снова наступило пробуждение, но

¹ Хорремшехр – иранский город, расположенный на самой границе с Ираком. Во время ирано-иракской войны 1980–1988 годов Хорремшехр был осаждён и захвачен противником, став местом активных уличных боёв, но весной 1982 года иранской армии удалось освободить город.

когда глаза опять закрылись, то в третий раз привиделось всё то же. Проснувшись в очередной раз, я решила: «Лучше не спать вовсе, чем видеть такие кошмары», поэтому больше не клала голову на подушку.

Именно в эту минуту меня испугали звуки снаружи. Они доносились с лестницы, как будто кто-то поднимается вверх с нижнего этажа, но так и не может дойти до второго. Дверь была заперта, но в окне я увидела какие-то неясные тени людей с огромными головами и чёрными руками. Масума и Хадиджа спокойно спали рядом по обеим сторонам от меня. Я заткнула уши и с головой укрылась одеялом, но вопреки всем моим стараниям заснуть больше не получалось. Не знаю, сколько прошло времени, но вдруг кто-то стянул одеяло с моей головы. Прямо над собой я увидела силуэт мужчины с чёрной бородой и усами. Когда зажёгся свет, я поняла, что это Самад.

– Напугал, – сказала я, приложив руку к груди. – Почему ты не позвонил в дверь?!

– Вот так новости, – ответил он, смеясь. – Теперь ты и меня боишься?!

– Ты хоть бы позвал меня как-нибудь. Я чуть не умерла от страха.

– Жена! Я звонил в дверь – ты не слышала, открыл ключом – не слышала, вошёл и позвал тебя – ты не ответила. Что же мне было делать? Ты лежишь тут и спишь.

Самад пошёл к детям и, с трудом нагнувшись, поцеловал их.

Я не стала рассказывать мужу, что всю ночь видела кошмары, что от страха зажала уши и поэтому не слышала, как он меня звал.

– Колонка включена?! – спросил Самад.

– Среди ночи?! – удивилась я.

– Я весь грязный. Целый месяц не мылся, – ответил муж.

Я пошла на кухню и зажгла колонку, а он пошёл за мной и сообщил, что иракцы вошли в Хорремшехр, город

пал и погибло много наших. Ещё муж рассказал, что иракцы осадили Абадан и каждый день обстреливают город из пушек и минометов, а Банисадр¹ доказал свою несостоятельность, ведь в армии нехватка оружия и боеприпасов.

– Ты ужинал? – спросила я.

– Нет, но есть не хочу.

Я подогрела ему немного похлёбки с луком и яйцом, оставшейся после обеда, а потом расстелила скатерть, поставила миску с простоквашей, соленья и тарелку с зеленью, которую вечером принёс хозяин дома. Муж, когда я налила похлёбку, съел две ложки и глаза у него покраснели.

– Горячо? – спросила я.

Покачивая головой, он перестал есть, положил ложку и вдруг расплакался.

– Что такое? – тревожно спросила я. – Что-то случилось?

Я не могла поверить, что Самад будет так плакать. Он обхватил голову руками и горько рыдал.

– Я уже сама не своя. Скажи, что случилось?! – настаивала я.

Наконец Самад проговорил:

– Как я могу есть, когда ребята на границе голодают? Они гибнут под огнём танков и артиллерии этих проклятых баасистов². У наших нет даже оружия, чтобы сражаться, нет продовольствия и даже места для ночлега. Бедолагам так трудно.

Я взяла его за руку и притянула к себе.

– Ты сам говорил, что идёт война. Ничего не поделаешь. Если ты будешь плакать и отказываться есть, разве им станет сытнее и всё наладится? Давай пододвинься и ешь.

¹ Абольшасан Банисадр – первый президент Ирана после Исламской революции, возглавлявший государство с 1980 по 1981 год.

² Баасисты – члены «Баас» («Партии арабского социалистического возрождения»), правящей в Ираке с 1968 по 2003 год.

Я очень настаивала, и муж вновь принялся за еду. Стараясь отвлечь его от мыслей о войне, я принялась что-то говорить. После моих рассказов о проделках Хадиджи, о том, что у Масумы начали резаться зубки, и других событиях, произошедших за время его отсутствия, к Самаду постепенно вернулся аппетит. Он съел всё, что я поставила на скатерть: от простокваши и солений до похлёбки, хлеба и зелени.

– Да, видно, что ты вернулся с войны, – пошутила я.

Рассмеявшись от всей души, муж воскликнул:

– Я уже месяц нормально не ел, веришь?! Клянусь, в течение этих нескольких дней ничего не ел, кроме куска хлеба и нескольких печений.

Когда мне пришлось наклониться, чтобы сложить скатерть, муж поцеловал меня в лоб, и от смущения я опустила голову.

– Было очень вкусно. Большое спасибо, – сказал он.

– На здоровье, – улыбнулась я. – Обычная еда, ничего особенного, просто ты был очень голодным.

Когда Самад встал, чтобы помыться, я смогла его хорошенько разглядеть. Он очень похудел и казался сутулым. Волосы были нечёсаными и все в пыли, а ослабшие плечи заметно опустились. Я тогда тихо сказала:

– Боже мой, неужели это мой муж? Это Самад? Что война с ним сделала?

«Господи, – подумала я, – пусть ни один человек на свете не узнает, что такое война».

В скором времени единственным слышимым в доме звуком стал шум воды из ванной и водопровода. Я выключила на кухне свет и, хотя была уже полночь, мне показалось, что дом стал светлым и уютным, как в день, когда мы сюда переезжали, и всё вокруг заиграло радужными красками.

Глава 14

На следующий день Самад пошёл за покупками и принёс два или три килограмма мяса, две курицы, зелени и огромное количество фруктов.

– Сколько мяса! – удивилась я. – У нас будут гости?! Что случилось!?

– На этот раз, если и останусь жив, меня не будет два или три месяца. Может быть, до Нового года не вернусь, а может, и до конца войны.

– Что ты говоришь?! А вдруг война закончится только через несколько лет?!

– Нет, не дай Бог. Как бы то ни было, там я очень нужен. Если бы не ты и не дети, то и сейчас я бы не приехал даже на несколько дней.

Я положила мясо в раковину на кухне и открыла кран.

– Честное слово, ты купил слишком много мяса. Дети едят мало. Всё останется. Мне много одной.

Муж пошёл в гостиную, усадил детей на колени и стал играть с ними.

– Самад! – позвала его я.

– Да, милая?! – откликнулся он.

Я рассмеялась и спросила:

– Может быть, поедем сегодня вечером в одно место? Мне уже здесь надоело.

– Ты хочешь прямо сейчас собраться и поехать в Каеш? – быстро проговорил он.

Закрыв кран, я положила розовое филе в дуршлаг.

– Нет... Не в Каеш... Пока мы доедем, тебе уже придётся возвращаться. Я хочу поехать туда, где будем только мы с тобой и дети.

Самад взял девочек на руки и пришёл ко мне на кухню.

– Как скажешь. Куда едем?!

– Поедем в парк.

Самад отодвинул занавеску на окне в кухне.

– На улице холодно. Уже ноябрь, жена! Дети простудятся.

– Да, ноябрь, но погода хорошая. В этом году осень не очень холодная.

– Хорошо, поедем после полудня. Только, с твоего разрешения, я на минутку загляну в штаб КСИР. У меня срочное дело.

– Когда это ты спрашивал у меня разрешения, чтобы сходить в штаб?! – рассмеялась я.

Самад засмеялся и ответил:

– Ведь эту увольнительную на пару дней я взял ради тебя. Если не разрешишь, я не поеду.

– Поезжай, только возвращайся скорее, а иначе я обижусь.

Быстро поставив на пол Хадиджу и Масуму, муж надел военную форму. Дети в слезах пошли следом за ним, но я быстро увела их. Нагнувшись на ступеньке, он завязывал шнурки на ботинках.

– Что приготовить на обед?! – крикнула я.

Муж уже спускался вниз по лестнице:

– Мясной бульон.

Зайдя в комнату, я занялась детьми, передела их, много покормила, потом высыпала перед ними кучу игрушек, а сама пошла по своим делам. На кухне я порезала мясо, поставила варить бульон и принялась чистить овощи.

На часах было уже половина первого. Обед стоял на плите и по всему дому разносился аромат оманского ли-

мона, добавленного в бульон. Расстелив скатерть, я поставила простоквашу, соленья и зелень. Дети проголодались, поэтому пришлось их покормить бульоном, покрошив в него немного хлеба. Покушав, они пошли в угол комнаты и начали играть там, а я легла рядом со скатертью, расстеленной на полу, и устала на дверь.

Было уже около двух часов, но Самад всё ещё не вернулся. Вдруг я вздрогнула от крика Масумы. Часы показывали уже три. Оказывается, рядом со скатертью я заснула, а тем временем девочки поругались из-за чего-то, подрались и теперь горько плакали. Миски с простоквашей, соленьями и зеленью были перевернуты. Я разозлилась, но не стала никого наказывать, ведь дети пока не понимали, что делают. Пришлось сложить скатерть и отнести всё на кухню, потом умыть девочек и переодеть их, сняв одежду, перепачканную соленьями и простоквашей. Потом я покормила Масуму молоком и уложила её спать. Хадиджа тоже немного поела и уснула в углу комнаты. Я положила детей в постели, накрыла одеялами и пошла по своим делам: постирала скатерть, наготовила на ужин котлет.

Уже смеркалось, и я придумывала, что сказать Самадду, когда он придёт, ведь была на него очень сердита, но высказать всё придуманное так и не довелось.

Едва скрипнула дверь, девочки проснулись и побежали навстречу отцу. Взяв обеих на руки, он вошёл в кухню с небольшим пакетом в руках. Самад поздоровался, и я ответила ему, не поднимая головы. Он протянул мне пакет и сказал:

– Возьми, а то у меня устала рука. – После чего быстро поцеловал детей и стал говорить им разные нежные слова.

Продолжая злиться на мужа, я ответила:

– Положи пакет в нашу комнату.

– Нет, ты должна взять это из моих рук.

Я недовольно взяла. Внутри лежал фиолетовый платок: большой шерстяной платок с крупным огуречным

узором бута́, который только недавно вошёл в моду. Сначала я не подавала вида, но потом вспомнила слова матери, Шины, которая всегда говорила: «Что бы тебе муж ни купил, всегда благодари его, ведь он старался, даже если эта вещь не пришлась тебе по вкусу».

– Зачем ты купил его? Он же дорогой, – вырвалось у меня.

Я накинула платок на голову и Самад рассмеялся:

– Как тебе идёт! Ты такая красивая!

Совершенно забыв о своей обиде, я уже не собиралась ругаться с мужем.

– Значит, ты готова ехать?! – воскликнул он.

– Куда?!

– В другой парк.

– Сейчас? Нет, спасибо. Уже темнеет.

– Гадам! Не мучай меня. Нас ждут тяжёлые времена. Завтра мне уезжать, и ты начнёшь скучать.

Я больше не сказала ни слова. Положив котлеты в контейнер, я взяла зелень, соленья, скатерть, хлеб, термос и сложила всё это в большую корзину. Одевшись и завязав платок, я встала перед зеркалом и осмотрела себя с ног до головы. Самад оказался прав – платок оказался мне очень к лицу.

– Спасибо большое, – сказала я. – Ты купил хорошую вещь. Платок большой и тёплый.

Муж в это время одевал детей.

– Я специально купил такой большой. Скоро похолодает, а в этом платке тебе будет тепло.

Самад договорился со своим другом-фармацевтом, чтобы тот заехал за нами на своей машине. Скоро друг приехал, мы сели в машину и поехали за город. Дорога получилась долгой и только спустя значительное время мы добрались до гарнизона Гахрема́н. Самад вышел из машины и отправился в комендатуру. Хадиджа была со мной, а

Масума сидела на руках у жены друга, которая была в восторге от девочки. Она уже несколько лет была замужем, но детей у них с мужем так и не появилось.

Стало уже совсем темно, когда нам разрешили войти в часть. Мы немного прогулялись, прежде чем нашли место под старыми тополями. Там мы и расположились на циновках. Пусть дело близилось к ночи и мрак становился всё гуще, но на месте нашего пикника по сторонам стояло несколько уличных фонарей, которые освещали это пространство.

Стояла осень, и земля была покрыта жёлтыми опавшими листьями. Ветер раскачивал ветви деревьев. Стало прохладно, поэтому жена друга спрятала детей под чадру. Я достала термос и налила всем чаю, как вдруг погас свет и воцарился полный мрак.

– О Господи, – сказала Самад. – По-моему, объявили «красный» уровень опасности.

Вокруг была кромешная тьма, хоть глаз выколи. Мы выждали некоторое время, но так и не услышали ни выстрелов зенитной артиллерии, ни звука сирены, предупреждающей о «красной» опасности. Самад включил свой фонарь и положил его на середину циновки. Мы хотели выпить чаю, но оказалось, что он уже остыл.

Ветер гнул ветви деревьев, выл, обрывал оставшиеся листья и гнал их прочь. Шорох листьев, кружившихся возле нас, наводил ужас. Я тихонько сказала мужу:

– Пойдём отсюда. В такую ночь нас никто не будет искать.

– Не говори такое при докторе. Мне будет неловко, – ответил он. – Посмотри, как его жена спокойно сидит и играет с детьми. Представь себе, что ты в какой-нибудь живописной деревеньке.

Рядом не было ни души. Иногда издали доносился вой собаки или шакала. Дул ветер, а электричество всё ещё не

включили, так что даже друг друга мы толком не видели. На ощупь мы достали провизию и совместными усилиями расстелили скатерть. Хадиджа сидела рядом со мной, а Масума продолжала лежать на руках у жены фармацевта. Старшая дочка вся продрогла от холода, а я, даже не поняв, как мы умудрились поужинать, молилась только о том, чтобы всем побыстрей уйти отсюда.

Мужчины тем временем разговорились между собой. Жена друга тоже, казалось, ни о чём не волновалась и спокойно мне что-то рассказывала, но я, вопреки всем своим усилиям, так и не могла собраться с мыслями. Мне казалось, что вот-вот из-за деревьев выбежит собака или волк и нападёт на нас. Кроме того, мы находились на военном объекте и если бы объявили «красный» уровень тревоги, то мы оказались бы в гораздо большей опасности, чем если бы сидели в другом месте. От холода у меня стучали зубы. Наконец мужчины согласились уехать, и мы, собрав вещи, сели в машину. Только тогда я спокойно вздохнула и разговорилась с женой фармацевта.

Обратная дорога была такой же долгой. Когда мы приехали домой, дети уже спали. Я передела их и уложила в постель. Самад пошёл на кухню и помыл посуду, а я, уложив детей, пошла за ним. Он посмотрел на меня и спросил:

– Ну как, жена?! Тебе понравилось?!

Я хотела съязвить, но прикусила губу и заглянула в кастрюлю с мясным бульоном, который остался ещё с обеда. В тот день я не успела пообедать и как следует поужинать, поэтому от голода и усталости у меня дрожали руки и ноги.

Так прошёл этот день, а на следующий Самад отвёз нас в Каеш, после чего вернулся на фронт. Я с детьми осталась в Каеше на месяц, а затем вернулась в Хамадан. Была зима и выпало много снега. Через несколько дней после нашего возвращения стало ещё холоднее и снова пошёл снег, так что я была рада тому, что Самад в своё время

внёс в договор аренды пункт, согласно которому убирать снег должен был хозяин дома.

В эту самую стужу и непогоду ко мне из Каеша приехала толпа гостей, остановившись по дороге в Керманшах¹. После ужина я обнаружила, что на завтрак хлеба уже не будет, поэтому рано утром поднялась и отправилась в булочную. Что же там творилось! Одна очередь была внутри, а вторая выходила прямо в переулок, да ещё в такой мороз. Однако выбора не оставалось, и я встала в конец той очереди, где давали по два батона, потому как она казалась короче той, где давали больше. Мне пришлось простоять десять минут, пока не подошла моя очередь. Купив хлеб, я заметила в конце большой очереди какую-то женщину с красной корзиной и попросила занять мне место, пока я не вернусь, поэтому мне следовало спешить, чтобы моя очередь не прошла в моё отсутствие.

По дороге домой я несколько раз поскользнулась и один раз даже упала в снег, а дома, увидев, что гости уже проснулись, заварила чай, достала из холодильника сыр и снова побежала в булочную, но, прибежав, обнаружила, что женщины, за которой была моя очередь, уже и след простыл. Разволновавшись, я стала объяснять людям, что находилась тут всего лишь десять минут назад, взяла два батона, быстро отнесла их домой и вернулась, но стоявшие рядом женщины подумали, что я хочу взять хлеб без очереди и несколько человек принялись меня стыдить и ругать. Одна из женщин так сильно толкнула меня, что я обязательно бы упала, если бы не опиралась рукой о стену. Вдруг появилась та самая женщина с красной корзиной в руке. «Женщина... женщина... разве я не занимала перед вами очередь?!» – закричала я. Она улыбнулась и дала мне знак встать впереди. Я была на седьмом небе от

¹ Керманшах – город и одноимённая провинция на западе Ирана.

счастья. Увидев это, другие нехотя расступились. До сих пор, когда я вижу красную корзину, вспоминаю ту женщину и весь тот день.

С каждым днём становилось холоднее, и всё кругом покрылось обледеневшим снегом. По сельским дорогам почти не ездили и поэтому из Каеша в Хамадан теперь уже никто не приезжал.

Хозяин дома очень меня поддерживал и, даже когда покупал что-нибудь для себя, приносил немного и нам. Я же старалась или не брать, или каким-то образом возвращать деньги. Мне не хотелось быть чем-то обязанной, не хотелось, чтобы обо мне думали, будто без мужа я нуждаюсь в посторонней помощи, поэтому, преодолевая усталость, делала всё сама.

Температура упала до минус сорока трёх градусов. Для отопления домов не хватало керосина и, чтобы дети не простыли, мне пришлось надеть на них в доме куртки и шапки, а однажды утром, отправившись за керосином, я обнаружила, что канистра почти пуста. Дети спали, поэтому я взяла двадцатилитровые канистры и пошла в керосиновую лавку, которая находилась на улице, довольно далеко от нашего дома. У лавки была целая очередь и стоявшие в ней люди связали свои канистры верёвкой, чтобы не было обмана. Поставив свои канистры, я встала в конце. Керосин ещё не привезли.

Простояв полчаса, я почувствовала, что у меня начинают мёрзнуть ноги. Потом от холода у меня застучали зубы. Поняв, что долго так не простою, я вернулась домой, надела носки и кофту и опять пошла в очередь. Дети остались одни, поэтому до полудня мне приходилось четыре или пять раз возвращаться домой, а потом снова идти к керосиновой лавке.

После полудня наконец привезли керосин, и спустя час подошла моя очередь. В то время при керосиновых лавках работали грузчики, которые на тележках довозили канистры прямо до дома, но, на мою беду, мне не достался ни один из них, поэтому одну канистру я оставила в лавке, а вторую, еле-еле подняв с земли, потащила. Сначала через каждые десять или двадцать шагов я ставила канистру на землю, чтобы отдышаться, но потом приходилось останавливаться уже через каждые пять шагов. Я массировала пальцы, занемевшие от мороза, подносила ко рту и дышала на них, чтобы согреть.

С огромным трудом я принесла одну канистру и поставила на ступеньки первого этажа. Настало время идти за другой, но у меня совсем не осталось сил. К тому же холод пробирал до костей, а вторую канистру всё равно надо было тащить до дома. Все мысли были о замерзающих детях, и в конце концов я каким-то образом дотащила канистру до дверей, но теперь следовало поднять её по лестнице. Я не хотела, чтобы меня заметил хозяин дома и стал помогать, поэтому потихоньку подняла по ступенькам сначала первую канистру, а через полчаса пошла и принесла вторую.

От усталости я валилась с ног, поэтому прямо в коридоре рухнула на пол. Хадиджа и Масума обрадовались и забрались на меня сверху, но у меня так болели руки, ноги и поясница, что даже не хотелось улыбнуться. Я молила Бога, чтобы девочки заснули и тогда я тоже смогла бы отдохнуть, но дети были голодны, поэтому мне пришлось встать и идти готовить ужин.

Почти каждый день объявляли «красный» уровень опасности. Несколько раз иракские самолёты с шумом летали над городом, что очень пугало жителей, а во многих домах и магазинах выбило стёкла.

Когда объявлялся «красный» уровень опасности и звучал сигнал воздушной тревоги, Хадиджа и Масума в страхе бежали ко мне и прятались у меня на руках. Наш дом стоял прямо напротив холма Мосалла, на вершине которого и размещались средства противовоздушной обороны. В момент выстрелов наш дом трясло и всё внутри озарялось вспышками света. Хозяин дома настаивал, чтобы при «красном» уровне опасности я брала детей и спускалась с ними вниз на хозяйский этаж, но это могло продолжаться не день и не два.

Однажды вечером, едва я легла спать, объявили «красный» уровень опасности и артиллерия сразу же начала огонь. На этот раз выстрелы были настолько оглушительные, что Масума и Хадиджа от испуга стали сильно кричать и плакать. В полной растерянности я не знала, как успокоить детей. На их крик пришла хозяйка. Ей стало нас жалко, поэтому она буквально силой отняла у меня Хадиджу и стала гладить её по голове, а я взяла на руки Масуму. Увидев, как от выстрелов трясётся и озаряется вспышками весь дом, хозяйка крикнула мне:

– Гадам! Вам не страшно?!

– А что делать? – ответила я.

Было ясно, что она сама была напугана.

– Ей-богу, ты очень смелая, – сказала она. – Без мужчины, да ещё с двумя детьми – честное слово, ты настоящая героиня. Давай спустимся вниз. Подумай о детях.

– Но мы вас стесним, – ответила я.

Хозяйка всё же настояла на своём и заставила нас спуститься к ним в комнаты. Там было гораздо тише и дети успокоились.

Каждую неделю по понедельникам и средам привозили погибших. Единственным моим развлечением было каж-

дую неделю ходить на похороны. Хадидже тогда было два с половиной года и она шла за мной, держась за край чадры, а Масуму я несла на руках. Оказавшись в толпе людей, я невольно начинала плакать, словно приносила к гробам погибших все свои трудности и невзгоды, пережитые за неделю, чтобы поделиться ими. Я плакала с улицы Шохадá и до самого кладбища Баге-Бехешт, а по возвращении домой чувствовала облегчение и прилив новых сил.

Было уже начало марта, но снег ещё не растаял, и погода оставалась морозной. Женщины делали генеральную уборку в домах, подметали, вытирали пыль и стирали, но что бы я ни делала, у меня всё валилось из рук.

В тот день я только-только вернулась с похорон нескольких убитых солдат и, оставив детей дома, пошла стоять в очереди за хлебом, но периодически возвращалась минут на десять, чтобы приглядывать за крохами. В последний раз, когда я вернулась домой и начала подниматься по лестнице, то застыла на месте. Сверху доносился смех детей. Кто-то был в доме и играл с ними. Я побежала вверх по ступенькам, увидела у двери старые разношенные ботинки и подумала, что это наверняка нас пришли навестить Шамсолла́ или Теймур, а может быть, даже Саттар. Вот почему, открыв дверь, я замерла на месте: там был Самад. Взяв детей на руки, он кружил по комнате и читал стишки. Девочки были в восторге и радостно смеялись.

В одно из мгновений наши с мужем взгляды встретились, и, не говоря ни слова, мы несколько секунд просто смотрели друг на друга. Мы видели друг друга впервые за четыре месяца. У меня на глаза навернулись слёзы. Самад опять поздоровался первым и, продолжая говорить детским голосом, каким читал детям стишки, спросил:

– Где ты была, жена моя? Где ты была, моя дорогая? Где ты была, Гадам?

Теперь слёзы текли по моим щекам и я вытирала их краем чадры. Держа детей на руках, Самад встал передо мной и спросил:

– Ты плачешь?

Рыдания сдавили мне горло, а Самад рассмеялся и всё тем же детским голосом добавил:

– Ага, понял. Ты по мне соскучилась. Очень-очень. То есть ты любишь меня. Очень-очень!

Чем больше он говорил, тем больше я плакала. Он поднёс детей к моему лицу и сказал им:

– Поцелуйте мамочку. Погладьте её.

Дети начали гладить меня по лицу своими нежными маленькими ручками.

– Где ты была?

– Я ходила за хлебом, – всё так же со слезами ответила я.

– Купила?

– Нет, не купила. Переживала за детей. Пришла посмотреть, как они, чтобы снова пойти в очередь.

– Ладно, оставайся с детьми, я сам схожу.

Я снова вытерла слёзы чадрой и сказала:

– Нет, не беспокойся. Передо мной в очереди осталось всего два человека. Я сама схожу.

Самад поставил детей на пол, снял с меня чадру, повесил её на вешалку и произнёс:

– Пока я дома, сам буду ходить за продуктами.

– Но ведь тогда тебе придётся встать в конец очереди.

– Вот и встану. Всё правильно. С меня не убудет. Раз хочу хлеба, должен встать в конец очереди, – ответил он и засмеялся.

Муж уже надевал ботинки, когда я заметила ему:

– Ты бы хоть переоделся. Давай, я почищу ботинки. В душ сходи.

– Я вернусь, не успеешь оглянуться, – весело ответил он.

Я рассмеялась и вошла в комнату. Умыв и переодев детей, поставила готовить обед, потом прибралась в доме и немного привела себя в порядок. Когда Самад вернулся с хлебом, всё в доме уже было по-другому. Пахло обедом, и комната была залита солнечным светом. Словом, вновь стало уютно и хорошо.

На следующее утро Самад ушёл и вернулся с несколькими большими пакетами в руках. Оказывается, он опять сходил за продуктами и принёс горох, фасоль, сахар, чай и рис.

– Это значит, что ты совсем скоро уезжаешь?! – воскликнула я.

– Не так скоро, – ответил муж, – но всё равно в конце концов должен буду уехать. Я не могу оставаться. Мне нужно побыстрее закончить дела. Просто не хочу, чтобы ты стояла перед магазином за килограммом чечевицы.

Потом, относя пакеты на кухню, он добавил:

– Когда я вчера пришёл домой и узнал, что ты ходила стоять в очереди за хлебом, мне стало не по себе.

Я взяла у него пакеты.

– То есть ты мне не доверяешь?!

Самад растерялся. Он остановился и посмотрел на меня:

– Нет, нет, я не то имел в виду. Я хотел сказать, что все твои невзгоды из-за меня. Если бы ты не вышла за меня замуж, то жила бы сейчас спокойно со своей матерью и наслаждалась жизнью.

– Сколько же можно наслаждаться жизнью! – рассмеялась я.

Муж высыпал рис на большой поднос и сказал:

– Я сам переберу рис, а ты занимайся своими делами.

– Самое лучшее занятие – это сидеть здесь с тобой, – ответила я.

– Нет... я думал, ты собираешься уйти. Отлично, отлично. Тогда давай садись рядом со мной. Давай перебираться вместе.

Мы сели на кухне и, взяв поднос, до полудня вместе перебирали горох, фасоль и рис. Мы рассказывали друг другу что-то, говорили и смеялись, а после обеда Самад оделся и сказал:

– Хочу пойти в штаб КСИР. Я быстро.

– А ближе к вечеру ходим куда-нибудь?! – напомнила я.

– Куда? – удивлённо спросил он.

– Как! Скоро праздник. Хочу купить детям новую одежду.

Самад миг изменился в лице. Губы у него побелели и он закричал:

– Что?! Новую одежду?!

Я удивилась ещё больше, чем он.

– А что такого?!

– Значит, я должен взять детей и покупать им новую одежду?! А что я тогда скажу детям убитых солдат?! Неужели мне не будет стыдно перед ними?!

– А разве они стоят на улице и увидят нас?! Даже если увидят, то не поймут, куда мы идём.

Самад сел посреди комнаты и сказал:

– Ну и дела. Ну и дела. Ты не видишь, какие прекрасные люди каждый день умирают у меня на глазах. У многих из них остаются жёны и дети. Кто же в этот праздничный вечер купит им новую одежду?

Я села напротив Самада и обиженно сказала:

– Прости меня. Не нужна нашим детям никакая новая одежда.

– Ты расстроилась? – спросил муж.

– Очень! Ты же не видишь, как мы живём?! Когда ты в последний раз думал обо мне и детях?! Ей-богу, мы ведь ничем не хуже детей погибших солдат.

– Не говори так, – сердито ответил Самад. – Мы делаем всё, что можем. Это наш долг. Это обязанность. Мы должны её выполнить, не ожидая ни от кого благодарности. С сегодняшнего дня и до конца войны у нас не может быть праздников. Мы должны сочувствовать погибшим.

Я встала, пошла в другую комнату и обиженно сказала:

– Говорю же: хорошо. Прости меня. Я ошиблась.

Муж встал, обошёл комнату кругом, а потом закрыл дверь и ушёл. До вечера я была очень подавлена, обижена, поэтому сидела в углу. Детями заниматься не хотелось. Не было настроения даже для того, чтобы встать и сделать что-нибудь по дому. В горле стоял ком, но ни расплакаться, ни успокоиться я не могла.

Это состояние не проходило, и справиться с ним у меня не нашлось никаких сил. Стемнело, но муж до сих пор не вернулся. Я подумала: «А ведь Самад ушёл, даже не попрощавшись». То есть с одной стороны, я на него злилась, а с другой – уже соскучилась и была в растерянности, опасаясь, что он разозлился и уехал совсем.

Совершенно отчаявшись, я встала, включила свет, а потом совершила омовение перед молитвой и в этот самый момент не выдержала и проговорила: «Господи, я виновата, прости меня! Что же я наделала? Верни моего Самада».

Я не находила себе места, но вдруг услышала, как открылась дверь. Дети засмеялись, закричали, и я поняла, что мой Самад вернулся, а через минуту, всё так же сидя на молитвенном коврике, услышала, как муж зовёт меня:

– Гадам, милая! Гадам, где ты?!

У меня забило сердце. Я вошла в комнату и увидела, что Самад, поставив рядом с подушкой две большие сумки, держит детей на руках. Я тихо поздоровалась. Самад рассмеялся и сказал:

– Здравствуй, жёнушка! Как дела, Гадам?!

Я не подала вида, что рада, и снова поздоровалась, не поднимая головы.

Однако на самом деле уже растаяла.

– Посмотри, что я вам купил. Надеюсь, тебе понравится, – произнёс муж и показал рукой на две сумки рядом с подушкой.

Я ушла на кухню и занялась стряпнёй, но все мои мысли были о нём. Оказывается, Самад купил детям одежду и теперь примерял её, поэтому обе девочки неожиданно явились на кухню в новых нарядах. Я забеспокоилась, что дети могут испачкаться, поэтому взяла их на руки и отнесла обратно в комнату.

Увидев меня, Самад попросил:

– Налей мне хотя бы чашку чая, а потом иди посмотри, понравится ли то, что я купил тебе.

Муж понял, что меня не удастся легко разговорить, поэтому рассмеялся и добавил:

– Любимая, улыбнись же мне.

Я засмеялась, а он воскликнул:

– Теперь, когда ты улыбнулась, эта сумка твоя! Честное слово, если ты опять собираешься хмуриться, то я прямо сейчас встану и уйду. Сегодня вечером как раз несколько ребят едут на фронт.

Я поняла, что дело серьёзное и мне уже пора браться за ум, поэтому взяла сумку и пошла в другую комнату примерять обновки. У Самада, как всегда, оказался отменный вкус. Он купил мне блузку и юбку с блёстками, которые недавно вошли в моду.

Я разглядывала себя в зеркале, как вдруг вошёл муж и сказал:

– Ничего себе! Честное слово, ты прекрасна. Тебе очень идёт.

Я застеснялась и ответила:

– Спасибо. Выйди, я хочу переодеться.

Он взял меня за руку.

– Что?! Хочешь переодеться?! Так не пойдёт. Ты должна остаться в этом. Я же сказал, что теперь не до праздников, но когда мы вместе и ты смеёшься, это и есть для меня праздник.

– Всё-таки жалко. Это нарядная одежда.

– Наряжайся для меня, – улыбнулся он. – Разве нельзя одеться так ради мужа?

Я согласилась, тогда он крепче сжал мою руку и сказал:

– Садись.

В комнату зашли дети и очень удивились, увидев меня в новой одежде. Продолжая держать меня за руку, Самад сказал:

– Прости меня за ту ссору. Это моя вина. Прости меня. Я не хотел злиться. Знаю, что был резок. Но извини меня. Прости. Тебе известно, что ты дороже мне всех на свете. Я никого так не любил, как тебя. Иногда даже думаю, что эта любовь к тебе отдаляет меня от Бога, однако, хорошенько поразмыслив, понимаю, что она, наоборот, делает меня ближе к Нему. Я каждый день тысячу раз благодарю Господа за то, что ты стала моей женой. Не моя вина, что началась война, а иначе я бы горы свернул. Если бы ты знала, какой ад на фронте. Ты представить себе не можешь, какое горе обрушил Саддам Хусейн на головы наших женщин и детей! Если бы ты была там и своими глазами увидели все эти страдания и убийства, то поняла бы меня. Гадам, милая! Не обижайся. Пойми меня. Ей-богу, мне очень тяжело. Прими как должное, что пока у нас не может быть праздников. Сходи на улицу Кашани¹ и по-

¹ В Хамадане есть улица Шахид-Кашани, по обе стороны которой на средства банка «Маскян» построены многоквартирные дома. Некоторые из этих квартир были предоставлены беженцам из южных городов страны, где велись боевые действия. Многие беженцы до сих пор продолжают жить в этих квартирах (примечание автора).

смотри, как тяжело живётся тем, кто пострадал во время войны. Думаешь, у них до войны не было своих домов и своей привычной жизни?! Они ведь тоже хотят вернуться в свои города и жить хорошо.

Словно опомнившись, я ответила:

– Ты прав. Я согласна с тобой. Прости меня.

Самад вздохнул с облегчением и сказал:

– Слава Богу, этот вопрос мы для себя выяснили. Однако есть ещё одна проблема, о которой я давно хотел поговорить. Это касается меня самого. Дело в том, что сейчас война стала частью моей жизни. Каждый раз, когда я приезжаю, то думаю, что вижу тебя и детей в последний раз. Господу виднее, но, может быть, другого раза действительно не будет. Я попросил ребят, чтобы мои деньги, в случае чего, отдали тебе. Ещё я дал кое-какие поручения Шамсолле, Теймуру и Саттару, чтобы тебе пришлось не так туго.

Я расплакалась:

– Самад, прекрати. Что ты такое говоришь? Я даже слышать об этом не хочу. Хватит об этом.

Самад вытер указательным пальцем мои слёзы.

– Не плачь. Дети испугаются. Такова реальность. Ты должна быть ко всему готова, чтобы при случае пережить это.

Он сделал паузу и продолжил:

– Когда я уйду в этот раз, не тешь себя надеждой, что я скоро вернусь. Может быть, меня не будет три или четыре месяца. Приглядывай за детьми и наберись терпения.

И я терпела. Самад через несколько дней ушёл и появился только через четыре месяца. Он побыл неделю, а потом снова уехал. Иногда звонил, а иногда просил друзей, приехавших на побывку, справиться о нас и передать ему все новости. Время от времени приезжали его братья: Шамсолла, Теймур и Саттар – и узнавали о том, как нам живётся.

Отец тоже всегда обо мне беспокоился. Иногда приезжал к нам один, а иногда с матерью. Они оставались у нас несколько дней, а потом снова уезжали. Иногда мы сами ездили в Каеш, но там мне всё время было тревожно, потому как я думала, что, пока нахожусь у родителей, в Хамадан может приехать Самад. Вот почему я вечно под разными предлогами как сумасшедшая носилась то туда, то сюда, пока не возвращалась обратно в город. В доме же всё хранило запах мужа. Одежда, обувь, молитвенный коврик – всё согревало мне душу.

Я привыкла к такой жизни, и единственным моим желанием было то, чтобы Самад вернулся домой целым и невредимым. Ничего другого мне не требовалось.

Тем временем начались авианалёты на города. Иногда в течение дня по нескольку раз объявляли красный уровень тревоги. В небе над Хамаданом появлялись иракские самолёты и бомбили жилые районы. Тем не менее жизнь продолжалась. Так прошло два года.

В 1982 году я забеременела в третий раз и думала: «Как же в таких условиях смогу родить ещё одного ребёнка и вырастить его?» Я нервничала, а Самад радовался. При малейшей возможности он старался приезжать в Хамадан и навещать нас, ведь очень обо мне беспокоился и каждый раз наказывал всем родственникам: «Когда меня нет, заботьтесь о Гадам».

Возвращаясь домой, он сокрушался: «Гадам, что ты со мной сделала?! Я ни на секунду не могу забыть о тебе. Думаю о тебе каждое мгновение».

Тем не менее мы оба понимали, что война для него важнее всего. Когда бомбили Хамадан, все родственники очень переживали за меня и детей. Приезжали братья Самада и каждый месяц отвозили меня в Каеш. Иногда они приезжали вместе со своими семьями и оставались у нас несколько дней, а когда всё стихало, уезжали обратно.

Ожидание третьего ребёнка ещё больше придало Самаду сил жить дальше. Он начал думать о покупке собственного дома. С большим трудом ему удалось встать на очередь.

Однажды муж пришёл ко мне радостный и заявил: «Теперь я спокоен за тебя и за детей. Купил вам дом. Больше не надо будет снимать жильё. Летом переедем».

Я была на девятом месяце. Самад приехал и оставался со мной десять дней, но, казалось, ребёнок и не думал появляться не свет. Мы пошли к доктору, который сообщил, что ребёнок родится только через неделю. Самад отвёз меня в Каеш и на прощанье сказал: «Я быстро съезжу на фронт и через три или четыре дня опять вернусь». Но как только Самад сел в машину и уехал, у меня начались схватки.

Я не хотела этому верить, ведь Самад обещал, что на этот раз при родах будет со мной. Пришлось мне терпеть, потому как предстояло опять ждать его возвращения, но ребёнок будто знать ничего не желал и стремился как можно скорее появиться на свет. Мне хотелось кричать от боли, но я молчала. Моя мать Шина быстро всё поняла и сказала:

– Я сейчас пошлю за акушеркой.

– Нет, ещё не время, – сказала я.

Но мама нахмурилась и закричала:

– Если я не знаю, когда время рожать, тогда какой от меня толк?!

Она постелила мне постель, налила полный котёл воды и поставила его на примус в углу двора, потом вернулась, села посреди комнаты и стала резать белую ткань на пелёнки.

Посматривая на меня одним глазом, мать принялась что-то рассказывать. Хадиджа и Масума тем временем играли в углу комнаты. Шина утешала меня и детей, каж-

дую минуту вставала, клала руку мне на лоб, целовала меня в голову и поила разными отварами.

Вдруг мне стало совсем плохо и терпеть уже не было сил. Тогда я начала кричать от боли. Шина бросила нарезанные пелёнки на пол и побежала звать сестёр с невестками и через какое-то время дом наполнился родственниками, готовыми помочь. Акушерка опаздывала. Шина суежилась вокруг меня, заливала мне в рот отвары и приговаривала: «Не бойся, если акушерка не придёт, я сама приму роды».

Акушерка пришла только после полудня и через полчаса ребёнок родился. Шина радостно взяла младенца на руки и воскликнула:

– Гадам, у тебя мальчик! Поздравляю. Посмотри, какой чудесный светленький малыш. Просто прелесть.

После этого она кого-то послала за свекровью, чтобы сообщить ей радостную весть, а я вздохнула с облегчением, услышав крик ребёнка. В доме толпилось много людей, но я ничего не замечала вокруг и погрузилась в сладкий сон.

На следующий день отец отправился в город, чтобы любыми способами разыскать Самада. Вечером он вернулся один и рассказал, что встретился с одним из однополчан моего мужа и попросил непременно сообщить на фронт о рождении сына.

С той минуты я только и ждала возвращения Самада: думала, что завтра он обязательно приедет. Но ни на следующий день, ни через день муж так и не вернулся, чем вызвал разные толки и пересуды:

– Бедняжка Гадам! А ещё мальчика родила!

– А муженьку и дела нет.

– Несчастливая Гадам. Как она теперь будет жить с тремя детьми?

– А ещё муж называется!

Шина слышала все эти разговоры и жалела меня ещё больше. Быть может, поэтому она и говорила: «Доченька, хорошо, если Самад всё-таки приедет, а если нет, то я сама на седьмой день устрою праздник в честь рождения своего внука».

Я очень устала всё время глядеть на дверь и ждать появления Самада: когда кто-то начинал со мной разговаривать, быстро обижалась и начинала плакать, а муж всё не появлялся. На седьмой день Самада тоже не было. На девятый день мама сказала: «Не могу больше ждать. Пойду и позову гостей. Если твой муж приедет – добро пожаловать!»

На девятый день Шина вместе с сёстрами и невестками начала готовить праздничный обед, и именно тогда, ближе к полудню, кто-то из детей в переулке закричал: «Самад приехал!»

Я в это время кормила ребёнка, но не могла не встретить мужа. Положив сына на пол, я завязала на поясе чадру, что-то накинула на голову и с трудом спустилась по ступенькам вниз. Во дворе было полно народа. Ко мне подбежала сестра и сказала: «Зачем ты вышла на улицу? Ты ведь недавно родила». Потом она сняла свою чадру, надела её мне на голову и мы с сестрой потихоньку вышли в переулок.

Навстречу мне шёл какой-то мужчина в ксировской форме и заплечным мешком. Мужчина был с бородой и весь в пыли, но оказалось, что это не Самад. Я пошла незнакомцу на встречу и вскоре узнала в нём друга Самада. Я смущённо с ним поздоровалась и спросила о муже. «Он в порядке, – ответил мужчина, – но не думаю, что сможет скоро приехать. Сейчас в разгаре военная операция. Я и сам приехал ненадолго, чтобы навестить мать. Мне сообщили, что ей очень плохо. Завтра возвращаюсь на фронт».

Меня словно холодной водой окатили, и я вся задрожала. Руки и ноги онемели. Я облокотилась о стену

и стояла так, пока мужчина не прошёл мимо и совсем не скрылся из вида. Шина и сёстры вышли на улицу, чтобы узнать что-нибудь о Самаде, но, увидев меня в таком состоянии, взяли под руки и отвели домой.

Я легла в постель, но всё тело продолжал бить озноб. Шина приготовила мне сладкую воду и укрыла одеялом. Я залезла с головой под одеяло и уже готова была расплакаться, но притворилась, что сплю, потому что знала: мама до сих пор сидит рядом и от жалости ко мне тихо роняет слёзы. Я старалась не плакать, ведь сегодня мы праздновали рождение моего сына и не следовало портить всё торжество.

К полудню пришли уже все гости. Женщины собрались в одной комнате гостевого дома, а мужчины – в другой. После обеда ко мне явилась сестра и взяла у меня младенца, чтобы отнести его к гостям-мужчинам и дать ему имя. Дед Самада, Ибрахим, назвал мальчика Мехди́. Он сам прочитал внуку азан и икамат и шепнул на ухо его имя, а вскоре все мужчины попрощались и ушли, так как был июль – месяц посева и полевых работ, лишь женщины остались до вечера. Сёстры и невестки пошли во двор и помыли там посуду, а потом на большие подносы разложили фрукты. Мехди спал рядом со мной. Женщины завели беседу, а я продолжала смотреть на дверь, ожидая, что она вот-вот распахнётся и в последний момент торжества по случаю рождения сына явится Самад.

Глава 15

Мехди исполнилось сорок дней и он был очаровательным пухленьким малышом. Рано научился смеяться. Хадиджа и Масума часами сидели рядом с братом, играли с ним и веселились, стараясь его рассмешить и подёргать за ручки и ножки. Однако вся моя взрослая родня очень переживала из-за Самада. Всем, кто по нашим предположениям, мог с ним пересечься, мы слали послания, умоляя сообщить нам о его здравии, но нам только сообщали, что Самад участвует в военной операции, и больше ничего.

Видя моё состояние, Шина очень горевала. «С молоком ты можешь передать ребёнку все свои переживания, – говорила она. – Бедный мальчик может заболеть». Но я ничего не могла поделать. На сердце у меня было тревожно и я каждую минуту ждала дурных новостей.

К счастью, вести в итоге оказались хорошие. В тот день я сидела в комнате и кормила Мехди, беспорядочно размышляя о разных вещах. Вдруг дверь открылась и в комнату вошёл Самад. Несколько мгновений я оторопело смотрела на него, думая, что вижу сон. Но это действительно был Самад. Дочки подбежали к отцу и бросились в его объятия.

Самад расцеловал Хадиджу и Масуму, крепко обнял их и, не переставая целовать детей, смотрел на меня и сбивчиво расспрашивал о моём самочувствии. Я не знала, что мне делать в эти секунды. В отсутствие мужа я часто думала, что скажу ему, когда он вернётся, и что сделаю,

но в тот момент настолько обрадовалась, что не знала, как именно себя вести.

Через некоторое время я всё-таки пришла в себя и холодно ответила на его приветствие, но Самад, как всегда, рассмеялся:

– Опять ты злишься!

Мне и самой стало смешно. Каждый раз было одно и то же, ведь он заставлял меня врасплох.

– Нет, почему же злюсь? – сказала я. – У тебя родился сын. Я нормально перенесла беременность, занимаясь домом и своими обычными обязанностями. Муж отлично организовал торжество по случаю рождения сына. Дети – в нашем собственном доме, едят за нашим столом, растут себе понемногу. На что же мне злиться? Я же не больная, чтобы жаловаться на такое счастье.

Самад поставил детей на пол.

– Ты смеёшься надо мной?

Теперь я была в бешенстве.

– С самого твоего отъезда я думаю, что эта война затронула только меня, тебя и наших несчастных детей. В нашей деревне столько мужчин, так почему война коснулась только нас?

Эти слова задели мужа. Нахмурившись, он ответил:

– Ты рассуждаешь неправильно. Эта война затронула не только тебя, но и других женщин. Тех, у которых война в одночасье забрала мужей и крышу над головой, и детей. Это матери, у которых на войне погибли их единственные сыновья, и сейчас в тылу они выхаживают чужих сыновей. Война затронула и мужчин, которые оставили своих семерых, а то и восьмерых детей без средств к существованию и отправились на фронт, семидесяти- и восьмидесятилетних стариков, вчерашних женихов и четырнадцатилетних подростков. Когда я вижу всех этих людей, я начинаю ненавидеть себя. Что я сделал для революции

и для этих людей? Ничего! Они воюют и умирают за то, чтобы ты здесь спокойно сидела и спала рядом со своими детьми, а иначе бы Ирак уже давно расправился с нашей страной. Если бы не эти люди, смогла бы ты так спокойно взять на руки и кормить своего ребёнка?!

От голоса Самада спавший до этого Мехди проснулся и заплакал. Муж взял у меня ребёнка, поцеловал его и сказал:

– Если я опоздал, прости меня, сынок. У нас была военная операция.

В комнату зашла сестра и воскликнула:

– Самад! С тебя подарок за хорошую новость. На этот раз – мальчик.

Самад рассмеялся и ответил:

– Подарок будет, но не за то, что родился мальчик, а за то, что Гадам и дети в полном здравии.

После этих слов муж вернул мне сына, а сам обернулся к Хадидже и Масуме, обнял их, после чего сказал:

– Ей-богу, я не променял бы и одного волоса своих девочек на сто сыновей. Я рад только тому, что после меня Гадам и дочерей будет кому оберегать.

Я закусила губу, а сестра недовольно воскликнула:

– Самад! Типун тебе на язык. Почему бы не подумать о хорошем?

Самад рассмеялся и спросил:

– Как называли моего сына?!

Масума и Хадиджа сели рядом с младенцем, поцеловали его и ответили:

– «Блатик» Мехди.

Мы остались в Каеше на четыре или пять дней. Это было замечательное время. Как обычно, мы вместе ходили в гости, обедая у сестры, а ужиная у брата. Конечно, мы уже отметили рождение Мехди ещё до возвращения мужа и я успела повидать всех родственников, но совсем дру-

гим делом было ходить в гости вместе с Самадом. Окружающие уважительнее относились ко мне и детям, а все церемонии получались ещё более торжественными, о чём свидетельствовала фарфоровая посуда и столовые приборы из нержавеющей стали на хозяйском столе.

На пятый день Самад заявил:

– Собирай вещи. Мы едем в наш дом.

Так, спустя несколько месяцев мы вновь приехали в Хамадан. В доме всё было в пыли, поэтому до вечера я протирала её и подметала полы, а вечером Самад пришёл очень радостный и вложил мне в руку ключ со словами:

– Это от нашего дома.

Я от радости поцеловала ключ, а Самад посмотрел на меня и рассмеялся:

– Дом готов. Завтра утром можно будет переезжать.

На следующий день мы отправились в свой новый дом, взяв с собой немного вещей. Дом был красивый. Там имелось две спальни, небольшая гостиная и кухня. Туалет находился снаружи, на лестнице, у входной двери, но ванная располагалась рядом с гостиной.

Я была на седьмом небе от счастья. Расстелив во дворе маленький коврик, усадила на него детей, а сама взяла веник и начала подметать. Строители только закончили дом, и внутри было ещё грязно.

До обеда мы вместе с мужем вымыли окна и подмели кухню, гостиную и спальни, а вечером к нам пришел Шамсолла с женой, так что Самад теперь смог ненадолго отлучиться и вместе с несколькими своими друзьями перевёз наши скромные пожитки, которые сложил в гостиной. До полуночи я разбирала вещи. Новый дом был больше прежних и я не знала, куда постелить наш единственный ковёр. «Не волнуйся, – сказал муж, – завтра застелю весь дом».

Проснувшись рано утром, я продолжила убираться и наводить порядок, а жена Шамсоллы мне помогала. К ве-

черу мы всё закончили, и все вещи стояли по своим местам. Тогда я поставила самовар, заварила чай и отнесла поднос с чашками во двор, где Самад в это время орудовал шваброй.

Около сада мы расстелили небольшой ковёр. Дети играли во дворе, а мы сели поболтать и попить чаю, но вскоре Самад встал, пошёл в комнату, переоделся, вернулся и сказал:

– Я должен ехать.

– Куда?!

– На фронт.

– Так быстро? – встревожилась я.

Он засмеялся и ответил:

– Жена, всё прошло отлично. Я приехал на неделю, а думал, что вернусь на фронт через день или два. Пришлось задержаться из-за дома. Слава Богу, за него я могу быть спокоен. Если не вернусь, у вас хотя бы будет крыша над головой.

Я решила сменить тему и спросила:

– Когда ты вернёшься?!

Он поднял взгляд к небесам и ответил:

– Один Господь это знает. Будет на то Божья воля – вернусь, а если нет, то спаси Господь ваши души.

Самад завязывал шнурки на ботинках, а я, как всегда, стояла рядом. Потом он позвал жену брата и сказал ей:

– Вы тоже меня простите. За эти несколько дней вы нам очень помогли.

Я проводила Самада до ворот. Наступил вечер. Тёмный переулочек едва освещался, поэтому, пройдя чуть дальше, муж совершенно исчез из вида.

После отъезда Самада прошёл месяц. Я была занята новым домом и хлопотала с Мехди. В нашем переулочке

один за другим сдавались новые дома, и у нас постепенно появлялось всё больше соседей.

Однажды я пошла к соседке, которая недавно переехала в новый дом, чтобы поздравить её с новосельем, как вдруг за мной прибежала Хадиджа и сказала: «Мама, там дядя звонит. Хочет поговорить с тобой». Я схватила Мехди и, наскоро попрощавшись, побежала к нашим ближайшим соседям, у которых был единственный в нашем переулке телефон. На другом конце провода я услышала: «Мы с Самадом вечером приедем в Хамадан. Я хотел предупредить». Это было очень странно. Прежде Самад никогда не сообщал мне заранее о своём приезде.

Я вернулась домой, но не могла ничего делать, поэтому начала себя успокаивать: «Если бы с Самадом что-нибудь случилось, то Саттар сказал бы мне». А через некоторое время мне в голову пришла уже другая мысль: «Нет, точно что-то случилось. Саттар хотел меня подготовить».

До вечера от волнения я не могла найти себе места, но в конце концов всё же заставила себя встать, приготовила еду и прибралась.

Тем временем стемнело, и я каждую минуту посылала детей на улицу посмотреть, не приехал ли отец, а сама сидела у двери и время от времени выглядывала из окна, но, поняв, что от этого не будет никакого толка, позвала детей в дом и мы вместе сели у двери. По всему городу разнёсся необычайный по красоте призыв к вечерней молитве. У меня из глаз катились слёзы. Я молила Всевышнего: «Господи, прошу Тебя ради этого прекрасного мгновения, не оставляй детей сиротами. Мехди пока даже толком не узнал своего отца. Хадиджа и Масума очень к нему привязались. Смотри, с каким нетерпением они ждут. Господи! Верни моего мужа в целостности и сохранности».

Я так говорила, плача, и тут увидела, как по тёмному переулку шагают два человека. Один из них, опершись рукой о плечо другого, шёл прихрамывая.

Когда они подошли ближе, я их узнала. Это были Самад и Саттар. «Дети, папа приехал», – сказала я, а сама быстро вытерла слёзы.

Хадиджа и Масума, громко закричав, побежали на встречу Самаду и повисли у него на шее, а я, услышав крики детей и их возгласы: «Папа! Папа!», вновь расплакалась и тоже побежала вперёд.

Саттар сказал, что Самад получил ранение: в ногу попал осколок от снаряда. Несколько дней муж пролежал в больнице в Куме¹ и его выписали только сегодня.

Я вернулась в дом, положила Мехди в люльку и постелила постель Самаду, а потом мы вместе с Саттаром помогли мужу зайти в дом и лечь в кровать. Дети не оставляли его ни на минуту. Масума целовала ему руки и лицо, а Хадиджа гладила раненую ногу. Саттар передал мне лекарства и подробно объяснил, когда их надо принимать, а ещё деверь оставил мне несколько ампул, которые надо было колоть по одной в день. В тот вечер он даже остался у нас и сам ухаживал за Самадом, но утром следующего дня уехал.

На следующий день около полудня я занималась стиральней, когда вдруг Самад позвал меня. Было ясно, что ему плохо: «Гадам, у меня очень сильно болит лопатка, посмотри, что там», – попросил он.

Я подняла его рубашку, и у меня сердце сжалось от жалости. На спине виднелось чёрно-лиловое пятно размером с монету в пять туманов. Я подумала, что, возможно, это осколок той гранаты, которой он был ранен в прошлый раз во время ареста оминовцев, и сказала об этом.

¹ Кум – город в окрестностях Тегерана, один из двух главных религиозных и паломнических центров Ирана.

– Прокали английскую булавку и принеси мне, – велел муж.

– Что ты собираешься делать? Не трогай. Давай поедем к доктору.

– Из-за этого осколка ехать к врачу?! Я сам уже штук двадцать таких осколков вытащил. Всё будет хорошо. Принеси булавку.

– Там всё воспалилось.

– Гадам! Иди уже, ради Бога. Очень больно.

Я пошла, достала булавку и подержала её над огнём газовой горелки, пока она хорошо не прокалилась.

– А теперь воткни её ниже чёрного пятна так, чтобы коснуться осколка, – скомандовал Самад. – Когда нащупаешь, просунь булавку и вытащи его наружу.

Я поднесла булавку к спине мужа, но у меня не хватило духу.

– Бери булавку сам. Я не могу. Ты вытащи, – взмолилась я.

– Мне больно, а ты потерпеть не можешь?! – горестно закричал муж. – Гадам, милая! Давай быстрее, умираю от боли.

Я ещё раз поднесла булавку к сизому пятну на спине, но снова не смогла её воткнуть.

– Не могу. Духа не хватает. Самад, умоляю тебя, возьми сам и вытащи, как раньше те двадцать осколков.

Я пошла во двор, где играли дети, и, сев возле сада, отрешённо смотрела, как распускается молодая черешня, а спустя некоторое время вернулась в комнату и увидела, что Самад, стоя перед зеркалом в гостиной, держит одной рукой маленькое зеркальце, а другой втыкает булавку в рану на спине. По тому, как он нахмурился и закусил губу, было видно, что ему больно. Вдруг он вскрикнул.

– Кажется, вытащил. Гадам! Иди посмотри.

Из раны пошла кровь. Всё вокруг гноилось. Небольшой чёрный осколок выскочил наружу. Я взяла у мужа платок и подняла осколок.

– Вот он?

– Он самый. Проклятый!

У меня сердце разрывалось на части. Вскипятив воду, я хорошенько промыла края раны, но смотреть на неё мне казалось страшно. Я зажмурила глаза и только иногда приоткрывала один, чтобы лучше промыть края.

На месте, где был осколок размером с монету в пять туманов, образовалось углубление, и оттуда шла кровь. Я поняла, что надо что-то делать, поэтому взяла антисептик и продезинфицировала рану. Самад во время этой процедуры застонал от боли и вскочил с места.

Наконец дрожащими руками я перевязала рану. Посмотрев на меня, муж спросил:

– Почему ты такая бледная?

Я молча поправила ему рубашку.

– Посмотрите-ка на мою жену. Мне больно, а она чуть в обморок не падает.

Я помогла мужу лечь в постель, и он заснул, лёжа на правом боку.

Дочки пришли в комнату, начали шуметь, и тогда проснулся Мехди и заплакал. Видимо, он был голоден. Я посмотрела на Самада, но тот уже успел заснуть сном младенца, словно не спал целую вечность.

Из-за ранения Самад десять дней не выходил из дома. Потом понемногу смог ходить с тростью. Вечерами к нему заглядывали друзья, и они вместе отправлялись навестить семьи погибших солдат.

Время от времени Самад ходил в мечети и школы и выступал там с речью перед прихожанами и учащимися,

рассказывал им о положении дел на фронте и агитировал идти воевать, но начал он со своей родни. Уже несколько месяцев воевал его брат Саттар, причём всегда и везде был рядом с моим мужем. Саттар успел к тому времени жениться, но с войны так и не возвращался.

Прошло около двадцати дней с ранения Самада. Однажды утром я увидела, что он надел форму и взял свою сумку.

– Куда?! – воскликнула я.

– На фронт.

От удивления я открыла рот. В это невозможно было поверить, ведь врач выписал ему больничный как минимум на три месяца.

– В таком состоянии?! – ужаснулась я.

– А что такого?! – рассмеялся он. – Я же не какой-нибудь калека и прекрасно себя чувствую.

– Но ты ещё не поправился.

Прихрамывая, Самад пошёл к детям. Все трое ещё спали. Он нагнулся и поцеловал каждого в лоб, а потом встал, взял у стены трость и сказал:

– Гадам! Ничего не скажешь на прощанье?!

Я быстро подбежала к двери и заслонила её руками.

– Ты никуда не пойдёшь.

Он вплотную подошёл ко мне и спокойно спросил:

– Что ты творишь? Тебе не стыдно?

– Мне нечего стыдиться. Я не могу позволить тебе уйти.

– Зачем ты так?! – нахмурился он. – В тебя бес, что ли, вселился? Ты ведь такой не была.

Я расплакалась:

– До сегодняшнего дня я всё терпела ради тебя: все эти невзгоды и жизнь в городе без всякой помощи с тремя маленькими детьми. Я всё это терпела ради тебя, потому что ты так хотел, потому что тебе было так спокойнее.

Я молчала, когда ты уезжал и приезжал по прихоти, но сегодня я не позволю тебе уйти. Я всё время пренебрегала собой и детьми ради тебя, но на этот раз речь идёт о твоём здоровье. Я не позволю. Я не дам тебе пренебрегать самим собой и детьми. Моим детям нужен отец. Я не разрешаю поставить на карту твоё здоровье. Что мы будем делать, если у тебя начнётся воспаление?

– Ничего, – спокойно ответил Самад. – Что ещё делать? Отрежем ногу и выкинем куда подальше. Пусть считают жертвой за имама.

Его безразличие вывело меня из себя:

– Самад!

– Что?

– Иди и сядь на место. Как только доктор разрешит, я отпущу.

Самад опёрся о трость и ответил:

– Гадам! Все эти годы ты была хорошей женой. Я обязан тебе, ведь ты очень заботилась обо мне и детях. Спасибо. Только будь со мной до конца и не плати злом за добро. Послушай. Когда я в первый раз увидел Хомейни, я поклялся быть его солдатом до последней капли крови и с готовностью выполнять любые его приказы. Ты ведь помнишь это? Теперь имам объявил священную войну и сказал: «Воюйте и защищайте свою веру и Родину». Я выполняю его приказ, так не позорь меня.

– Пусть так, но ты должен выполнять приказ, когда поправишься.

– Гадам! Клянусь Богом, я чувствую себя хорошо. Ты не знаешь, как некоторые бойцы с ампутированной ногой и рукой возвращаются на фронт и ни на что не жалуются. Со мной-то всё в порядке.

– Ты совершенно не любишь свою семью.

Самад отвернулся и ничего не сказал. Он дохромал до угла гостиной, сел там и ответил:

– Ты права, ведь я не сделал для тебя того, что должен был, но, клянусь Богом, я всегда любил вас и продолжаю любить.

– Нет. Ты любишь фронт и имама больше, чем нас.

Мои слова сильно расстроили Самада:

– Гадам! Что с тобой сегодня? Почему ты издеваешься надо мной?!

– Потому что люблю тебя! – вдруг вырвалось у меня.

Эти слова я произнесла впервые... До этого лишь говорила «да» или кивала, когда муж спрашивал меня о моих чувствах.

Вдруг я увидела, что он опустил голову на колени и тихо плачет. Мне самой стало не по себе, поэтому я ушла на кухню, села там в угол и разрыдалась. Через какое-то время Самад, прихрамывая, подошёл и положил мне руку на плечо.

– Гадам, милая, я всю жизнь ждал услышать от тебя эти слова. Почему сейчас?! Лучше бы ты никогда этого не говорила. Ты заставила дрогнуть моё сердце и теперь отправляешь на гибель. Я тебя тоже люблю. Но что я могу поделать? Долг – это совсем другое.

Самад сделал паузу, как будто бы о чём-то задумался. Он стоял перед выбором, не зная, уезжать ему или нет. Вдруг он произнёс:

– Я оставил тебе в нише деньги на два или три месяца. Не грусти и береги детей. Смотри за Мехди. Он теперь мужчина в доме. Если ты действительно меня любишь, – продолжил он, – позволь мне выполнить обещание, которое я дал имаму. Помогите мне до последней минуты жизни быть верным данному слову. Если ты меня хоть немного любишь, дай мне слово, что поможешь.

Я дала ему слово и отошла от двери, после чего, прихрамывая, муж вышел за ворота.

Я послушалась его, но внутри меня будто что-то обрвалось. Вынести эту боль, казалось, невозможно.

У меня был маленький карманный Коран. Я взяла его, выбежала в переулок и положила эту книгу мужу в карман рубашки, а потом взяла его под руку, проводила до начала улицы и поймала такси. Когда он сел в машину, мне показалось, что улица и наш переулок разом обрушились мне на голову. Всю дорогу до дома я шла и тихо плакала.

Впервые после отъезда Самада моя жизнь никак не могла войти в привычное русло. Душа ни к чему не лежала и я постоянно себе говорила: «Гадам, ты же сама отпустила его и теперь должна ждать самого худшего». Я ходила из угла в угол и вспоминала о том, что ещё неделю назад Самад сидел здесь и в это время как раз мы вместе обедали, а потом о чём-то разговаривали. Меня ни на минуту не оставляли воспоминания о тех чудесных мгновениях, которые мы провели вместе.

Дом опустел, и моё сердце каждую секунду изнывало от тоски и тревоги. Именно в эти дни я поняла, что снова забеременела. Тогда мне показалась, что теперь будет ещё тяжелей. Что оставалось делать? Четверо детей, а мне всего лишь двадцать два. Как я могла в таком юном возрасте делать всё сама да ещё воспитывать четырёх детей? Боже мой, кому я могла рассказать, как мне тяжело? О, Господи! Лучше б это был просто страшный сон, и тогда я могла бы проснуться. Да, вот бы я сходила к доктору, сдала анализы и выяснила, что не беременна. Но тогда отчего эта тошнота, бессонница и усталость? Два или три месяца я томилась неопределённостью, толком не зная, беременна я всё-таки или нет, но когда у меня начал расти живот, поняла, что уже ничего не поделаешь.

В это самое время участились авианалёты на города. Когда начиналась бомбёжка, я моментально хватала

на руки Мехди, звала Масуму с Хадиджой и мы бежали прятаться под лестницей. Про себя я думала, что если продолжаю ходить беременной, несмотря на весь этот кошмар, значит, ребёнок действительно стоит того, чтобы выжить.

Однажды опять объявили «красный» уровень. Я схватила детей, и мы все вместе в очередной раз спрятались под лестницей. Помню, огонь артиллерии был настолько сильным, что мне казалось, будто самолёты летают прямо у нас над головой. Мехди испугался и заплакал. Увидев плачущего брата, Хадиджа и Масума тоже разревелись. Я не знала, как успокоить детей, и сама уже чуть не рыдала, поэтому разговаривала с детьми, рассказывала им сказки, надеясь их каким-то образом отвлечь, но ничего не помогало. В этот самый момент распахнулась дверь и вошёл Самад. Дети сначала испугались, а Мехди так и вовсе не признал отца, прижался ко мне и громко завизжал.

Самад взял на руки Хадиджу и Масуму, расцеловал их, но, что бы он ни делал, Мехди никак не хотел идти к нему. Грохот артиллерии не прекращался ни на минуту.

– Почему вы здесь сидите?! – закричал муж.

– Разве ты не видишь, что «красный» уровень?

Самад рассмеялся:

– Значит, вы здесь решили укрыться? А вы знаете, что здесь самое опасное место в доме? Идите во двор. Там безопаснее.

Самад взял Хадиджу и Масуму за руки и отвёл в комнату. Я подняла Мехди и пошла следом.

Через некоторое время объявили «белый» уровень. Самад принял душ, переоделся, попил чая и вышел из дома, а через два часа вернулся с другом и привёз с собой пару мешков цемента и некоторое количество углового железа.

В этот же день Самад вместе с другом вырыли для нас во дворе перед кухней небольшой окоп. Несколько дней, пока Самад был дома, он доделывал этот окоп.

Я приносила мужу чай, садилась рядом и наблюдала, как он работает.

– Гадам! Помнишь то прекрасное лето, когда мы вместе строили наш дом? – вдруг спросил Самад. – Вот бы вновь вернуть то время и жить счастливо до конца жизни.

– Ты, кажется, забыл, что в конце лета опять уехал от меня, – ответила я.

– Я помню, но то лето, проведённое вместе, было замечательным.

Глотнув чая, он продолжил:

– Когда закончится война, я куплю машину и мы объедем весь мир. Вместе будем ездить из одного города в другой.

– Со всеми нашими детьми? – рассмеялась я.

– Нет, только ты и я. Вдвоём.

– А куда детей денем?

– К тому времени дети вырастут. Мы оставим их дома или с твоей мамой.

Я опустила голову:

– Бедная Шина. Не думай об этом. Сейчас мы с тобой вдвоём не можем никуда поехать. К тому же ещё один ребёнок на подходе.

Самад поставил стакан на поднос.

– Что ты говоришь?!

Потом посмотрел на мой живот и спросил:

– Какой срок?!

– Три месяца.

– Ты уверена?!

– Мы с женой Саттара были у врача. Она тоже в положении. Врач сказал, что мы должны родить в один день.

Я понимала, что на этот раз муж не очень обрадовался, но тем не менее сказал:

– Я рад. Господь велик. Не вмешивайся в Его промысел. Наверняка на то была воля Божья.

Наконец окоп был готов. Получилось небольшое убежище – метр на полтора. Самад довольно сказал: «Клянись, даже если бомба на него упадёт, ничего не случится», – а через два или три дня вновь собрался уезжать, но, увидев моё состояние, обещал скоро вернуться.

На этот раз муж сдержал слово и приехал через двадцать дней. Он был ещё более заботливым, чем раньше, и куда бы ни шёл, брал с собой Мехди и говорил: «Я знаю, что он непоседливый ребёнок и доставляет тебе много хлопот».

Однажды по обыкновению Самад взял Мехди и пошёл с ним по делам, но не успели они уйти, как послышался детский плач. Я в испуге выбежала в переулок и увидела, что сын плачет на руках у Самада.

– Что случилось?! – крикнула я.

– Смотри, какой проказник. Открыл бардачок в машине и хочет поесть консервов.

– Он же ребёнок, дай ему.

Самад отдал мне Мехди со словами:

– Не хочу с ним ссориться. Сама успокой.

– Дай ему консервы, и он успокоится.

– Что ты такое говоришь!? Мне консервы дали на фронте как военный паёк. Сейчас я на побывке и не имею права их открывать.

Я поцеловала Мехди и постаралась его успокоить, а Самаду ответила:

– Это что за новости? Ты слишком строг. Всё не совсем так, как ты говоришь. Консервы выдали тебе, и нет разницы, где их открывать.

Самад вынул консервы из бардачка, чтобы ребёнок их не видел, переложил в багажник и сказал:

– Нельзя, и дело с концом.

Я была на последнем месяце беременности, а Самад снова уехал. Он обещал во время родов присутствовать рядом со мной, но о нём вновь не было никаких вестей.

Шёл декабрь, и выпало много снега, который следовало убрать. Я встала утром и очень тихо, чтобы не разбудить детей, обвязала живот большой шерстяной шалью, замотала голову очень тёплым платком, который подарил мне Самад, и надела пальто. Не желая, чтобы кто-то увидел меня за уборкой снега, на голову я нахлобучила шапку, издали придававшую мне сходство с женщиной, и вышла во двор. Снег оказался более тяжёлым, чем я ожидала, но его следовало убрать не только во дворе, но и наверху. Взяв в углу двора лестницу, я приставила её к краю плоской крыши, снизу укрепила двумя кирпичами, потом взяла в одну руку лопату, а другой ухватилась за лестницу и стала подниматься на крышу. Про себя я молилась, чтобы лестница не упала, иначе не знаю, что было бы со мной и детьми. Наконец мне удалось преодолеть все ступеньки. Никто ещё в такую рань не сбрасывал снег с крыш, и я обрадовалась, что соседи не увидят меня.

Тяжёлый снег было сбрасывать утомительно. Через некоторое время я поняла, что дело трудное, но снег следовало убрать во что бы то ни стало. Стряхивая снег с лопаты, я сгребала его на край крыши, а оттуда уже сбрасывала в переулок.

Дело спорилось, и пусть в скором времени у меня заболел живот, но я подумала, что почистила только половину крыши и надо довести дело до конца: если снег останется на крыше, то она начнёт протекать и тогда хлопот не оберёшься. С каждым взмахом лопатой крыша становилась всё чище. Иногда я останавливалась и согревала

ртом заледеневшие руки. Пар изо рта поднимался столбом. Всё тело согрелось от работы, но лицо и кончик носа пощипывало от мороза.

Я уже почти очистила всю крышу, как вдруг у меня резко стрельнуло в пояснице и внутри что-то как будто оборвалось. Не помню, как я бросила лопату на снег и спустилась по лестнице. Испугавшись до смерти, я думала, что у ребёнка оборвалась пуповина и сейчас со мной что-то случится. Дети ещё спали. Поясница болела со страшной силой. «О, святой Аббас! – прошептала я. – Помоги мне». Не раздеваясь, я забралась в кровать, натянула на себя одеяло и заснула.

В те мгновения я не знала, что мне делать: встать и поехать в больницу или пойти к соседям. Но кому можно было позвонить в дверь в такую рань? Боль в пояснице усиливалась и перешла уже в живот. Ах, если бы Хадиджа была постарше! Если бы Масума могла мне помочь! Ноги начали неметь: сначала пальцы, голени, колени, потом занемели руки и всё остальное. Сознание постепенно меркло. В последний момент я прошептала: «О, святой Аббас...» – и не помню, смогла ли сказать ещё что-нибудь.

Самад стоял надо мной с грязным от пыли лицом и спутанными волосами. Он поздоровался, но я даже не смогла ему ответить: не потому, что не хотела, а потому что у меня не было сил говорить.

– Ребёнок родился? – спросил муж.

Как я ни старалась, ничего не смогла ответить. Он сел со мной рядом.

– Опять я опоздал?! Что случилось? Почему ты не отвечаешь?! Ты больна?! Тебе нехорошо?!

Я его видела, но не могла сказать ни слова. Самад уставился на меня и несколько раз легонько хлопнул меня по щеке.

– О, святая Захра! Гадам, Гадам! Это я, Самад!

Я словно очнулась ото сна, несколько раз моргнула и воскликнула:

– Это ты, Самад?! Ты приехал?!

Самад недоуменно смотрел на меня, а потом взял за руку и закричал:

– Что случилось?! Что с тобой?! Почему ты такая холодная?!

– Я чистила крышу от снега. Не знаю, что со мной случилось. Кажется, я потеряла сознание. Который сейчас час?!

– Десять часов утра.

Я увидела, что дети ещё спят, и не могла поверить, что проспала с шести часов почти до полудня.

Самад ударил себя по лбу и воскликнул:

– Жена, что ты с собой делаешь?! Хочешь убиться насмерть?!

Я не могла пошевелиться и по-прежнему не чувствовала рук и ног.

– Ты что-нибудь ела?!

– Нет. Хлеб кончился.

– Я сейчас схожу и куплю.

– Нет, не надо. Посиди рядом со мной. Мне страшно. Я плохо себя чувствую. Сделай вот что: сходи к соседям, которые живут здесь рядом, и позови мою приятельницу Гольгяз. Думаю, надо съездить к врачу.

Самад совсем растерялся. Шагая по комнате, он говорил сам с собой, молился и всё время повторял:

– О, святая Захра! Помоги мне. О, святая Захра! Исцели мою жену. О, имам Хусейн! Помоги мне!

– Не бойся, – утешала я мужа. – Всё самое страшное со мной уже произошло. Ничего страшного больше не случится. Ещё не время рожать.

– Гадам! – закричал муж. – Господи, сжался надо мной. Прости грешного. Это всё моя вина. До чего я тебя довёл!

Мне снова стало плохо. Руки и ноги опять отнялись и я начала засыпать. Самад подошёл, взял меня за руку и толкнул.

– Гадам! Гадам! Гадам, милая! Открой глаза! Скажи что-нибудь! Я так с ума сойду. Что же ты натворила? Пусть лучше мне будет плохо, Гадам! Гадам! Гадам, милая!

Той же ночью родилась наша третья дочь. На следующий день меня выписали из больницы. Самад держал на руках Самию́ и был безумно счастлив, смеялся и говорил: «Эта похожа на меня. Настоящая красотка».

Мне приехали помогать мама, сёстры и невестки. У Шины недавно был инфаркт, и она не могла ходить. Она только сидела рядом со мной и то и дело целовала мне руки. Сёстры на кухне занимались стряпнёй. Глазами я всё время искала Самада, но его нигде не было. Тогда я позвала сестру:

– Принеси мне стакан чаю.

Когда она выполнила мою просьбу, я шепнула ей на ухо:

– Самада нет?!

Она рассмеялась и ответила:

– Нет. Ты ведь спала. Нам сообщили, что у жены Саттара тоже начались роды, и Самад повёз её в больницу.

Вечером Самад вернулся с коробкой сладостей:

– Господь подарил Сатгару дочь, такую, как наша Самия.

Самад также купил ещё килограмм гранатов, разрезал несколько штук, высыпал зёрна в миску, сел рядом и сказал:

– Слава Богу, на этот раз я сдержал слово. Конечно, наша дочка – молодец. Родись она завтра, получилось бы, что я опять нарушил обещание.

Он дал мне миску с зёрнами граната и сказал:

– Поешь. Тебе сейчас это полезно.

Но я не стала брать у него миску.

– Что с тобой?! – не отставал муж. – Обиделась?! Кушай. Я для тебя почистил.

Я взяла миску из его рук и спросила:

– Ты опять так быстро хочешь уехать?!

– Придётся. Мне позвонили. Надо ехать.

– Ты можешь не ехать?! Останься. Мне хочется, чтобы ты побыл со мной хотя бы месяц.

Самад рассмеялся и присвистнул:

– Ого! Целый месяц!

– Самад! Ради Бога, останься.

– Ты забыла о своём обещании. Что ты сказала в прошлый раз?!

– Нет, я не забыла. Поезжай. Я не против. Но на этот раз останься хотя бы на неделю.

Самад задумался. Просунув палец под швы в одеяле, он вытаскивал нитку.

– Ничего не получится, – наконец сказал он. – Я хотел бы остаться, но что будет с ребятами?! Их матери послали своих сыновей на войну в надежде на меня. Нехорошо, если я вот так их брошу и буду сидеть здесь без дела.

– Самад, дорогой! – умоляла я. – Тебе есть что здесь делать. Ты со мной и детьми. Останься.

Он опустил голову и снова принялся выдергивать нитку из одеяла. Телевизор был включён и по нему как

раз показывали военную хронику: разрушенные дома и оставшихся без крова женщин и детей. Самия проснулась и заплакала. Самад поднял ребёнка и передал мне, чтобы я его покормила, а сам смотрел, как дочка кушает, и вдруг из его глаз полились слёзы.

– Что случилось..? – спросила я.

Он отвернулся к стене и ответил:

– Это было в самом начале войны. Однажды я услышал детский плач. Мы вместе с ребятами обыскали всё вокруг, пока не нашли один разрушенный дом. В него попала бомба. Изнутри доносился плач ребёнка. Мы зашли в дом и увидели такую картину: лежит младенец, а рядом с ним – мёртвая мать, кормившая его грудью. Ребёнок был голоден и плакал из-за того, что молоко больше не шло из материнской груди.

Я оказалась шокирована, услышав этот рассказ.

– А теперь посмотри, как спокойно ты кормишь своего ребёнка. За это ты должна тысячу раз благодарить Господа.

– Я благодарю Господа за то, что ты со мной, – сказала я. – Ты наш единственный заступник.

Самад взял миску с зёрнами граната начал по горсточке давать мне.

– Гадам! Клянусь Богом, благодари святую Захру. Благодарю имама Хусейна. Тебе здесь гораздо тяжелее, чем мне на войне. Я знаю. Прости меня.

Я ещё не успела прожевать гранат, как из переулка послышался гудок автомобиля. Затем раздался звонок в дверь. Самад встал, оделся и сказал:

– Это приехали за мной. Я должен ехать.

Гранат застрял у меня в горле, и я долго не могла откашляться. Муж поцеловал меня в лоб и сказал на прощанье:

– Я скоро вернусь. Не волнуйся.

Рано утром я проснулась от тихого плача Самии. Дочка была голодна и надо было покормить её, но когда я поднялась и села на кровати, девочка опять заснула. Взглянув через окно на небо, я увидела, что ещё темно. Часы показывали половину шестого. Я встала, совершила омовение и снова услышала плач Самии, поэтому взяла её на руки и покормила. Рядом со мной спал Мехди, а чуть дальше лежали Хадиджа и Масума. Я умилилась – так спокойно и безмятежно они спали. Чудесные дети! За что им такая тяжёлая жизнь в воюющей стране?! Бедняжки были послушными и тихими. Они с утра до вечера сидели дома и играли. Иногда их развлечением было бегать по комнатам друг за другом. Потом все трое опять играли и смотрели телевизор. Так проходили дни и ночи. Как-то раз мне захотелось, чтобы скорее рассвело, тогда я взяла бы этих малюток, отвела на улицу и купила им чего-нибудь, чтобы их порадовать. Но куда мне было девать Самию? Ребёнка четырех дней отроду нельзя было выносить на улицу в такой холод.

Самия прижималась к груди и жадно пила молоко. Я погладила её по голове и прошептала:

– Бедняжка моя. Как же ты проголодалась.

Вдруг послышался какой-то шорох, как будто кто-то был за дверью. Я быстро оторвала Самию от груди и малышка начала плакать. Дрожа от страха, я прокралась к лестнице и спросила:

– Кто... кто там?!

Никто не ответил, и я подумала, что, быть может, это кошка. Самия тем временем горько плакала на весь дом.

Я пододвинула к двери стол, потом подошла и снова спросила:

– Кто там?!

Кто-то поворачивал ключ в замке. Это оказался Самад.

– Это я. Открой.

Я радостно отодвинула стол и распахнула дверь.

– Что ты опять там делала?! – смеясь, спросил муж. – Почему дверь не открывается?

Бросив взгляд на стол, он догадался:

– Ну и трусиха!

Муж протянул мне руку и сказал:

– Здравствуй. Ты в порядке?

Он приблизился ко мне, но в это время к двери прибежали Мехди, Хадиджа и Масума, которые уже успели проснуться от крика младшей сестры. Мы оба на шаг отошли друг от друга. Дети радостно повисли на шее у отца, а тот, целуя и обнимая детей, продолжал на меня смотреть.

– У тебя всё в порядке?! Уже лучше?! Хорошо себя чувствуешь?!

Я рассмеялась в ответ:

– Всё отлично! Ты как?!

Мехди сидел у него на руках, а Масума тянула за одежду.

– Быстро собирайтесь. Надо ехать. Машина уже пришла.

– Куда?! – удивлённо спросила я.

Самад поставил Мехди на пол, взял на руки Масуму и сказал:

– Хочу отвезти вас к себе. Вчера объявили, что офицеры могут привезти на время в гарнизон свои семьи. Я выехал той же ночью и вот приехал за вами.

Дети радостно побежали собираться. Я умыла их и одела, а Самад взял из угла комнаты телевизор и сказал:

– Этого будет достаточно. В гарнизоне всё есть. Возьми только одежду для детей.

– Дай хотя бы заправить постели и накормить детей завтраком.

– Позавтракаем в дороге. Только торопись. К вечеру мы должны быть в Сере-Поле-Зохаб¹.

Я помыла Самию и на скорую руку собрала одежду для себя и детей, потом одела Мехди и дала держать его за руку Хадидже и Масуме.

– Идите, садитесь в машину, – сказала я дочкам, а сама тем временем завернула Самию в одеяло.

На дворе был январь, и от холода пощипывало лицо. Я отдала Самию Самаду, закрыла дверь на ключ и пошла попрощаться с Гольгяз и ещё одной соседкой, попросив их присматривать за домом. Наконец стало можно отправляться в путь и из окна машины я увидела, что Гольгяз, отодвинув на окне занавеску, смотрит на нас и весело машет рукой.

Когда машина тронулась, дети стали шуметь и играть друг с другом. Бедняжки так радовались, ведь они долгое время никуда не выходили из дома. Самад вёл машину и иногда сажал на колени Мехди, давая ему подержаться за руль. Я сидела рядом с мужем и время от времени он сажал между мной и собой Масуму, прося её: «Прочитай папе стишок».

Порой Самад нагибался, клал голову на голову Хадиджи так, что волосы дочери закрывали ему лицо, и тогда он вскрикивал:

– Ай, надо же на дорогу смотреть!

Наконец мы добрались. Самад остановил машину, и мы пошли в придорожное кафе, где, несмотря на его неприглядный вид, нам предложили хороший завтрак. Не успела я позавтракать, как проснулась Самия. Я пошла с ней в машину, покормила, перепеленала и в тот момент увидела большие армейские грузовики, ехавшие по дороге. Это были грузовики с гражданской помощью фронту, на которых развевались флаги Ирана.

¹ Сере-Поле-Зохаб – иранский город недалеко от границы с Ираком.

Пришёл Самад с большим бутербродом с маслом и вареньем.

– Поешь, ты не завтракала, – сказал он мне.

Дети не оставляли отца ни на минуту, и он всё время читал стихи, рассказывал сказки и просто разговаривал с ними. Самия лежала у меня на руках и продолжала кушать. Я смотрела на дорогу. Передо мной пронеслись заснеженные горы, военные автомобили, кафе и деревья с облетевшими листьями, а самой дороге всё не было конца.

Я сама не заметила, как заснула, а проснулась от того, что наш автомобиль наехал на колдобину. Военные машины заполонили не только шоссе, но и двигались по грунтовыми обочинам. Несколько танков двигалось по бездорожью. Я повернула голову и посмотрела на заднее сиденье машины. Масума спала с открытым ртом, Мехди тоже заснул, положив голову на ноги сестры. Хадиджа держала на руках Самию. Самад, вцепившись обеими руками в руль, жал на газ и ехал вперёд.

– Ты дал ребёнка Хадидже, когда меня стало клонить в сон? – спросила я.

– Да. Похоже, ты сильно притомилась. Самия, наверное, прошлой ночью вообще не дала тебе спать. Я пожалел тебя и решил дать выспаться.

Наклонившись, я тихонько взяла у Хадиджи малютку и сказала:

– Лучше я её подержу. Ты устанешь, доченька.

Самад обернулся, посмотрел на меня и произнёс:

– Мамочка! Какая же ты добрая.

Я засмеялась и ответила:

– Что такое? Это ты обо мне или опять стихи читаешь?!

– Я серьёзно. За эти пару часов я понял, как трудно растить детей. Сколько же у тебя терпения! Очень устала, да? Одной Самии достаточно, чтобы уморить человека.

Это не говоря уже о многочисленных вопросах и болтовне Мехди и ссорах Хадиджи с Масумой.

Продолжая смотреть на дорогу, Самад положил руку на рычаг скоростей и переключил его, а потом продолжил:

– Осталось немного, скоро приедем. Ты бы ещё поспала. Знаю, ты сильно устанешь. Тебе нужен отдых. Сейчас удели немного времени себе. Поешь, вздремни – и усталость как рукой снимет. Честное слово, когда эта война закончится и если я останусь в живых, то знаю, что сделаю: не позволю тебе ни о чём беспокоиться.

Я повернулась и посмотрела на заднее сиденье. Хадиджа так и заснула, глядя на дорогу. Самия спала у меня на руках.

– Сейчас, когда дети спят, можно поговорить и о себе, – сказал муж. – Скажи честно, как ты себя чувствуешь? Ты в порядке?! Здорова?!

Глава 16

В Сере-Поле-Зохабе всё было совсем не так, как мне представлялось. Город больше всего напоминал разрушенную деревню, где все дома стояли в руинах. Не работал ни один магазин – все были с опущенными жалюзи, искорёженными или пробитыми от взрывов. Улицы были завалены землёй, асфальт разбит и поэтому, когда машина попадала в пробоину на дороге, мы сильно бились головами о потолок салона.

Наша машина проехала по тихим, безлюдным улицам. Вдоль дороги начали попадаться редкие магазинчики, где продавались фрукты, овощи, мясо и кое-какие хозяйственные товары.

– Здесь город призраков, – сказала я.

Самад мотнул головой:

– Это же район боевых действий.

Вскоре мы приехали в гарнизон Абузár. Перед воротами Самад вышел из машины и показал своё удостоверение дежурному, стоявшему у ворот КПП. Перекинувшись с ним несколькими фразами, муж вернулся и сел за руль, а дежурный заглянул в машину, посмотрел на меня и детей, после чего разрешил машине проехать. Чуть дальше стоял ещё один часовой. Самад опять остановился, но на этот раз не вышел из машины: через окно показал своё удостоверение и поехал дальше.

Вокруг было очень шумно. Мы с детьми во все глаза смотрели на танки и солдат КСИР, казавшихся нам на одно лицо.

– Ты боишься?! – крикнул мне Самад.

Я пожала плечами и ответила:

– Нет.

– Это место напоминает мне Каеш. Когда я здесь, у меня такое чувство, будто я нахожусь в одной из наших деревень.

Самад остановился перед каким-то зданием в несколько этажей, вышел из машины, взял Мехди на руки и произнёс:

– Приехали.

Мы поднялись по лестнице. На стенах и самой лестнице виднелись разные надписи.

– Это ребята оставляют на память, – пояснил муж.

В коридоре первого этажа находилось множество соседствовавших друг с другом комнат с одинаковыми железными дверями. На втором этаже Самад повернул налево, и мы последовали за ним. Он остановился перед одной из дверей и сказал:

– Это наша комната.

Внутри на полу были постелены тёмно-серые половики. Самад поставил Мехди на один из них, ушёл и скоро вернулся с телевизором в руках.

В углу комнаты в куче лежало несколько армейских одеял и подушек. Затем я обратила внимание на большое окно, выходящее во двор гарнизона. Самад взял одно одеяло и сказал:

– Пока мы завесим окно этим одеялом, а потом, милая, ты сделаешь какую-нибудь занавеску на свой вкус.

Дети с удивлением рассматривали комнату. Я положила сумки с одеждой посредине и последовала за Самадом, который взял старших детей и показал им туалет, ванную и кухню, а затем снова ушёл. Когда муж вернулся, лица детей были уже умыты. В руках у него был графин с водой и стакан. Он поставил их посреди комнаты и сказал:

– Я пойду за ужином.

Первое время Самад приходил обедать с нами. Через несколько дней прибыли другие офицеры со своими семьями и каждая разместилась в одной из комнат. Рядом с нами жил один офицер с женой, которая была на втором месяце беременности. По утрам мы просыпались от её приступов токсикоза. Муж не приходил с ней обедать, поэтому однажды Самад сказал:

– С сегодняшнего дня я тоже не приду обедать, а ты сходи к той женщине, чтобы пообедать вместе и чтобы бедная не чувствовала себя одинокой.

Жизнь в гарнизоне Абузар при всех её неудобствах пришлась мне по вкусу, хотя не проходило и дня, чтобы издалека или поблизости не доносились взрывы и самолёты не бомбили окрестности. Когда в Хамадане объявляли «красный» уровень опасности, мы в страхе бежали в укрытие, поэтому здесь эти звуки казались нам привычными.

Однажды я проснулась посреди ночи от выстрелов гарнизонной артиллерии. Грохот был такой страшной силы, что разбудил Самию и она заплакала. От её плача проснулись Хадиджа, Масума и Мехди. На ночь мы отодвигали с окна шерстяное одеяло, поэтому увидели, как в небе на близком расстоянии от нас пролетел самолёт. У меня началась паника. Схватив Самию и забившись с ней в угол, я крикнула мужу:

– Самад! Хватай детей. Скорей сюда! Самолёт! Сейчас будет бомбить.

Самад подошёл к окну и рассмеялся:

– Где самолёт?! Ты что шумишь? Всё в порядке.

Самолёт всё ещё был в небе. Можно было отчётливо слышать даже гул его двигателя. Муж продолжал шутить и посмеиваться надо мной, а я недоумевала из-за его шуток и вся тряслась от страха.

Всё выяснилось на следующий день, когда Самад вернулся в хорошем настроении.

– Помнишь самолёт прошлой ночью?! Ребята его подбили, а лётчика взяли в плен.

– Ты же говорил, что нет никакого самолёта и что я ошибаюсь.

– Вчера ты очень испугалась. Я не хотел, чтобы ещё и дети боялись.

Постепенно у нас появилось много соседей. Казённые жилые дома находились в той части гарнизона, которая дальше всех располагалась от зоны боевых действий, и это, наряду с присутствием других офицерских семей, меня успокоило. Среди наших соседей были жёны офицеров Хамадани, Башири, Самавати – все из нашего города.

В гарнизоне у нас началась новая жизнь, которая после всех пережитых трудностей казалась нам хорошей. После утреннего намаза мы ложились вздремнуть и просыпались часов в девять или десять. Потом съедали завтрак, который нам доставляли мужья, занимались детьми, а потом отпускали детвору поиграть в коридор или на первый этаж. Помыв посуду после завтрака, все женщины собирались в одной из комнат и начинали делиться воспоминаниями или рассказывать что-то интересное.

Обед привозил на машине рядовой. Услышав его сигнал, мы давали детям кастрюли и они приносили нам обед, причём у каждого была своя особенная кастрюля, соразмерная количеству членов семьи – на двух, четырёх человек или больше, но мужья уже не приходили обедать вместе с нами.

Однажды мы настолько увлеклись беседой, что не услышали сигнала машины с обедом, а рядовой, решив, что нас нет дома, уехал и думать о нас забыл. В тот день мы так и не дождалась обеда. Пришлось голодать до вечера, пока не привезли ужин.

Как-то раз я проснулась от шагов солдат, марширующих, как на параде. Отодвинув угол шерстяного одеяла, я увидела, что солдаты действительно проходят стройными рядами по площади. Когда я получше пригляделась, то узнала среди них нашего односельчанина. Это был Сейед. Бывает приятно встретить в чужих краях кого-то из знакомых, поэтому я так и смотрела на своего земляка, пока строевая подготовка не закончилась и площадь не опустела. Вечером я рассказала об этом Самаду, но оказалось, что мужу такая новость пришлась не по вкусу. «Вот так дела, – сердито сказал он. – Теперь ты стоишь у окна и разглядываешь посторонних мужчин?!» После того случая я перестала стоять у окна.

Мы были в гарнизоне уже две недели, когда однажды Самад сообщил мне:

– Сегодня поедем на прогулку.

Дети обрадовались и быстро оделись, а Самад взял чайник, стаканы, чай, сахар и сказал мне:

– Принеси скатерть, хлеб, ложки и тарелки.

– Куда мы теперь поедем?! – воскликнула я.

– На передовую.

– А это не опасно?!

– Опасно, но я хочу, чтобы дети понимали, где сражается их отец. Мехди должен знать, как и где я могу погибнуть.

Обычно, когда Самад говорил о смерти, мне становилось не по себе и я злилась на мужа, однако на этот раз он был рядом со мной, мы не собирались разлучаться, и поэтому я промолчала, одела Самию, собрала вещи, и мы отправились в путь, сев на ту же машину, на которой приехали в Сера-Поле-Зохаб из Хамадана и которая всё это время стояла перед домом. Как только мы выехали из гарнизона, Самад остановил машину, дал мне шинель и сказал:

– Надень это, а чадру сними. Если иракцы увидят, что в районе находится женщина, они обстреляют это место.

Когда дети увидели меня в таком виде, то стали смеяться и говорить:

– Мама стала папой!

Самад заставил детей лечь в машине на пол, накрыл их одеялом и сказал:

– Лежите тихо. Если будете шуметь, то вас увидят и не пропустят на передовую.

Чем дальше мы ехали, тем чаще встречались танки. С любопытством мы рассматривали военные машины и выкопанные рядом друг с другом окопы. Самад часто останавливал автомобиль, шёл к окопам, разговаривал с солдатами, а потом возвращался обратно. Вдалеке и поблизости были слышны взрывы. Как-то раз мы остановились, и Самад подвёл нас к наблюдательному прибору, показав через него укреплённые высоты и брустверы.

– Это передний край противника, – сказал муж. – Те танки, что вы видите, – иракские и окопы тоже их.

Было около полудня, когда мы свернули на другую, второстепенную, дорогу. Самад припарковал машину возле какой-то насыпи, и мы вышли, а он сам собрал хворост для костра, достал из машины чайник и налил в него воды из небольшой канистры, закрепленной сзади нашего авто. Затем муж развёл костёр и бросил в чайник несколько банок рыбных консервов. Мы с детьми уселись вокруг костра, а Самад взял Мехди и пошёл с ним в ближайшие окопы. Молодые бойцы, увидев нас, вероятно, вспомнили своих матерей, сестёр и братьев, поэтому тепло нас приняли. Они брали на руки Самию, целовали Мехди и расспрашивали, как обстоят дела в тылу. Когда настало время обеда, мы постелили одеяло, накрыли его сверху нашей маленькой скатертью и уселись в круг. Когда было покончено с «супом», сваренным в чайнике, Самад от-

крыл другие банки с консервами, выложил содержимое в тарелки и поставил каждому его порцию.

Дети были голодны и поэтому с большим аппетитом съели всё, а после обеда Самад повёз нас посмотреть бывшие иракские окопы, которые отбили иранцы. Муж так описывал детям позиции, линии фронта, траншеи и так подробно рассказывал об операции, как будто они были взрослыми или инспекторами, которые приехали сюда с проверкой.

Так прошёл остаток дня, а после захода солнца, когда кругом стало совершенно темно, у меня возникло плохое предчувствие.

– Самад! Давай вернёмся, – попросила я.

– Ты боишься?!

– Нет, но мне как-то не по себе. Я как-то вдруг соскучилась по отцу.

В темноте стоял паренёк лет четырнадцати или пятнадцати и смотрел на меня. Мне стало его очень жалко, и я сказала:

– Наверное, его несчастная мать сильно за него волнуется. Что делают здесь эти дети?!

– Воют, – строгим тоном ответил мне муж, а потом взял из машины свой фотоаппарат и спросил: – Можно я тебя сейчас сфотографирую?

У меня не было настроения, и я ответила:

– Да оставь ты это.

Однако муж не придавал значения моим словам и всё-таки сделал несколько снимков, сфотографировав меня и детей, а потом спросил:

– Почему ты так нервничаешь?!

– Мне жаль этих детей и юношей – всех этих бойцов.

– Война – дело трудное. Наш долг – защищать. У вас, женщин, другой долг – хорошее и правильное воспитание молодого поколения. Если бы вы, женщины, не были до-

стойными матерями, храбрые юноши не получили бы такого хорошего воспитания.

– Я ненавижу войну. Мне бы хотелось, чтобы все жили мирно и счастливо.

– Дай Бог, чтобы Имам времени¹ пришёл в мир как можно скорее и эта мечта сбылась.

С наступлением сумерков минометный и артиллерийский огонь усилился. Мы сели в машину, чтобы ехать назад, а Самад, уже готовясь завести мотор, повернулся, посмотрел на окопы и сказал:

– Это мои ребята. Все мои мысли о них и я сильно за них беспокоюсь. Мне хотелось бы сделать для них всё, что в моих силах.

На обратном пути, когда мы ехали в полной темноте с выключенными фарами², я всё думала о том солдате и говорила себе: «Как сейчас в этой темноте и при таком холоде этот бедняга всю ночь стоит в карауле?»

На следующий день, когда Самад встал для молитвы, я тоже проснулась. У меня всегда была привычка немного полежать в постели, чтобы полностью проснуться, и обычно я лежала в постели слишком долго, поэтому Самад успевал помолиться и уже уйти, однако в тот день я быстро поднялась с кровати, сделала омовение и прочитала намаз вместе с мужем.

После молитвы Самад, как обычно, надел форму и уже собрался уходить, и тогда я сказала:

– Как было бы хорошо, если б ты, как и прежде, приходил на обед.

Самад рассмеялся и посмотрел на меня так, что и я не сдержала смеха, а затем спросил:

¹ Имам времени – в представлениях шиитов, это последний, двенадцатый, имам Мехди, своего рода мессия, второе пришествие которого должно ознаменовать собой конец света.

² Мера предосторожности в зоне ведения боевых действий, чтобы не стать мишенью для выстрела.

– Неужели ты опять соскучилась по отцу?..

– Конечно, соскучилась, но если ты будешь приходить на обед, я стану меньше скучать.

Самад открыл дверь, подмигнул и ответил:

– Гадам! Ты опять капризничаешь?

Я сняла чадру и завернула её в молитвенный коврик, а затем, проводив мужа, встала и пошла на кухню. Там уже собрались другие женщины. Я приготовила завтрак, разбудила детей, и мы все покушали, после чего старшие дети отправились играть на первый этаж вместе с детьми наших соседей.

На первом этаже находилась большая комната, где было сложено много одеял, присланных как помощь фронту. Одеяла хранились в этой комнате, как на складе, и в случае необходимости их отправляли в разные части. Все они, сложенные, лежали в огромных стопках, а кое-где эти стопки доходили до потолка. Дети забирались на них и радостно катились вниз. Таким было их единственное развлечение.

Тем временем я покормила Самию, уложила её спать, а сама собрала в таз грязное бельё, чтобы постирать его в ванной, как вдруг в здании раздался страшный грохот. Все жильцы в испуге выбежали из своих комнат, а дети визжали от страха. Я поставила таз на пол и подбежала к окну. Часть гарнизона заволокло облаком пыли. Женщины кричали и бегали из стороны в сторону. Я не знала, что мне делать. Гарнизон бомбили впервые. Я хотела побежать за детьми, но тут раздался ещё один взрыв – и меня словно кто-то сильно толкнул, так что я отлетела в дальний угол комнаты. Голова закружилась, но я не переставала думать о детях, поэтому, несмотря на то что еле стояла на ногах, схватила Самию и быстро побежала на первый этаж. Дочка была напугана, она плакала и никак не успокаивалась, а мои старшие дети продолжали играть

в комнате с одеялами. Они были так увлечены, что не услышали взрывов. Другие женщины, тоже напуганные, сбежали вниз. Мы начали звать наших детей, но в этот момент здание потряс ещё один взрыв. Тогда дети всё поняли и со страха помчались к своим матерям. Одна из женщин пробежалась по комнатам и позвала всех жильцов в зал на первом этаже. Взрослых собралось человек десять или пятнадцать, а детей – семь или восемь. В зале было пыльно и сильно пахло порохом. Дети плакали, а мы переживали за своих мужей. Одна женщина сказала:

– Мы рядом с передовой. Если гарнизон захватят, то нас всех возьмут в плен.

Услышав эти слова, я испытала незнакомый доселе страх. Мысль о том, что нас с детьми могут взять в плен, сильно меня напугала. Когда всё немного успокоилось, мы снова поднялись на верхний этаж и, прильнув к окнам, пытались рассмотреть, откуда идёт дым, чтобы понять, какая часть гарнизона попала под бомбёжку. Вдруг одна из женщин крикнула:

– Смотрите туда! О святой имам!

Несколько самолётов летели на низкой высоте. Мы даже видели, как они сбрасывают бомбы. Единственное, что мы успели сделать в ту минуту, это лечь на пол, положили руки на голову, открыли рты и стали кричать детям:

– Закройте голову руками и держите открытым рот!

Хадиджа, Масума и Мехди прижались ко мне и не издавали ни звука, но Самия продолжала плакать. В этот момент весь пол задрожал от целой череды оглушающих взрывов. Про себя я тогда подумала, что это конец и сейчас мы все погибнем. Пролежав так с четверть часа, мы стали осторожно оглядываться вокруг. Вся комната была в дыму. Стёкла на окнах потрескались, но благодаря наклеенному на них скотчу осколки не разлетелись и не поранили нас, стекло так и осталось в оконных рамах. Слава

Богу, все были живы. Снаружи доносились странные звуки. Одна из женщин сказала:

– Давайте пойдём на улицу. Здесь опасно.

Мы встали и вышли из здания. На улице оказалось столько дыма и пыли, что едва можно было что-то увидеть на расстоянии нескольких шагов. Мы не знали, куда идти, когда другая женщина сказала:

– Несколько дней назад, когда разбомбили окрестности гарнизона, муж был дома и сказал, что, если случится беда, нам нельзя оставаться в помещении и надо бежать в ущелья.

За жилыми домами была натянута колючая проволока, огораживающая гарнизон. В некоторых местах в этом заборе виднелись дыры и каждый раз, когда мы с Самадом или некоторыми другими женщинами выходили прогуляться, то пробирались именно там, однако сейчас вместе с детьми, да ещё в этой спешке и суматохе, пролезать сквозь забор с колючей проволокой и завалы было трудно. Дети отказывались идти, упирались и плакали. Только через полчаса после последней бомбёжки нам удалось отойти от гарнизона на порядочное расстояние и выйти к пересохшей реке, через которую был переброшен старый мост. Постояв немного на мосту и посмотрев оттуда на гарнизон и жилые дома, мы вдруг увидели в небе несколько самолётов. Они летели так низко, что мы могли разглядеть пилотов невооружённым глазом. Наверняка и пилоты нас заметили. Не помня себя от страха, мы сбежали с моста и спрятались под ним. Совсем скоро опять раздался взрывы. Одна из женщин настолько испугалась, что сказала:

– Если пилоты нас увидят, то тут же приземлятся и возьмут нас в плен.

Мы несколько раз объясняли ей, что в таком месте самолёт не сможет приземлиться, но она не верила нам

и продолжала твердить своё, пугая остальных. Больше всего мы волновались за беременную женщину, поэтому старались отвлечь её, вспоминая разные случаи из жизни, чтобы ей не было так страшно, но самолёты преследовали нас по пятам. Примерно каждые полчаса прилетало по семь или восемь, и они продолжали бомбить гарнизон.

Меж тем наступил полдень, хотелось есть и пить, а ведь у нас не имелось с собой ни воды, ни провизии. Дети были голодны и капризничали. К тому же мы волновались за своих мужей и беспокоились о том, что если они пойдут нас искать, то не будут знать, где мы.

Одна из женщин, которая знала наизусть много молитв, начала читать молитву о спасении. Мы повторяли следом. Дети не переставали плакать, и мы находились в полном смятении. Увидев это, какая-то женщина поднялась и сказала:

– Так дело не пойдёт. Дети и мы сами голодные. Я пойду и принесу что-нибудь поесть.

Две или три другие женщины тоже встали и поддерживали её:

– Мы тоже пойдём с тобой.

Я и остальные знали, что такая вылазка очень опасна и сначала пытались их удержать, но когда поняли, что это единственный выход, согласились и попросили только быстрее возвращаться.

После ухода женщин нас охватило странное беспокойство, и оказалось, что мы волновались не напрасно, потому что спустя некоторое время опять появились самолёты. У всех сердце замерло от страха. На этот раз самолёты снова разбомбили гарнизон. Каждая минута представлялась нам вечностью, но вдруг мы увидели издалека, что женщины возвращаются и при этом бегут зигзагами. Наконец они добрались до нас, принеся с собой много продуктов, воды, хлеба и фруктов. Изголодавшиеся дети поели и в скором времени уснули у нас на коленях.

С приближением вечера наше беспокойство ещё усилилось. Мы не знали, чем же всё это закончится, так что совершили омовение водой, которую принесли женщины, и помолились о благополучном исходе. Время текло очень медленно, а бомбардировка гарнизона продолжалась.

Уже стемнело, и наше волнение возросло до предела. Мы не знали, что предпринять: вернуться домой или остаться здесь. Выбора не было, поэтому мы решили вернуться. В эти минуты нас утешал только мягкий и грустный голос женщины, так хорошо читавшей молитвы, которая уже заканчивала читать особый аят из Корана с просьбой о спасении.

Когда мы подошли к жилым домам, то увидели нескольких очень встревоженных мужчин, метавшихся из стороны в сторону. Увидев нас, они побежали навстречу. Одним из них оказался Самад. Он выглядел усталым и был весь в пыли.

Забыв обо всём остальном, мы сразу же стали спрашивать, что стало с гарнизоном. Выяснилось, что гарнизон практически сравняли с землёй, многих убило и ранило.

У входа стояло несколько машин. Самад дал знак, чтобы мы садились.

– Куда?! – воскликнула я.

– В Хамадан.

Он помог детям сесть в машину.

– Наши вещи! Подожди немного. Я принесу детскую одежду.

Самад сел за руль и сказал:

– Времени совсем нет. Положение чрезвычайное. Быстро. Мне надо отвезти вас и скорей вернуться.

Уже садясь в машину, я попросила:

– Позволь хоть взять одежду Самии. Моя чадра...

Было ясно, что он на грани и очень зол:

– Садись в машину. Сказал же, что очень опасно. Гарнизон могут опять начать бомбить.

Закрыв дверь машины, я спросила:

– Почему вы нас не искали? Где вы были с самого утра?!

Быстро переключая скорости и выжимая педаль газа, Самад ответил:

– Если бы ты только знала, что у нас случилось. После второго захода самолётов я понял, что иракцы хотят разрушить гарнизон до основания, поэтому решил вывести свой батальон. Я по одному провёл ребят через колючую проволоку и отправил в ближайшее ущелье. Слава Богу, ни у кого и волос с головы не упал. Все мои триста человек живы и здоровы, хотя в других батальонах есть убитые и раненые. Жаль, что мне не удалось спасти и остальных.

Наступила ночь, а мы продолжали ехать по тёмному и безлюдному шоссе. Неожиданно я вспомнила о том мальчике, которого видела прошлой ночью на передовой. У меня сжалось сердце и я спросила:

– Самад, а где сейчас твои ребята? У них есть еда? Где они будут спать?

Продолжая смотреть на дорогу, он мотнул головой и ответил:

– Они всё ещё в ущелье. Место безопасное, но есть нечего. Им придётся потерпеть до утра.

Мне стало их жалко.

– Жаль, что ты не смог с ними остаться.

Самад повернулся ко мне и удивлённо спросил:

– А вас кто бы отвёз?!

– Неужели нельзя было послать другого офицера?! Мы могли бы поехать с другими семьями.

В темноте я заметила, что у Самада на глаза навернулись слёзы:

– Нельзя, нет. Машины маленькие. Мест не хватит. Все, кто смог, взяли с собой чужие семьи. Иначе я бы остался. Но ничего не поделаешь. Пришлось самому вас везти.

У меня ком подступил к горлу, и я закричала:

– А как же раненые и убитые?!

Самад ничего не ответил.

– Как плохо, что я не умею водить машину, – вырвалось у меня.

Самад снова переключил передачу и дал газу.

– С Божьей помощью доберёмся. Надеюсь, утром уже вернусь.

В темноте у меня двоилось в глазах. Из головы не выходил тот мальчик на передовой. Я думала: «Где же он сейчас?! Что делает? Как эти триста голодных солдат проведут ночь в ущелье? А как другие батальоны?! Раненые, погибшие!»

Утром следующего дня, едва мы добрались до Хамадана, Самад тотчас же вернулся в гарнизон Абузар и до новогодних праздников уже не приезжал.

Был конец июня 1985 года. Уже несколько недель мне нездоровилось. Кружилась голова, и всё время клонило ко сну. Наконец мне пришлось в голову обратиться к врачу. Я оставила детей с соседкой, госпожой Дараби́, и пошла в поликлинику, где врач, осмотрев меня, дала направление и сказала: «Лучше сначала сдать анализы в лаборатории».

Я сделала это в тот же день, а через несколько дней отнесла результат в поликлинику, где всё та же врач взглянула на листок и воскликнула:

– Вы же беременны!

У меня сразу голова пошла кругом, и я схватилась за край стола, чтобы не упасть. Ноги и руки онемели, и я проронила лишь:

– О Господи!

Взяв меня за руку, врач помогла мне сесть и ласково спросила:

– Дорогая, что случилось?! Сколько у вас уже детей?

Я тревожно ответила:

– Четвёртому всего шесть месяцев.

Врач крепче сжала мою руку и сказала:

– Вы не должны были забеременеть так скоро, но всё же это случилось. Вместо того, чтобы переживать, лучше подумайте о себе и ребёнке. С этого дня приходите ко мне каждый месяц, чтобы мы вас наблюдали.

– Доктор! В анализе нет ошибки?! Может, я не беременна вовсе?

Врач засмеялась и ответила:

– К счастью или несчастью, но я должна сказать, что в этой лаборатории никогда не ошибаются.

Я не знала, что мне делать, куда пойти и с кем поделиться своей печалью. Разве я смогу со своими маленькими детьми выносить ещё одного ребёнка? Господи, как мне ещё раз пережить роды? Боже мой, какие впереди ждут новые тяготы? У меня больше нет сил стирать пелёнки, хлопотать по дому и растить детей.

Врач выписала мне несколько лекарств и снова почувствовала. Она что-то говорила, но я мыслями была где-то далеко и всё так же задумчиво вышла из поликлиники, а во дворе села в укромном месте под деревом вдали от людских глаз, укрыла лицо чадрой и горько заплакала. Как жаль, что сейчас со мной не было ни сестры, ни матери. Как плохо, что не было рядом и Самада. «О, Господи! – думала я. – За что же такое?! Ты видишь, как я живу. Знаешь, что в этом городе я одна и всем чужая. Разве я смогу без помощи управиться со всем этим и растить ещё одного ребёнка? Господи, подскажи хотя бы, что мне делать?»

Я так думала про себя и плакала, а успокоившись, пошла домой. Дети по-прежнему были в доме у госпожи Да-

раби. Она заметила, что я чем-то огорчена, и спросила, в чём дело. Сначала мне хотелось скрыть новость, но потом всё-таки появилось желание рассказать.

– Гадам, надо быть благодарной, – начала утешать меня соседка. – Молись, чтобы Господь даровал тебе здорового ребёнка.

Конечно, она говорила правильно, но мои мысли были другими. С камнем на сердце я забрала детей и пришла домой, а там сразу же открыла комод с одеждой, достала платье, которое носила все четыре беременности, и от злости разорвала его в клочья. Рыдая, я думала про себя: «Пока существует это платье, я всё время хожу беременной. Вот порву его – и избавлюсь от этих мучений». Не понимая, что я делаю, дети смотрели на меня широко раскрытыми глазами, а я выбросила рваное платье в помойное ведро и яростно захлопнула крышку.

Меж тем соседка, не оставаясь ко мне безучастной, принесла на кухню целую кастрюлю своей стряпни. Я была так расстроена, что даже не слышала звонка в дверь, поэтому в дом её пустили дети, а она, увидев меня в таком состоянии, села и принялась говорить со мной. Госпожа Дараби рассказала мне о разных своих родственниках, друзьях и знакомых, у которых было по семь или восемь детей, о некоторых семьях, которые не могли родить и одного ребёнка, а также о тех родителях, у которых появились на свет больные дети, и всё потому, что они сами были очень неблагодарными. Слова соседки успокоили меня, а она тем временем расстелила скатерть, разложила кушанье по тарелкам и начала упрашивать, чтобы я поела. «Грех это, – сказала госпожа Дараби. – Не расстраивай детей. Их отца и так рядом нет. Не будь ты такой хмурой».

Прошло несколько недель и я наконец смирилась, привыкнув к своему состоянию.

Через месяц приехал Самад. В этот раз он хотел остаться в Хамадане на две недели, но в итоге решил остаться подольше. Против обыкновения на этот раз он сам догадался о моей беременности и, увидев моё огорчение, сказал: «Из-за этого не стоит волноваться. Этому надо только радоваться. К счастью, Господь не послал какую-то неизлечимую болезнь, а даровал свою милость. Мы должны быть благодарны за это. Давайте скорей собирайтесь. Отпразднуем это.

Самад сам одел детей и даже собрал Самию, а потом сказал мне:

– И ты одевайся. Мы хотим поехать на рынок.

В это трудно было поверить. Самад, который никогда не брал детей за руку, чтобы пойти с ними даже до начала переулка, теперь вдруг сам настаивал, чтобы мы вместе поехали так далеко: на рынок. Пусть мне самой эта затея не очень понравилась, дети пришли в восторг от предложения, поэтому мне тоже пришлось согласиться, и мы поехали на местный рынок Мозаффарие́. Муж купил там детям на их вкус игрушки и одежду. Сколько я ни говорила, что какая-то вещь не подходит или не прослужит долго, он отвечал мне:

– Не твоё дело. Пусть дети радуются. Мы хотим устроить праздник.

Под конец мы пошли в магазин, где Самад купил мне чадру, платок и свободное платье с мелкими розовыми цветочками на жёлто-белом фоне:

– Это твоё последнее платье для беременности, которое мы покупаем, – заявил муж. – Больше не будет.

Я прикусила губу, давая ему понять, чтобы он говорил тише: несмотря на то что магазином заведовала женщина, которая в этот момент как раз пошла за юбкой и блузкой и не могла слышать наш разговор, мне было очень неловко.

Когда мы вернулись домой, был уже полдень, поэтому Самад пошёл на улицу и купил готовый обед. Дети то и дело приходили к нам, радостно показывали свои обновки и играли в новые игрушки, а после обеда уже настолько устали, что заснули прямо с игрушками в руках, даже не сняв новой одежды.

Когда утром Самад уехал в штаб КСИР, у меня было прекрасное настроение. Про себя я думала, какая же я счастливая и как чудесна жизнь. От прежнего беспокойства не осталось и следа. Наконец после одного или двух месяцев полной апатии я вымела весь дом, наварила мясного бульона, помыла детей, сделала влажную уборку во дворе, протёрла всё на кухне и вычистила шкафы. Дом засиял от чистоты. К обеду пришёл Самад, улыбаясь уже с порога. Дети подбежали гурьбой, повисли на шее, а муж, зайдя в гостиную, сел, обнял и расцеловал детей, а затем воскликнул:

– Надо же, Гадам! Как приятно пахнет!

– Это мясной бульон с лимоном. Твой любимый, – смеясь, ответила я, выглядывая из двери кухни.

– Ты делаешь всё в точности, как велел имам Реза¹.

Я удивленно посмотрела на него и спросила:

– Неужели ты хочешь поехать в Мешхед?!

Продолжая ласкать детей, он спросил их:

– А вы хотите поехать в Мешхед?

Я зашла в гостиную:

– Ради Бога, не томи, скажи правду.

Взяв на руки Самию, Самад поднялся и сказал:

– Сегодня я случайно услышал от одного своего товарища, что для женщин организуют поездку Мешхед. Я пошёл и выяснил все детали. Это хорошая возможность. Я внёс тебя в список.

¹ Имам Реза́ (766–818) – восьмой шиитский имам, единственный, похороненный на территории Ирана. Мавзолеем с гробницей расположен в городе Мешхеде, на северо-востоке страны.

– А как же ты?! – воскликнула я.

Самад поцеловал Самию в голову и ответил:

– Нет, мамочка. Поездка только для женщин, а папы должны остаться дома.

– Я не поеду. Или мы вместе едем, или вообще брось эту затею. Как я поеду с этими детьми?

Самад положил Самию на пол.

– Сначала принеси мясной бульон, а то я проголодался. Я уже внёс твоё имя, поэтому ты должна поехать. Это полезно для твоего душевного состояния. За Хадиджой и Масумой я присмотрю, а ты возьми с собой Мехди и Самию. Шину я тоже записал.

– Шина не сможет поехать. Ты сам знаешь, что после инфаркта ей сложно куда-то ездить. Она и до Хамадана с трудом добирается. Чего уж говорить о такой дороге! Нет, Шина не поедет.

– Тогда пусть с тобой поедет моя мать. Так ты хотя бы не будешь одна.

– Может, всё-таки ты с нами поедешь?

– В паломничество едут люди достойные, а не такие, как я. Ты счастливая. Помолись о нас у гробницы имама Резы. Попроси его, чтобы твой муж стал человеком.

Мне захотелось возразить по поводу слов мужа о счастье:

– Сам видишь, какая я счастливая: ты остаёшься в Хамадане, а я должна уехать.

– Не счастливая? Неужели?! – громко захохотал муж. – Но что же делать! Или ты должна остаться дома, или я.

В тот же вечер я собрала сумку и на следующее утро мы отправились в штаб КСИР. Автобусы с паломниками должны были отправляться оттуда. Мы сидели в боль-

шом зале. Самия была у меня на руках, а Мехди взяла све-кровь. Хадиджа и Масума тоже были с нами. Нам включили художественный фильм, чтобы мы могли скоротать время в ожидании автобусов. Вдруг в зал вошла какая-то женщина и громко объявила:

– Госпожу Мохаммади просят выйти.

Я отдала Самию свекрови и быстро побежала к выхо-ду, а там на ступеньках стоял Самад.

– Что случилось?! – воскликнула я.

– С тебя причитается.

– Хорошо. Привезу тебе сувенир.

Самад подошёл ближе и тихо сказал:

– Ребёнок, которого мы ждём, принесёт нам счастье. Береги его.

Глядя на мой живот, Самад добавил:

– Если будет девочка, мы назовём её Гадам-Хейр?

Он знал, что мне не нравится моё имя, и потому ино-гда подшучивал надо мной по этому поводу.

– Не томи, – сказала я. – Умоляю, говори скорей, что случилось?!

– Я встал в очередь на машину.

Я очень обрадовалась:

– Поздравляю. Дай Бог, в следующий раз поедем в Мешхед на своей машине.

Самад поднял руки к небу:

– Дай-то Бог! Господь знает, как сильно я хочу поехать в паломничество.

Когда я снова вернулась в зал, то подумала: «Как хоро-шо. Самад верно говорит, что этот ребёнок принесёт нам счастье. Сначала получилось отправиться в паломниче-ство в Мешхед, потом с машиной повезло. Дай Бог, и тре-тья новость будет радостной.

Мы ещё смотрели фильм, когда в зал вошла та же жен-щина, что в прошлый раз, и объявила:

– Госпожа Мохаммади, вас снова просят к выходу.

У дверей опять стоял Самад.

– Что случилось?! – воскликнула я. – Третья радостная новость?!

Самад рассмеялся и сказал:

– Нет. Просто я по тебе соскучился. Давай, пока автобусы не приехали, вместе прогуляемся по улице?

Я рассмеялась и ответила:

– Мужчина! Постыдился бы. Тебе больше нечем заняться?!

– Я отпрошусь на час.

– А как же дети?! Они замучают твою мать. У бедной не хватит терпения.

– Да мы недалеко. Дойдём до мавзолея Баба Тахера¹ и обратно.

– Ладно, ты иди отпрашивайся и возвращайся, а я пока предупрежу твою маму.

Я снова вернулась в зал и села на своё место. Казалось, что фильм никогда не кончится. Скоро опять появилась та же женщина и объявила:

– Дамы, автобусы приехали. Пожалуйста, занимайте места.

Я взяла Самию на руки, а Мехди дал руку свекрови. Хадиджа и Масума держались за край моей чадры. Бедняжки не знали, что мы не берём их с собой в Мешхед, поэтому радовались и хотели быстрее сесть в автобус.

Когда мы вышли на площадь, там стоял Самад. Он пошёл, взял за руку Хадиджу и Масуму и сказал:

– Гадам, меня отпустили, но жаль, что прогуляться не получится.

Мне стало его жалко:

¹ Баба́ Тахёр (1000–1055) – персидский поэт-мистик, автор популярных в народе четверостиший, записанных только спустя несколько веков после его смерти. Автор нескольких трактатов на арабском языке.

– Ничего страшного. Когда вернёмся, я как-нибудь вечером приготовлю ужин пораньше и мы прогуляемся до мавзолея Бабы Тахера.

Самад наклонился ко мне и сказал:

– Гадам, вот было бы хорошо, если б ты положила меня в сумку и взяла с собой.

– Ты хоть понимаешь, что говоришь?! Смотри, как тяжело нести.

Женщины спокойно сели в автобус. Наши места были у окна. Самад держал за руки Хадиджу и Масуму. Девочки плакали и хотели ехать с нами. В первый раз я оставляла их одних. Ком подступил к горлу, и как я ни старалась не плакать, у меня ничего не получалось.

Я отвернулась, чтобы дети не видели моих слёз, а чуть позже заметила, что Самад и девочки, стоя сбоку на ступеньках, машут нам рукой. Я быстро вытерла слёзы и засмеялась. Когда автобус тронулся, муж, взяв дочек за руки, некоторое время бежал следом.

Всё было в точности так, как говорил Самад. В паломничестве кардинально изменилось моё душевное состояние. Утром мы ходили в мечеть, располагались там, совершали пропущенный намаз, а потом снова молились Господу и совершали обряды. Иногда, выйдя из мечети, чтобы вернуться в гостиницу, мы останавливались на полпути и, будучи не в состоянии покинуть это святое место, вновь туда возвращались.

Однажды я сидела у гробницы, не отрывая глаз от её ограждения, как вдруг заметила группу людей, которые зашли в мечеть и выкрикивали: «О, Аллах! О, Аллах!» На руках они медленно поднесли несколько гробов. Стоявшие рядом люди бросали на гробы цветы и

брызгали розовой водой. Я расспросила других прихожан и узнала, что это уроженцы Мешхеда, погибшие на войне, которых хоронят сегодня. Не знаю, как случилось, что я вспомнила Самада и у меня на глазах выступили слёзы. Я оставила детей со свекровью, а сама побежала за похоронной процессией. Всё время у меня перед глазами стояло лицо мужа, но, как бы я ни старалась, у меня не получалось молиться за него. Вдруг я вспомнила его слова: «Господи, сделай меня человеком», – но я не посмела просить об этом Господа, потому что, как мне казалось, с мужем всё было в порядке. Встав рядом, я устала на гробы, которые люди несли на руках, и вдруг, глядя на эту сцену, испытала странное чувство тоски. Я так и стояла, пока погибших смертью храбрых не пронесли вокруг гробницы и вся процессия не удалилась. Лишь тогда я заметила, что у ограждения уже никого нет и мне, которой до этого момента никогда не доводилось прикасаться к этой святыне, оставалось сделать всего лишь шаг до неё. Тогда я ухватилась за ограждение руками и со слезами на глазах промолвила: «О, имам Реза! Ты сам знаешь, что у меня в душе. Вручаю тебе свою жизнь. Сам пошли мне то, что считаешь нужным». Как я ни старалась, помолиться за Самада я так и не смогла, но вдруг почувствовала, что успокоилась, словно и печалиться было не о чем. К тому времени вокруг меня уже скопилось много людей, и женщины сильно напирали. С большим трудом я выбралась из толпы. В храме витал запах розовой воды и алоэ.

Я пошла, взяла детей у свекрови и мы вышли на улицу, а в скором времени отправились на базар имама Резы. Я решила за один раз купить всё необходимое, включая сувениры, и хотя на руках у меня была Самия, доставлявшая массу хлопот, я купила всё, что было нужно, и мы вернулись в гостиницу.

На третий день, когда мы обедали, только что вернувшись из храма, к нашему столу подошла старшая группы и сказала:

– Госпожа Мохаммади! Вы должны вернуться в Хамадан раньше нас.

От испуга у меня закружилась голова. Сразу подумав о муже и детях, я впала в отчаяние.

– В чём дело?! Что-то случилось?! – воскликнула я.

Старшая группы поняла, что сказала что-то не то и очень меня напугала, поэтому начала извиняться. Я действительно была в шоке. Заикаясь, я спросила:

– Что-то с матерью?! С детьми беда?! Может, с мужем...

Старшая группы взяла меня за руку:

– Нет, госпожа Мохаммади. Ничего не случилось. Позвонил ваш муж и сказал, что на этой неделе он удостоен чести совершить паломничество в Мекку. Он хочет, чтобы вы раньше приехали, и тогда он успел бы закончить свои дела.

Старшая группы налила мне воды из графина, стоявшего на столе, я выпила воды и почувствовала, что мне стало лучше, а на следующий день на самолёте мы со свекровью и с детьми вернулись в Тегеран.

В аэропорту нас ждал новенький «пейкан». В то время это была одна из самых лучших марок автомобилей. Мы гордо сели в свою машину и приехали в Хамадан, а когда въехали в наш переулок, то увидели, что у ворот дома всё чисто вымыто. У входа стоял встречавший нас Самад, а рядом с ним – Хадиджа и Масума. Он достал из машины сумки и взял у меня детей. На балконе был расстелен ковёр и весь двор блестел от чистоты. Палисадник был полит, и воздух наполнился ароматом цветов. В углу балкона стоял самовар. Самад налил нам чаю, а потом принёс сладости и фрукты. Девочки безумно радовались моему

возвращению и обнимали меня. Самад сел между своей матерью и нами и прошептал мне на ухо:

– Говорят, что женщина – это напасть. Дай Бог, чтобы такая напасть была в каждом доме.

Муж уладил все свои дела даже раньше, чем я предполагала, и всё-таки отправился в Мекку. Прощаясь с ним, я кричала и плакала:

– Бессовестный! Взял бы меня хоть в эту поездку.

– Не грусти. Ты тоже поедешь. Видимо, не судьба нам быть вместе.

Паломничество в Мекку длилось сорок дней. После возвращения ещё десять дней мы принимали гостей. Дни шли, и Самаду становилось все тревожнее. «Я уже начинаю сходить с ума, – говорил он. – Уже пятьдесят дней, а у меня никаких вестей о моих ребятах. Я не знаю, как у них там дела. Надо мне быстрее возвращаться».

Наконец муж уехал. Я знала, что не должна ждать его скоро. Каждый сорок пять дней он приезжал домой на один или два дня, а потом вновь возвращался на фронт. Так прошло лето, а за ним – осень. Зимой 1985 года Самад приехал на побывку в очередной раз. «Самад! – сказала я. – На этот раз ты должен приехать к родам. Ты же сам сказал, что это последняя беременность».

Муж дал мне слово, но приехал только, когда последний месяц моей беременности приближался к концу, да и тогда не каждый день Самаду удавалось проводить дома. Однажды он снова отлучился, а я покормила детей ужином, и они легли спать. Не знаю почему, но мне не спалось. Тогда я пошла в гости к моей соседке, госпоже Дараби. Мы с ней очень подружились. Её муж тоже был на фронте, поэтому нам было проще найти друг с другом

общий язык. По вечерам либо я ходила к ней в гости, либо она ко мне. В тот вечер у неё в гостях была золовка. Вдруг соседка сказала:

– Мне кажется, сегодня ночью ты родишь. Ты хорошо себя чувствуешь?!

– Хорошо и пока всё спокойно.

– Хочешь, вместе поедем в больницу?!

– Нет, – ответила я, смеясь. – На этот раз, пока Самад не приедет, ребёнок не родится.

В двенадцать ночи я вернулась домой и подумала: «Не дай Бог, соседка права и ребёнок действительно появится на свет сегодня». Поэтому начала прибираться. Я собрала одежду для ребёнка и всё необходимое, а потом легла спать, но мне никак не удавалось заснуть. Я немного поворочалась, как вдруг услышала звонок в дверь и сначала обрадовалась, решив, что приехал Самад, но потом вспомнила, что у мужа был ключ. Я пошла открывать. Это оказалась госпожа Дараби.

– Я услышала сирену «скорой помощи» и решила, что у тебя начались схватки, вот и пришла.

– Нет, пока всё тихо.

– У меня беспокойно на сердце. Сегодня останусь у тебя.

Не прошло и получаса, как я почувствовала, что у меня действительно начинаются боли, а через час стало ещё хуже. Соседка разбудила свою золовку, чтобы та присмотрела за детьми, а сама взяла машину и отвезла меня в больницу. Как только меня обследовали, то сразу отправили в родильное отделение, а через час или два у меня уже родился ребёнок.

На следующее утро в больницу пришли другие соседки и отвезли меня домой. Одна убралась в комнате, другая занялась детьми, третья приготовила поесть, а ещё несколько ухаживали за мной. Госпожа Дараби послала

кого-то сообщить весть моей матери и отцу. Вечером папа приехал один. Увидев меня в постели, он очень испугался и сказал: «Дорогая моя дочка! Ты же нам не чужая. Ненаглядная моя! У тебя ведь много родни». Потом он подошёл, сел рядом, поцеловал мой холодный лоб и добавил: «Почему ты не сообщила, что у тебя родился ребёнок? Мне сказали, что ты больна. Шина тоже совсем расхворалась и не смогла приехать».

В этот же вечер отец поехал за деверем Шамсоллой, который с семьёй тоже жил в Хамадане, и привез ко мне его жену, Масуму. После этого он отправил кого-то за Шиной и сам сходил за покупками.

Так прошла неделя. Шина была нездорова и не могла мне помогать. Она сидела у моей кровати и всё время проклинала себя за то, что ничего не может для меня сделать. Когда отец это увидел, то отправил маму обратно в Каеш. Также на два или три дня приехали мои сёстры, но потом им снова пришлось вернуться к своим семьям. Со мной была только жена Шамсоллы, когда пришла одна из соседок и сказала: «Звонит ваш муж и просит вас к телефону».

Масума, жена деверя, помогла мне теплее одеться и накинула мне на голову чадру, а потом взяла меня за руку и отвела к соседям. Взяв телефонную трубку, я едва переводила дыхание. На другом конце провода был Самад:

– Гадам, милая, это ты?!

– Здравствуй.

Услышав мой голос, он по обыкновению начал спрашивать о моём самочувствии. Он хотел узнать, родился ли ребёнок, но, казалось, кто-то был рядом и он стеснялся спросить напрямую, поэтому быстро спросил:

– Ты в порядке?! Здорова?! Всё хорошо?!

Я стеснялась ещё больше, потому что рядом со мной сидели Масума и соседка, и не могла сказать, что ребёнок уже родился. Вместо этого я ответила:

– Я в порядке. Как ты?! Всё хорошо?! Ты здоров?!

Мне было неловко перед соседкой. Тогда Масума не выдержала, сама взяла трубку и после обычных приветствий сообщила моему мужу:

– С тебя причитается за добрую весть. Ребёнок появился на свет. Гадам родила.

Самад настолько обрадовался, что даже забыл спросить, кто родился. Он только сказал:

– Завтра я сам приеду.

На следующий день с самого утра я с нетерпением смотрела на дверь, при малейшем шорохе вздрагивала и вскакивала с места в полной уверенности, что это Самад, однако он не приехал в тот день, и даже через неделю его не было.

Прошло две недели, а от мужа всё ещё не было никаких вестей. Все родственницы разъехались, и я осталась совсем одна с пятью детьми и бесконечными домашними делами: покупкой продуктов, стряпнёй и уборкой. Госпожа Дараби была единственным человеком, который помогал мне в любое время дня и ночи, но и она была занята своим мужем, который недавно получил ранение. Рано утром бедняжка приходила немного помочь мне, а потом уходила по своим делам. Иногда она оставалась посидеть с детьми, пока я уходила в магазин. Так и тянулись дни.

Однажды госпожа Дараби по обыкновению пришла помочь мне. Пока я занималась детьми, она села рядом и начала сетовать на свою жизнь. Её муж был серьёзно ранен, но к нему часто приходили гости, а поскольку она была совсем одна, то просто валилась с ног от усталости.

Мы беседовали, как вдруг дверь распахнулась и в комнату вошёл мой брат. Мы с соседкой вздрогнули от страха, а брат, увидев в доме постороннюю женщину, закрыл дверь и вышел, после чего я встала и сама пошла к двери. Внизу лестницы стоял брат вместе с Самадом. Услышав

наши приветствия, соседка вышла из комнаты и ушла к себе, а брат рассмеялся и сказал:

– Уважаемая, простите нас! Мы думали, что вам совсем туго, а вы, оказывается, тут прохлаждаетесь. Мы уже полчаса стоим под дверью, а они так увлечены беседой, что даже не слышат звонка в дверь.

– Он прав, – подтвердил Самад. – Не знаю почему, ключ в замке не поворачивается. Мы долго звонили в дверь и только что смогли открыть.

Войдя в комнату, муж сразу направился к колыбели, взял ребёнка на руки и сказал:

– Здравствуй! Ты девочка или мальчик? Я твой папа. Ты меня узнаёшь?! Я тот самый папа, про которого говорят, что он не обучен хорошим манерам.

Потом он посмотрел на меня, подмигнул и добавил:

– Гадам, милая! Извини. Я, как всегда, не сдержал слова, показал своё безразличие и всё остальное.

Я только рассмеялась и не посмела ему ничего ответить в присутствии брата, а муж, взглянув на шурина, сказал:

– Передай своей сестре мою просьбу простить меня.

Брат рассмеялся в ответ и произнёс:

– Гадам, не ругай его. Грех это.

Меж тем дети, увидев отца, как всегда, окружили его со всех сторон. Целуя детей и глядя их по головкам, Самад спросил:

– Как вы называли ребёнка?!

– Захра.

Только тогда Самад понял, что его пятый ребёнок – девочка.

– О, святая Захра, какое прекрасное имя!

Глава 17

1986 и 1987 года выдались очень трудными. В возрасте двадцати четырёх лет мне пришлось стать матерью пяти детей. Я одна не могла справиться со всеми делами. Эти военные годы были самым тяжёлым временем. Самад всё время был на фронте, участвуя в бесконечных военных операциях. Хадиджа училась во втором классе, а Масума – в первом. Из-за школы мы уже не могли так часто ездить в Каеш, а отец по причине болезни Шины перестал нас навещать. Сёстры были полностью заняты своей жизнью и поглощены заботами о собственных детях, а братья, как и братья Самада, все служили на фронте. Большую часть времени с самого утра до десяти или одиннадцати вечера я занималась домашними хлопотами, поэтому часто была раздражительной, нетерпеливой и вечно уставшей.

В декабре 1986 года началась операция «Кербела-4»¹. От своих братьев я узнала, что Самад участвовал в ней как один из командующих. Никогда я так не волновалась, как в то время. С самого утра, встав с постели, бесцельно бродила из комнаты в комнату, а иногда часами молилась с четками в руках, сидя на молитвенном коврик. Радио, стоявшее в нише стены, было включено весь день и сообщало о ходе боёв.

¹ «Кербела-4» – военная операция, проведённая под командованием КСИР 24–26 декабря 1986 года с целью взятия иракской Басры, однако по причине утечки информации иранцы понесли значительные потери и вынуждены были отступить.

Уже несколько дней у нас гостила свекровь. Как и я, она очень переживала, поэтому с утра до вечера не переставала говорить о Самаде и Саттаре.

Как-то вечером мы обе сидели в комнате в тревожном ожидании и вдруг услышали звонок в дверь. Дети побежали открывать гостю. Это был Шамсолла, вернувшийся с фронта. Он был взволнован и подавлен. Я подумала, что наверняка что-то случилось с Самадом. Свекровь взмолилась:

– Если что-то случилось, скажи нам.

Шамсолла украдкой от свекрови дал мне знак выйти. Сославшись на то, что надо заварить чай, я пошла на кухню, и деверь последовал за мной, а затем, стараясь, чтобы мать не услышала, быстро зашептал:

– Гадам! Послушай, что я тебе скажу. Не кричи и не поднимай шума. Будь осторожна, чтобы мама не догадалась.

Руки и ноги у меня похолодели, и всё тело пробила дрожь. Опираясь на холодильник, я простонала:

– О, святой Аббас! С Самадом что-то случилось?!

Шамсолла весь покраснел и едва сдерживал рыдания. Он тихо сказал срывающимся голосом:

– Саттар погиб.

Перед глазами у меня всё пошло кругом. Я обхватила голову руками и не знала, что сказать. Закусив губу, я только и смогла вымолвить:

– Когда?!

Шамсолла вытер слёзы и ответил:

– Прошу тебя сделай так, чтобы мама не узнала. Это случилось несколько дней назад. Нам надо во что бы то ни стало отвезти маму в Каеш.

После этих слов Шамсолла вышел из кухни, а я не знала, что мне делать, поэтому, делая вид, что завариваю чай, осталась на кухне и заплакала. Несколько раз я старалась

успокоиться, но всё было напрасно. Шамсолла позвал меня из гостиной. Я вымыла лицо водой из-под крана, вытерлась чадрой, а потом налила несколько стаканов чая и вышла к гостям. Уставившись в телевизор, Шамсолла сидел рядом с матерью. Увидев меня, он сказал:

– Хочу сейчас поехать в Каеш, навестить друзей и знакомых. Вы не поедете?!

Я поняла, что он что-то задумал, и быстро ответила:

– Очень хорошо. Я уже давно собиралась навестить отца. И по Шине сильно соскучилась. После инфаркта она стала очень слаба. Говорят, что она часто меня вспоминает. Съезжу на день или два, а потом вернусь.

С этими словами я начала быстро собирать детские вещи, после чего, застегнув сумки и не забыв взять комплект чёрной одежды, сказала:

– Можно ехать.

В дороге я всё время думала о Садиге, жене Саттара, и не представляла себе, как буду смотреть ей в глаза. При мысли о её детях у меня сердце обливалось кровью. Вместе с тем при свекрови я ничего не могла говорить. Из-за всех этих переживаний, разрывавших мою душу, мне хотелось удавиться.

Приехав в Каеш, я заметила, что там всё сильно изменилось. Казалось, все знают о Саттаре. Двери и стены были задрапированы в чёрное. Увидев это, моя несчастная свекровь испуганно начала спрашивать:

– Что случилось? Что-то с детьми?!

Когда мы подъехали к дому свекрови, внутри у меня всё оборвалось. Дверь была открыта, и через неё входили и выходили мужчины в чёрном. Тогда бедная свекровь поняла, что случилось страшное. Я её успокаивала и говорила:

– Ничего. Наверное, скончался кто-то из стариков. Смерть в глубокой старости – не причина для глубокой печали.

Как только мы зашли во двор, к нам навстречу выбежала Садига, которая будто бы давно уже нас ждала. Она бросилась мне в объятия и заплакала:

– Гадам, дорогая! Как же я теперь стану растить Самию и Лейлу?

Самие было два года, как и нашей дочери. Девочка стояла рядом и удивлённо смотрела на мать. Лейле только недавно исполнилось полгода. Свекровь, догадавшись о произошедшем, упала без чувств прямо у дверей, а спустя некоторое время, словно о беде узнала вся деревня, во дворе собралась тьма народа, так что яблоку негде стало упасть. Женщины выражали соболезнование свекрови, плакали рядом с ней и пытались утешить.

На следующий день около полудня дети во дворе закричали:

– Самад приехал! Самад приехал!

В доме было полно гостей, и все побежали во двор. Самад приехал, но как он выглядел! Весь тощий, замученный, со взъерошенными волосами и потемневшим страдальческим лицом. В присутствии Садиги я не посмела поздороваться с мужем, спросить о его здоровье или просто подойти ближе и сказать хоть слово. Вместо этого я спряталась за чьи-то спины, плотнее завернулась в чадру и заплакала, а Садига подбежала к Самаду и, не сдерживая рыданий, стала спрашивать его:

– Самад, где Саттар?! Самад, где твой брат?!

Самад сел около палисадника и закрыл лицо руками. Казалось, для моего мужа это была последняя капля. Он сам горько заплакал, и мне стало его безумно жалко.

Садига, продолжая лить слёзы, кричала:

– Самад! Разве не ты был командиром Саттара? Что я скажу его детям?! Они ведь спросят: дядя, почему ты не уберёг нашего папу?!

При этих словах люди, стоявшие во дворе, тоже начали плакать, а вдова закричала своим дочерям:

– Самия! Лейла! Идите сюда. Приехал дядя Самад и привёз вашего папу.

Мне было жаль Самада. Я знала, что он не сможет перенести все эти упрёки и такого большого горя. Тут у меня самой сдали нервы. Я убежала в дом, чтобы рыдать там. Мне было больно за Самада и бесконечно его жаль. Горевала я и о детях Садиги и о ней самой.

Самаду тем временем было очень одиноко. Со двора доносился плач собравшихся людей. Я выглянула в окно и увидела, что муж по-прежнему сидит около палисадника. Мне хотелось сесть рядом и утешить Самада, ведь я понимала, что сейчас он одинок, как никогда, но моё присутствие ничего бы не изменило и не остановило бы упрёков. Почему же никто не думал о Самаде? Я не находила себе места и снова вышла во двор. Свекровь сидела напротив Самада, положив голову ему на колени. Со слезами на глазах она спрашивала:

– Самад, дорогой мой! Разве я не поручала тебе заботиться о брате?!

Муж не поднимал головы и плакал.

Вскоре пришли другие мужчины, взяли Самада за руки и отвели в комнату, где собралась мужская часть гостей. Я подошла и помогла отвести в дом свекровь, золовку и Садигу.

Из их разговоров мне стало ясно, что тело Саттара осталось на территории противника и Самад якобы мог его привезти, но не сделал этого.

По причине этого свекровь была очень расстроена. Она беспрерывно плакала и причитала:

– Самад! Почему ты не привёз моего сына?!

Когда под вечер дом опустел, Самад пришёл на женскую половину, сел рядом с матерью, поцеловал её руку и рассказал:

– Мамочка, прости меня. Я мог привести твоего Саттара, но не привёз, потому что кроме него там были тела других бойцов. У них тоже остались матери, братья и сёстры. Если бы я привёз Саттара, что я ответил бы на Страшном суде матерям других убитых солдат? Если бы я привёз Саттара, что бы я ответил на Страшном суде их братьям и сёстрам?

Он говорил и продолжал плакать. Только тогда я заметила, что у него под рубашкой кровь. Я жестом дала золовке понять, что Самад, кажется, ранен.

Это действительно было так, но муж не хотел, чтобы об этом кто-нибудь догадался. Он пошёл переодеться, а золовка сказала:

– У него перевязано плечо, значит, рана глубокая и кровоточит.

Несмотря на это Самад не сидел на одном месте и старался изо всех сил, чтобы поминки прошли со всеми почестями.

Прошло три дня. За всё это время мне ни разу не представилось возможности даже поговорить с мужем. Мы сталкивались с Самадом, но мне было стыдно перед Садигой, и поэтому я старалась держаться от него на расстоянии, чтобы не расстраивать вдову и её детей и чтобы они не сказали: «Она может радоваться встрече, а мы – нет. Нам некого встречать». Я попросила сестёр приглядеть за своими детьми, опасаясь, что Самад начнёт их обнимать и ласкать, а племянницы увидят это и расстроятся, но вечером третьего дня ко мне пришла одна племянница со стороны золовки, и сказала:

– Дядя Самад хочет с тобой поговорить.

Мне казалось, что я увижу его впервые после многих дней разлуки. Дыхание замерло, и сердце бешено колотилось, словно вот-вот готово было выпрыгнуть из груди. Я стояла во дворе, а когда Самад поздоровался, опустила голову. Муж спросил о моём самочувствии:

– Ты в порядке?! Где дети?!

– Я в порядке. Дети у сестры. Ты сам как?!

Он посмотрел на меня и произнёс:

– Слава Богу.

Больше я ничего не сказала. Не знаю, почему мне было так стыдно, но я чувствовала, что совершаю какой-то грех, и подумала: «Сейчас, когда Саттар погиб, а Садига в трауре, как я смею у всех на виду стоять рядом с мужем и разговаривать с ним?» Самад тоже молчал. Потом, направившись на мужскую половину, обернулся и предложил:

– Давай после ужина пойдём проведать детей. Я очень по ним соскучился.

После ужина он позвал меня. Стараясь быть незаметной, я собралась, вышла во двор и выбежала за калитку.

Самад направился следом и уже в переулке спросил:

– Зачем ты бежишь?!

– Не хочу, чтобы Садига увидела нас вместе. Она расстроится.

Самад вздохнул и прошептал:

– Ох, Саттар, Саттар. Ей-богу, на кого же ты нас оставил?

Сдерживая рыдания, я сказала:

– Ты же сам говоришь, что героическую смерть надо ещё заслужить. Что ж, Саттар получил то, что заслужил. Вечная ему память.

Самад кивнул:

– Ты права. Я плачу для вида, но в глубине души спокоен. Думаю, что Саттару сейчас хорошо там, где он есть, а мне надо волноваться о самом себе.

У меня было тяжело на душе. Мысль об осиротевших племянницах не давала мне покоя, но и Самада хотелось немного утешить, поэтому я сказала:

– Вечная ему память. Может, он и за нас заступится.

Когда мы пришли в дом сестры, дети, увидев отца, как всегда, облепили его со всех сторон. Мехди сидел у него на руках и не хотел уходить. Самия тоже стала капризничать, не отпуская отца. Хадиджа и Масума целовали ему руки. Я, глядя на мужа и детей, плакала. Увидев это, Самад словно прочитал мои мысли.

– Надо было взять с собой и племянницу Самию, – произнёс он. – Бедная девочка очень переживает.

– Да. Слава Богу, она хорошо всё понимает. Я за неё больше переживаю, чем за Лейлу. Та ещё слишком маленькая. Не думаю, что она помнит своего отца.

Самад отпустил детей, встал и вдруг предложил:

– Возьми Самию на время с собой в Хамадан. Может быть, тогда она меньше будет переживать.

На следующий день мы поехали в Хамадан. Самад сказал, что останется на несколько дней – уладить какие-то дела в штабе КСИР. Чтобы муж не чувствовал себя одиноко, я собрала с собой детей, и племянницу Самию мы тоже взяли.

По дороге ребяташки очень шумели в машине, не переставая играть и смеяться. Племянница играла вместе со всеми, забыв о своём горе.

– Как хорошо, что мы взяли Самию с собой, – сказала я.

Муж грустно посмотрел на девочку и ничего не ответил.

– Ты видел, как он погиб?!

Глаза Самада покраснели. Держась за руль и не сводя глаз с дороги, он ответил:

– Он погиб при мне. Прямо у меня на глазах. Я мог бы оттащить его...

Желая отвлечь мужа от мрачных мыслей, я положила ему руку на плечо и спросила:

– Рана уже не так болит?

– С самого начала ничего особенного, – безразлично ответил он.

Я посильней нажала на повязку, и он едва слышно застонал.

– Это, по-твоему, ничего особенного? – в шутку спросила я.

Он и сам усмехнулся:

– Ещё одно воспоминание. Ох, уж эта «Кербела-4»!

– Твоя сестра говорила, что ты целую неделю просидел в сгоревшем корабле.

Самад повернулся ко мне и с удивлением переспросил:

– Целую неделю?! Нет же. Намного меньше. Всего два дня.

– Расскажи мне.

Муж вздохнул:

– Что рассказывать?!

– Как это произошло? Почему ты оказался на том корабле?!

– Саттар был убит. Из-за предательства операция провалилась, и мы потерпели поражение. Надо было отступать. Много бойцов оказалось на иракской территории. Убитые или раненые. Противник вёл такой сильный огонь, что мы ничего не могли сделать. Тем, кто остался в живых, я приказал возвращаться. Ты не представляешь себе, как было тяжело в последний момент. Прощание с бойцами, прощание с Саттаром.

Вдруг Самад опустил голову на руль.

– Что ты делаешь?! Осторожно! – закричала я.

Муж быстро справился с собой, снова стал смотреть на дорогу и продолжил рассказ:

– Это была необычная ночь. На реке Арванд¹ начался сильный отлив. Нам пришлось возвращаться вдвоём с Хамидом Хосейнзаде. Шли по колено в грязи. Вдруг я увидел сгоревшее судно, которое село на мель. Иракцы преследовали нас по пятам и стреляли из всего подряд. Артиллерийские снаряды изрешетили весь корабль. Через одну из таких пробоин мы пролезли внутрь. Дело было под утро, а ночь выдалась очень тяжёлой, так что до утра мы не смогли даже сомкнуть глаз. Мы нашли место, где могли немного поспать незамеченными противником. Сил уже не было совсем и мы едва переводили дыхание.

– Значит, мы с твоей матерью переживали не случайно. Именно тогда, когда мы так волновались, Саттар погиб, а ты получил ранение.

Казалось, что мыслями Самад был где-то далеко и совсем не слышал моих слов. Даже крики детей и их шалости не могли отвлечь его от этих дум. Он продолжал вспоминать всё пережитое и рассказывать мне:

– Мы сидели внутри корабля с утра 26 декабря без воды и провизии и ждали ночи, чтобы как-то связаться со своими. Когда настала ночь, я снял майку и начал махать ею нашим. Случайно мой план сработал, и нас заметили. Для нашего спасения выслали отряд, но огонь противника и сильное течение реки не позволили никому приблизиться.

Он повернулся ко мне и спросил:

– Ты знаешь Хусейна Бадами?

– Да, а что?!

– Он установил у берега репродуктор и читал нам утреннюю молитву так, чтобы мы слышали. В том месте,

где он обращался к Господу, называя его «саттар-оль-люб»¹, он три или четыре раза повторил слово «саттар», словно желая сказать: «Саттар! Мы думаем о тебе. Ты наш». Один раз он очень чётко сказал: «Жди. Ночью мы приплывём, чтобы спасти тебя».

Потом муж засмеялся и продолжил:

– Иракцы взбесились, когда увидели репродуктор. Честное слово, Гадам, они выпустили в него две тысячи снарядов.

– Как же ты в итоге спасся?! – воскликнула я.

– Ночью 28 декабря отряд солдат из 33-й ширазской² части «Аль-Мехди» спустил лодки на воду. Это были смелые, проворные и опытные солдаты. Они добрались до корабля и ловко вытащили нас оттуда.

Муж опять засмеялся и продолжил:

– Когда нас уже привезли на нашу сторону реки, иракцы начали обстрел. Мы были уже на суше, а они продолжали стрелять по кораблю.

Спустя некоторое время Самад сунул руку в карман, достал маленький Коран, который когда-то получил от меня перед отъездом на фронт, поцеловал эту книгу и сказал:

– Храни его как память.

Коран был прострелен, и на нём виднелись следы крови.

– Что случилось?! – спросила я.

Самад с трудом переключил скорость, как будто у него вовсе не осталось сил, и ответил:

– Если бы не этот Коран, был бы я сейчас там, где Саттар. Я уверен, что всем обязан этому священному Корану. Пуля прошла рядом с сердцем и вышла через плечо. Можешь в это поверить?!

Я поцеловала Коран и сказала:

¹ Арванд (арабское название Шатт-эль-Араб) – река на границе Ирана и Ирака, образующаяся при слиянии Тигра и Евфрата. Согласно договору 1975 года, подписанному между Тегераном и Багдадом, граница между двумя государствами устанавливалась посередине русла этой реки.

¹ В переводе с арабского означает «покрывающий грехи».

² Шираз – город в центральной части Ирана.

– Слава Богу. Сто тысяч раз благодарю за это Господа.

Муж искоса посмотрел на меня, улыбнулся и до Хамадана уже не сказал ни слова, а я не переставала целовать Коран и благодарить Всевышнего.

Приехав в Хамадан, Самад высадил нас у дверей дома и не возвращался до вечера. Дети уже успели поужинать и теперь хотели спать, когда он вернулся с несколькими упаковками кукурузных палочек и печенья. Подсев к детям, муж окружил себя ими, начал какую-то игру и каждому ребёнку по очереди клал в рот кукурузную палочку. Я удивилась такому поведению. Мне казалось, что Самад совсем не тот, каким был утром или вчера. Настроение и манеры его совершенно изменились. Он играл с племянницей, щекотал и целовал её.

На следующее утро мы поехали в Каеш, а вечером Самад сказал:

– Гадам, я хочу вернуться на фронт. Хочешь, мы вместе вернёмся в Хамадан?

– Если хочешь вернуться на фронт, зачем тебе я?! – мне и вправду было непонятно, поэтому я так сказала: – Лучше останусь на несколько дней с Садигой, а потом вернусь.

– Нет. Если ты поедешь со мной, мать ничего не заподозрит. Но если я поеду один, она догадается, что я еду на фронт. Нехорошо так поступать с ней. Она сильно сдала.

Тем же вечером мы вернулись в Хамадан и на этот раз вновь привезли с собой племянницу. На следующее утро Самад рано встал, совершил намаз и сказал:

– Гадам! Я уезжаю. Береги детей и не забывай про племянницу. Не позволяй её обижать. Пусть остаётся у нас, сколько пожелает.

– Когда ты вернёшься?!

– На этот раз очень скоро.

В конце следующей недели Самад вернулся и сообщил:

– Я приехал, чтобы неделю или две побыть с тобой и детьми.

А в первую же ночь, когда все давно уснули, меня разбудил какой-то звук. Вдруг я заметила, что Самад исчез. Взволнованная, я встала с кровати и пошла в гостиную, но там его не было, а затем я увидела, что он сидит на молитвенном коврике в окопе, служившем нам убежищем, и что-то пишет.

– Самад, ты здесь?!

Испугавшись, он сложил бумагу и положил её в Коран.

– Что ты делаешь здесь посреди ночи?

– Иди садись, ты мне нужна.

Я села напротив него. В убежище было холодно, и я сказала:

– Здесь прохладно.

– Не важно. У меня серьёзное дело.

После этих слов он положил руку на Коран и продолжил:

– Я писал завещание. Оно внутри.

Я начала нервничать и с укоризной ответила:

– Ты посреди ночи поднял шум и разбудил меня, чтобы сказать такое?! Можно было подождать?

– Послушай. Не издевайся, Гадам.

– Скажи что-нибудь хорошее.

Самад рассмеялся и ответил:

– Клянусь Богом, это хорошее. Лучше не придумаешь!

Он взял Коран и поцеловал его:

– Это закон веры. Мусульманин должен, пока жив, успеть оставить завещание. Я всё подробно вам написал. Не хочу, чтобы после меня ваши права были нарушены. Имущества у меня особого нет, но, что есть, я разделил

поровну между тобой и детьми. Я завещал похоронить меня прямо здесь. После моей смерти вы все останетесь в Хамадане. Так будет лучше для детей. Если после меня окажется найдено тело Саттара, похороните его рядом.

У меня перехватило дыхание:

– Не приведи Господь. Пусть лучше я умру раньше.

Самад засмеялся и сказал:

– Кстати, впредь ты должна приучаться называть меня Саттаром. После моей смерти никто не должен называть меня Самадом. Приучайся! Будет трудно!

По паспорту Самад был Саттаром, а Саттар – Самадом, но все звали их наоборот. «Если кто-то на фронте или на работе назовёт меня Самадом, – говорил муж, – я начинаю думать, что он ошибся или говорит о моём брате». «Что там делает наш братец?» – в шутку говорил он.

Я встала и недовольно сказала:

– Спать хочется. Спокойной ночи, Самад.

Было холодно, и я быстро забралась под одеяло. Меня знобило, и зуб на зуб не попадал, но в то же время слова Самада не выходили у меня из головы и заставляли забыть даже о холоде.

На следующее утро муж проснулся раньше всех, купил свежего хлеба, сыра и приготовил завтрак, а потом разбудил Хадиджу и Масуму, накормил их и отвёл в школу. Когда он вернулся, Самия, Захра и Мехди ещё спали, а я мыла посуду, оставшуюся с ужина. Самад помог мне, а затем принёс из убежища несколько мешков с цементом и положил их под лестницу. После этого, поднявшись на плоскую крышу, он хорошенько осмотрел её. Сделав всё это, муж направился в ванну, а потом надел красивую рубашку, которую купил себе в Мекке. Она была ему очень к лицу.

В полдень Самад привёл из школы Хадиджу с Масумой и, пока я готовила обед, проверял у них тетради, после чего сказал:

– Дети! Пообедайте, немного отдохните, а вечером мы вместе съездим на базар.

Те очень обрадовались, но во время обеда кто-то позвонил в дверь и вскоре оказалось, что приход гостя нарушил все планы моего мужа.

Дети побежали открывать. Это был мой свёкор. Не знаю, как он узнал, что Самад вернулся.

– Я поеду вместе с тобой на фронт, – сказал свёкор Самаду. – Хочу найти Саттара.

– Папа! Я уже говорил несколько раз, что на том берегу осталось не только тело твоего сына и моего брата. Там много других солдат. Мы ждём, чтобы, дай Бог, началась новая операция. Тогда мы смогли бы переправиться на другой берег Арванда и забрать наших ребят.

Но свёкор продолжал стоять на своём:

– Я ничего в этом не понимаю. Мне во что бы то ни стало надо поехать туда и найти своего сына! Если ты не поедешь, то скажи, и я отправлюсь один.

Посмотрев на меня и отца, Самад ответил:

– Отец! Оттого, что ты пойдёшь, Саттар не вернётся на этот берег. Если ты думаешь, что с твоим приездом что-то изменится, вставай – поедем прямо сейчас. Но я уверен, что тебе нет смысла туда ехать. Ты только измучаешься.

Свёкор стал нервничать:

– Не надо искать отговорки. Я хочу поехать. Если не едешь, скажи, и я поеду с Шамсоллой.

Самад сел и спокойно начал объяснять отцу, где именно осталось тело Саттара, и что добраться туда сейчас невозможно. Однако свёкор никак не унимался. Тогда муж нашёл другую отговорку, сказав, что Шамсолла сейчас на фронте.

– Тогда я поеду один, – заявил свёкор.

– Отец, я знаю, что тебе тяжело. Ладно. Если тебя это успокоит, я не против. Завтра утром поедем на фронт.

Свёкор ничего не ответил, но вечером всё-таки отправился к Шамсолле.

– Пойду проведаю внуков, – сказал он.

Когда дети поняли, что Самад не повезёт их на базар, то расстроились. Самад приласкал их, немного поиграл, а потом сел с ними заниматься. Хадидже он дал задание написать диктант, а Масуму посадил за прописи. Я стояла в сторонке и смотрела на него. Заметив меня, он засмеялся:

– Гадам! Что с тобой сегодня? Не сглазь меня! Иди лучше зажги для меня руту.

– Ты действительно сейчас хочешь уехать?! – воскликнула я.

– Я быстро вернусь, дня через два или три. Отец очень беспокоится. Постарайся понять его. Он потерял сына. Отвезу его к берегу Арванда, покажу ему место, где погиб Саттар, и быстро вернусь.

– Да, быстро вернёшься! – с иронией повторила я.

– Честное слово, Гадам. Скоро приеду. Я получил увольнительную. Может, быстрее, чем через два или три дня. А сейчас принесите вашему мужу два чая. Цени то время, когда я дома.

Глава 18

На следующее утро, когда я ещё готовила завтрак, свёкор приехал за Самадом.

– Сегодня ночью я видел Саттара, – сказал старик. – Он был в растерянности. Я спросил у него: «Саттар, дорогой, как ты себя чувствуешь?!» А он отвернулся и ответил: «Я Самад». Тогда я подошёл поближе, чтобы поцеловать его, но он исчез.

После этого свёкор расплакался и сказал:

– Я скучаю по своему сыну. Он наверняка мучается там, на вражеской стороне у этих проклятых баасистов. Не понимаю, почему он обиделся на меня. Наверное, он сейчас Бог знает где.

Самад, желая как-то отвлечь отца от грустных мыслей, смеясь, сказал в шутку:

– Нет, отец. Он как раз в прекрасном месте. Саттар сейчас парит на небесах. Думаю, он просто обижен на вас из-за того, что так напутали с нашими именами.

Я строго посмотрела на Самада, закусил губу, и тогда муж сменил тему разговора:

– На самом деле Саттар обиделся на меня за то, что я взял его имя.

Потом он повернулся ко мне и добавил:

– Даже жена на меня обиделась. Разве не так, Гадам?

Я пожалала плечами.

– Сколько ни говорю ей приучаться называть меня Саттаром, она меня не слушает. Если однажды придут и скажут, что Саттара убили на войне, она должна пони-

мать, что речь идёт о её муже, а не говорить, что Саттар – это её шурин, который уже погиб некоторое время тому назад.

Сказав это, Самад рассмеялся. Он хотел нас развеселить, но мы, наоборот, нахмурились. Отец укоризненно взглянул на него, и тогда Самад произнёс:

– Вообще, папа, это всё твоя вина! Что за неразбериху вы устроили с нашими именами?!

Продолжая хмуриться, свёкор недовольно ответил:

– Я ничего не устраивал. Ты с самого начала был Самадом. Когда родились Шамсолла и Саттар, я поехал в город, чтобы для всех вас сразу получить паспорта. В то время такие были порядки. Тогда все так поступали. В тех семьях, где детей не отправляли в школу, паспорта на них получали только на момент свадьбы. Путаница произошла в загсе. Регистратор ошибся и записал тебя, самого старшего, Саттаром. Шамсолла и Саттар были близнецами. Не знаю, о чём думал этот регистратор, но он записал, что Шамсолла родился в 1966-м, а Саттар – в 1959-м. Когда вы подросли и надо было записать вас в школу, меня спросили: «Кто из них самый старший?» Мы показали на тебя, и тогда нам ответили: «Это Саттар. Он должен идти в первый класс, а остальные ещё не достигли школьного возраста». Как я только ни старался исправить ваши паспорта, но ничего не вышло.

Самад улыбнулся и сказал:

– Сначала мне было очень трудно. Когда учитель называл меня Саттаром Ибрахими, я начинал озираться по сторонам, ведь друзья и одноклассники звали меня Самадом. Была какая-то глупая ситуация. Прошло много времени, прежде чем я привык к этому.

Самад снова повернулся ко мне и продолжил:

– Так что, жена, привыкай называть своего мужа Саттаром.

Я ответила:

– Хватит упрячиться. Твой отец сказал же, что с самого начала ты был Самадом.

Муж решил сменить тему и обратился к отцу:

– Папа! Лучше прими душ, чтобы немного взбодриться. У меня есть кое-какие дела. Когда выйдешь из ванны, я буду уже готов.

Свёкор согласился. Я постелила скатерть для завтрака и разбудила Хадиджу и Масуму. Пока я готовила завтрак, пришёл Самад и сел рядом со скатертью.

– Гадам!

Я посмотрела на него и сразу занервничала. Он это заметил, ведь всякий раз, когда он собирался на фронт, я приходила в замешательство и начинала сердиться.

– У меня есть одна тайна. – сказал муж. – Я должен рассказать тебе о ней до отъезда.

Я удивлённо посмотрела на него.

Теребя кусок хлеба, он продолжил:

– Ночью, когда началась операция, я велел Саттару отправиться в третью роту. Подошла первая лодка для переправы на другой берег. Я пересчитал своих солдат и обнаружил, что один был лишним. Я пытался выяснить, кто он, но так и не узнал. Тогда мне пришлось обойти всех с фонарём в руках, чтобы найти лишнего, и вдруг я увидел Саттара. Я разозлился и спросил у него: «Разве не велено тебе отправиться в третью роту?» Он стал умолять меня позволить ему остаться с нами. Лучше бы я не дал себя уговорить. Не знаю почему, но я согласился и он остался. В тот вечер мы с огромным трудом форсировали Арванд. Под ураганным огнём в полной темноте мы натолкнулись на колючую проволоку противника. Ты не поверишь, но наша небольшая рота пробила их линию обороны и мы стали ждать водолазов, но их батальон не смог прорваться и подойти к нам. Мы остались одни. Так получилось,

что мы оказались на очень близком расстоянии от иракцев и нам пришлось вступить с ними в бой. Вдруг Саттар окликнул меня. Я подбежал и увидел, что ему прострелили ногу. Я перевязал ему ногу своей куфией¹ и сказал: «Братишка! Стреляй, пока не подойдут наши». Стрелять приходилось так часто, что оружие раскалилось. Я даже обжёг руки.

Самад раскрыл свои ладони и показал мне. Следы от ожогов были ещё видны. Я и раньше видела эти следы, но муж ничего о них не рассказывал, а сама я не спрашивала.

– Налей мне чаю, – попросил он.

Из ванной доносилось журчание воды. Самия, Захра и Мехди спали, а Хадиджа и Масума, завтракая, изумлённо смотрели на отца. Я поставила перед ним чай и спросила:

– Что было потом?!

– Иракцы посылали один отряд за другим, и нам, несколькими бойцам, пришлось отбиваться, имея первоначальный запас оружия. В этой суматохе под шквальным огнём противника я снова услышал голос Саттара. Подбежав к нему, я увидел, что на этот раз его ранило в руку выше локтя. Рана была большая. Я перевязал ему руку, поцеловал и сказал: «Братишка, многие ребята ранены. Потерпи», – а потом вновь вернулся на свою позицию. Дела у нас были плохи. Солдаты моей роты погибали один за другим или попадали в плен, или получали ранение. Когда я снова услышал голос Саттара, то брат уже был весь в крови. У него под ногами взорвалась граната, и его всего по шею изрешетило осколками. Я взвалил его на плечи и отнёс в ближайший окоп. «Терпи, я возьму тебя с собой», – сказал я ему. Один солдат по фамилии Дервиши тоже был ранен, поэтому мне и его пришлось взвалить на плечи и принести в забетонированный окоп, который мы

¹ Куфия – мужской клетчатый головной платок, популярный в ближневосточных странах, используемый для защиты от солнца и песка.

отбили у иракцев, а когда я уже собирался вынести Саттара, Дервиши сказал мне: «Командир! Ты оставишь меня одного?! Ради Бога, возьми и меня. Разве я не из твоей роты?» Я положил Саттара на землю и пошёл за Хейроллой Дервиши. Когда я взваливал его на плечи, Саттар сказал мне: «Бессовестный. Я ведь твой брат. Отнеси сначала меня. Мне намного хуже». Это был критический момент. Очень критический. Я не знал, как мне поступить.

Самад взял стакан с чаем, выпил его залпом, даже забыв подсластить, и продолжил:

– Гадам! Я был словно между двух огней и не знал, как поступить, но наконец принял решение и сказал: «Я смогу вынести только одного из вас. Сами решайте, кто это будет». Но и на этот раз оба продолжали стоять на своём. Тогда я подошёл к брату, поцеловал его и сказал: «Прощай, брат. Прости меня. Я же говорил тебе, не ходи с нами». Умирая, он просил меня позаботиться о его дочерях, а затем я спросил: «Тебе ничего больше не нужно?!» Он попросил пить. Я достал флягу, чтобы напоить его, но она была пустой. Даже капли не оказалось.

Рассказав это, Самад поставил на скатерть стакан с чаем и промолвил:

– Гадам, после моей смерти расскажи эту историю отцу. Я знаю, что сейчас он не сможет всё это выслушать, но он должен знать правду.

– Значит так Саттар и погиб? – спросила я.

– Нет... Я уже простался с ним, поцеловал его, как вдруг к окопу подошли иракцы и начали по нам стрелять. В этот момент меня и ранили в плечо. В окопе была дыра. Я пролез через неё и прыгнул в воду. Ребята рассказывали, что Хейроллу Дервиши взяли в плен, а Саттара иракцы расстреляли. Он так и погиб, не утолив жажду.

Самад встал и застыл на месте, глядя куда-то мимо меня.

– Позавтракай, – предложила я. – Ты ведь только чаю выпил.

– Нет аппетита. После моей гибели расскажи всё это слово в слово моему отцу и матери. Попроси их простить меня, если я не смог спасти их сына.

Потом он обратился к Хадидже и Масуме:

– Доченьки! Вставайте, пойдёмте в школу.

Наконец Самад забрал детей, и в это время из душа вышел свёкор, чтобы позавтракать и собраться в дорогу, а когда Самад вернулся от школы, я строго заметила ему:

– Если хочешь ехать, то делай это прямо сейчас, пока дети спят. Скоро дети проснутся и будут капризничать.

Самад собирал сумку, когда проснулся Мехди, а за ним – Самия и Захра. Муж немного поиграл с детьми, а затем попрощался. Мехди побежал за отцом. Он так стучал в дверь и плакал, что Самад вернулся, поцеловал его, отнёс в комнату и высыпал перед ним игрушки. Когда Мехди отвлекся, Самад встал и хотел уйти, но на этот раз капризничать стала Самия и тоже побежала за отцом. Свёкор ждал на улице и Самад сказал:

– Гадам, позови отца. Пусть зайдёт.

Свёкор вернулся и сел на ступеньках. Он нервничал, сердился, всё время ворчал и звал сына.

Самад принёс ему табуретку и опять обратился ко мне:

– Чуть было не забыл. Гадам! Принеси несколько одеял, чтобы повесить окна. Вчера ночью было очень холодно. К тому же для затемнения и «красного» уровня неплохо.

Самия, Захра и Мехди играли, будто бы решив для себя, что их отец никуда не уедет. Чтобы они не догадались, Самад сделал вид, что относит табуретку в низ лестницы, попрощался и ушёл вместе со своим отцом.

Через несколько минут раздался звонок в дверь. Про себя я подумала: «Что творится сегодня с мужем?» и открыла дверь. На пороге действительно стоял Самад.

– Что случилось?!

– Где-то забыл связку ключей.

Я принесла ему ключи. На некоторое время мы остались на ступеньках одни. Он поцеловал меня в лоб и сказал:

– Гадам, прости. Эти несколько лет я доставлял тебе одни неприятности.

Я собиралась что-то сказать, но потом увидела, что муж уже ушёл. Сев на ступеньки, я задумалась.

На сердце у меня было тревожно. Я пошла во двор за керосином, в углу взяла тяжёлую канистру и с огромным трудом дотащила её до балкона. Было холодно, и весь двор заледенел. Я была в тапках и вся дрожала от холода. Дети стояли у окна. Отодвинув край одеяла, они смотрели на меня. Из-за одеяла я вдруг увидела фотографию Самада, стоявшую в нише стены. Муж поставил это фото рядом с Кораном, внутри которого лежало завещание.

Самад говорил мне: «Когда дети будут капризничать, покажи им мою фотографию». Не знаю почему, но когда я смотрела на неё, со мной происходило нечто странное: сердце щемило, дыхание замирало и на душе становилось очень тяжело. Вообще эта фотография вызывала во мне тысячу мрачных неясных опасений. Я снова подняла канистру, чтобы отнести в комнату, как вдруг поскользнулась и упала, скорчившись от боли, потому что ногу придавило канистрой. С огромным трудом я вытащила ногу, но сильная боль пронзила весь позвоночник. Дети начали стучать в окно, но я не могла подняться и, оставшись сидеть на снегу, невольно взывала от нестерпимой боли.

Ноготь на большом пальце ноги весь посинел, и мне было совсем плохо. Дети, увидев меня в таком состоянии, заплакали от страха, и в этот момент я вновь заметила ту самую фотографию. Я не хотела плакать при детях и поэтому крепко закусила губу, чтобы не разрыдаться, но

про себя думала: «Самад! Самад, милый мой! Когда ты будешь помогать своей жене и детям? Когда ты станешь нашим?!»

Я ещё чувствовала на лбу тепло его поцелуя, когда с большим трудом поднялась и вошла в комнату.

Дети плакали, и я никак не могла их успокоить. В то же время мне было их жалко. Я еле-еле доплелась до ниши, взяла фотографию, поставила на пол и сказала: «Вот папа! Смотрите, он смеётся».

Ребятишки замолчали, а потом подошли и сели рядом с фото. Мехди поцеловал изображение отца. Самия подошла ближе, посмотрела на Мехди и, как и брат, тоже поцеловала фотографию. Захра гладила рамку и говорила своим нежным голоском: «Папа, папа», – а потом посмотрела на меня и весело засмеялась. Вся рамка покрылась отпечатками детских пальцев и губ.

Меж тем ушиб продолжал болеть. «Принеси маме стакан воды», – попросила я Самию, а когда выпила воды, то легла там же рядом с детьми, но надо было вставать, чтобы накормить всех обедом. К тому же мне предстояло постирать для Захры пелёнки и убрать скатерть с завтраком.

Незаметно наступил полдень, и следовало идти в школу за Хадиджой и Масумой. Я положила в миску несколько мандаринов и, пока дети чистили их, незаметно встала, накинула чадру и, прихрамывая, пошла в школу за старшими дочками.

Глава 19

На дворе был март. Самад уехал и обещал вернуться через два или три дня, но его не было уже три недели. Свёкор тоже не возвращался. Вечер был тоскливым. Дети смотрели по телевизору детскую передачу.

На улице уже потеплело, и снег начал потихоньку таять. Многие готовились к генеральной уборке в преддверии Ноуруза, но, за что бы я ни бралась, у меня опускались руки. Я говорила себе: «Не сегодня, так завтра приедет Самад. С его приездом у меня появятся силы. Мы вместе уберёмся в доме, а потом отправимся покупать детям одежду к празднику».

Затем вспомнила о юбке, которую мы вчера купили с братом, и опять начала волноваться. Почему я это сделала? Почему к Новому году купила чёрную юбку? Бедному брату пришлось приехать вчера утром и отвезти нас с детьми на базар, чтобы купить праздничную одежду, хотя я сказала ему:

– Самад сам приедет и всё купит.

Тем не менее брат очень настаивал и в конце концов сказал:

– Тогда хотя бы ты поезжай со мной и выбери что-нибудь для себя. Чёрт возьми! Я ведь твой старший брат.

В деревнях до сих пор существует обычай, чтобы к празднику братья покупали подарки для своих сестёр, поэтому я согласилась и поехала, всё же взяв с собой детей, которых не с кем было оставить, но из всей красивой и

разноцветной одежды выбрала эту чёрную юбку. Брату мой выбор не понравился:

– Сестрёнка, поступай, как хочешь, но выбери себе платье, блузку или что-то ещё более радостного цвета.

Я ответила:

– Нет, это подойдёт, – однако, вернувшись домой, сразу же пожалела о своём выборе и подумала, что следовало послушать брата и не покупать к Новому году чёрную юбку. Тогда я снова начала успокаивать себя: «Ничего страшного. Вот приедет Самад, мы вместе поедem на базар и поменяем эту юбку на какую-нибудь другую, яркую или на платье».

Дети смотрели телевизор, а Хадиджа готовила уроки.

– Мама! – вдруг обратилась она ко мне. – Кстати, когда ты в полдень ходила за хлебом, приходил дядя Шамсолла. Он достал из комода фотоальбом и забрал с собой одну из папиных фотографий.

Я заволновалась и спросила у дочери:

– Почему ты мне раньше не сказала?!

Хадиджа опустила голову и ответила:

– Забыла.

Мне стало не по себе. Почему Шамсолла приходил к нам в дом и, ничего мне не сказав, взял фотографию Самада? Размышляя об этом, я вдруг услышала, как кто-то открывает дверь.

Дети радостно вскочили и побежали встречать. Мехди восторженно закричал:

– Папа! Папа приехал... – А я, не помня себя, тоже подбежала, но увиденное там заставило меня удивиться: дверь открыл свёкор, он зашёл в дом, а вместе с ним был мой брат Амин. Я опешила и воскликнула:

– Вы приехали вместе с Самадом?! Самад тоже приехал?!

Свёкор был весь в пыли и выглядел постаревшим.

– Нет... – горько ответил он, – приехали только мы. Самад остался на фронте.

– Как же вы открыли дверь?! Ведь у вас не было ключей!

Свёкор растерялся:

– Ключей!.. Да, ключей не было, но дверь была открыта.

– Нет, дверь была закрыта. Я уверена. Вечером, когда я вернулась из магазина, сама её закрыла. Я уверена в этом.

Свёкор не знал, что сказать:

– Наверное, ты не заметила. Дети выходили из дома и забыли закрыть.

Хотя я была уверена, что закрыла дверь, но не стала спорить и спросила:

– Где же тогда Самад?

– На фронте! – сердито повторил свёкор.

– Разве он не должен был вернуться с вами, да ещё через два или три дня? А ведь прошло три недели!

– На фронте мы расстались. Самад уехал по своим делам. Мне ничего о нём не известно. Я же искал Саттара, но не нашёл его.

Я решила, что свёкор так сильно расстроен лишь потому, что не нашёл Саттара, и надо пригласить гостей в дом, но на душе было всё так же беспокойно. Про себя я подумала: «Если он говорит правду, то почему с ним приехал мой брат? Амин ведь был в Каеше! Я точно это знаю. Не дай Бог, что-то случилось!»

Я снова спросила:

– Вам действительно ничего не известно о Самаде?! С ним всё в порядке?!

Свёкор горестно произнёс:

– Я же сказал, что ничего не знаю. Я очень устал. Постели мне поспать.

– Вы хотите поспать?! – продолжала удивляться я. – Но сейчас ещё рано. Позвольте, я приготовлю ужин.

– Я не голоден и хочу спать. Постели мне и своему брату, мы поспим.

Дети обступили Амина и стали спрашивать о здоровье Шины, но он им толком ничего не сказал. У меня мелькнула мысль: «Может, что-то случилось с мамой?» Тогда я стала умолять брата:

– Заклинаю тебя отцом: скажи правду! Что-то случилось с Шиной?!

Амин, как и свёкор, был очень подавлен.

– Честное слово, с ней всё в порядке, – ответил он. – Хочешь, я завтра привезу её сюда, чтобы ты не волновалась?!

Я больше ничего не сказала и пошла стелить постели, а когда свёкор ушёл спать, оставила детей с Амином и отправилась к соседке – госпоже Дараби. Я ей обо всём рассказала и добавила:

– Хочу позвонить в штаб КСИР и узнать что-нибудь о Самаде.

Соседка прежде всегда позволяла мне позвонить по её телефону и даже выходила из комнаты во время разговора, чтобы не мешать мне, но на этот раз села рядом с аппаратом и сказала:

– Разреши мне самой позвонить туда.

Я села напротив. Она набирала номер, но всякий раз клала трубку, и наконец сказала:

– Занято. Никто не отвечает. Кажется, обрыв провода.

Я полчаса сидела и смотрела, как соседка набирает номер. Было такое впечатление, что эта женщина думала о чём-то другом. Она тихо разговаривала сама с собой и, набрав одной или двух цифр, клала трубку. Я сказала:

– Если не отвечают, зайду позже. Сейчас за детьми присматривает брат. Я их покормлю ужином и вернусь.

Дома оказалось, что брат не занимается детьми. Он ушёл в комнату, в которой был свёкор, и о чём-то с ним шептался, но, увидев меня, замолчал.

Тогда я разволновалась ещё больше.

– Почему вы не спите?! Что-то случилось?! Ради памяти Саттара, если что-то произошло, скажите мне. Я же волнуюсь.

Свёкор, только что сидевший на постели, опять лёг и ответил:

– Нет, дорогая невестка. Ничего не случилось. У нас небольшой мужской разговор. Это семейное дело. А что должно случиться? Если бы что-то произошло, мы бы тебе обязательно сказали.

Я вернулась в гостиную. Надо было что-то приготовить на ужин. Захра, Мехди и Самия играли, а Хадиджа и Масума готовили уроки. Не находя себе места, я бросила готовить ужин и снова пошла к соседке:

– Умоляю тебя, позвони своему мужу и спроси, как там Самад.

Та быстро ответила:

– Я только что разговаривала с ним, и он сказал, что с твоим мужем всё в порядке и он сейчас у них.

Я чуть не подскочила от радости:

– Дай Бог тебе здоровья. Большое спасибо. Если не сложно, набери мужу ещё раз. Если Самад не ушёл, я бы поговорила с ним.

Госпожа Дараби замешкалась, но потом взяла трубку и снова начала то набирать номер, то сбрасывать.

– Номер занят, – сказала она, а через некоторое время добавила: – Вот несчастье. Кажется, телефон отключили.

Разозлившись на соседку, я попрощалась с ней, ушла к себе и теперь уже серьёзно заподозрила неладное. Госпожа Дараби вела себя очень странно. Похоже, что что-то случилось, и она была в курсе. Мои подозрения усилились, когда я увидела, что свёкор и брат сидят в гостиной и, взяв из ниши Коран, читают вложенное в него завеща-

ние. Заметив меня, свёкор сложил бумагу и положил обратно, а мне сказал:

– Нам не спится и мы решили почитать Коран.

От обиды я прикусила губу. Меня бесило то, как они себя ведут.

– Что вы от меня скрываете? – спросила я. – То, что Самад погиб?

Я взяла у свёкра Коран, положила его на грудь и промолвила:

– Самад погиб. Я знаю.

Свёкор удивлённо посмотрел на меня и воскликнул:

– Кто тебе сказал?!

Брат вдруг расплакался. Я тоже начала плакать, а затем, раскрыв Коран, вынула из него заветное, поцеловала и сказала:

– Дорогой Самад! Дети твои ещё маленькие. Разве можно было сейчас умирать? Бессовестный, ты даже не попрощался. Неужели я не достойна того, чтобы хотя бы попрощаться?

Мне до сих пор не верилось в случившееся, поэтому я, положив руку на Коран, воскликнула:

– О, Господи! Заклинаю Тебя Твоим Кораном, пусть всё это будет неправдой. Пусть Самад вернётся. О, Господи! Верни Самада.

Свёкор прислонился головой к стене. Он плакал и вздрагивал плечами. Хадиджа и Масума тоже, кажется, поняли, что произошло. Они подошли и сели рядом со мной. Малыши плакали у моих ног. Я опустила на пол, а Самия села мне на колени и начала вытирать мои слёзы. Мехди удивлённо смотрел во все глаза, а Захра вот-вот готова была разрыдаться.

Свёкор, продолжая горько плакать, всё время звал Самада и Саттара, а потом обнял Мехди, поцеловал его и стал читать ему по-азербайджански печальные стихи, но, прервавшись на полуслове, вдруг сказал:

– Самад в своём завещании написал, чтобы мы велели его жене жить, как праведная Зайнаб¹. Ещё он завещал, что после него главным в семье должен стать Мехди.

Сказав это, свёкор снова заплакал, а брат взял из ниши фотографию Самада, и дети, как обычно, подбежали к ней. Они целовали и гладили фото, а Захра повторяла своим нежным голоском:

– Папа, папа.

Брат поднял руки к небу и воскликнул:

– Господи! Дай нам терпения. Господи! Как нам вынести такое горе?! Боже, как моя сестра вырастит своих детей, оставшихся сиротами?!

Через некоторое время одна за другой стали приходить соседки, с плачем обнимали меня и целовали детей. Когда пришла госпожа Дараби, я громко застонала. Она, воздев руки, скорбно воскликнула:

– Гадам, какое страшное горе! У меня душа болит за тебя и детей! Гадам, дорогая, я очень скорблю!

– Ты раньше других узнала, что мои дети осиротели, – рыдала я.

Соседку всю трясло от рыданий. Бедняжка едва переводила дыхание и чуть не падала в обморок, а я в ту ночь проплакала до утра: как только дети заснули, села к их постелям и каждого целовала, не переставая лить слёзы. Бедненьким всё время приходилось просыпаться от моих рыданий.

Той ночью я с ума сходила от горя. До рассвета рыдала, плакала и стонала, сокрушаясь о том, что теперь мои дети остались без отца.

¹ Зайнаб бинт Али аль-Кубра (626–682) – внучка пророка Мохаммада и дочь первого шиитского имама Али. Особо почитается шиитами, потому как была свидетельницей трагических событий при Кербеле в 680 году и выступила с обличительной речью против халифа Язида во время его глумления над останками своего брата – имама Хусейна.

Внутри меня всё горело, хотя снаружи тело было холодное, как лёд. Беспокоясь за меня, соседки ходили вокруг и не переставая плакали вместе со мной, а им вторил крик маленькой Захры. Я не могла кормить Захру молоком. Бедняжка была голодной и плакала, поэтому её вместе с Самией соседки забрали к себе.

На следующий день из Каеша на нескольких микроавтобусах приехали родственники, друзья и знакомые, все с заплаканными глазами. Затем пришли друзья мужа и сказали, что Самада доставили в штаб КСИР. Мы собрались и поехали на него посмотреть.

Как оказалось, моего мужа поместили в большую рефрижераторную машину и привезли вместе с другими погибшими, а когда дверь машины открылась, мы увидели, что гробы стоят друг на друге. Рядом со мной был деверь Теймур. Я закричала:

– Самада! Принесите моего Самада! Мы так долго не виделись!

Теймур влез в машину и с помощью нескольких других людей спустил гробы на землю, однако Самада там не оказалось. Наконец деверь поставил один какой-то гроб у моих ног и сказал:

– Он здесь.

Братья, сёстры, свёкор и свекровь, мой отец – все обступили гроб. Мне хотелось, чтобы рядом была Шина и я могла бы поплакать в её объятьях, однако в последнее время она так плохо себя чувствовала, что даже была не в состоянии выйти из дома. Для меня и детей у гроба Самада не нашлось места, поэтому я встала у его ног и тихо заплакала:

– Мне всегда приходилось довольствоваться малым и быть последней, на кого ты обратишь свой взгляд.

Свёкор и свекровь были убиты горем. Со дня смерти Саттара прошло всего лишь два месяца, а теперь погиб ещё

и второй их сын. Девери подняли гроб с Самадом и погрузили в «скорую помощь». Я тоже хотела сесть в машину, но мне не позволили. Я настаивала, чтобы мне позволили посидеть с ним хотя бы до кладбища Баге-Бехешт: хотелось посидеть с ним одной и поговорить напоследок, но мне не дали это сделать и силой впихнули в другую машину.

Машина «скорой помощи» тронулась, и мы поехали за ней. Самад ехал очень быстро, а мы следовали за ним медленно и тихо, а иногда отставали и теряли его из виду. Не помню, кто тогда вёл машину, но я попросила водителя:

– Умоляю, езжайте быстрее. Позвольте мне напоследок вдоволь насмотреться на мужа.

Водитель отстал от машины «скорой помощи», так что и в последний раз нам с Самадом пришлось расстаться. Мне было очень одиноко, ведь я так много не успела сказать мужу. После девяти лет супружества я хотела рассказать ему о самом сокровенном, хотела поведать о том, как мне одиноко, рассказать, сколько дней и ночей плакала от разлуки. Хотела признаться, что в самом конце я безумно полюбила Самада.

Когда мы доехали до кладбища Баге-Бехешт, я бросилась к гробу со словами: «Хочу поговорить напоследок с мужем» – а гроб уже вытащили из «скорой помощи» и несли на руках. Я кинулась следом, но замешкалась в толпе и вскоре увидела, что гроб далеко впереди и все ждут начала намаза. Я встала в очередь, а после молитвы Самада понесли дальше. Муж всегда существовал для народа. Его несли, даже не совершив омовения и не завернув в саван, который заменила красивая зелёная форма. Я попросила:

– Приведите детей. Завтра они будут капризничать, требуя увидеть своего папу. Дайте им увидеть, что их папа ушёл и уже не вернётся.

По всему кладбищу Баге-Бехешт разносился плач и стоны. Гроб поставили на землю. В нём тихо лежал мой Самад.

Наконец мне позволили побыть рядом. Хадиджу и Масуму я привела с собой, они плакали, а я, убитая горем, вдруг успокоилась и вспомнила слова свёкра, который сказал: «Самад в своём завещании написал, чтобы мы вели его жене жить, как праведная Зайнаб».

Сев возле гроба, я заметила, что одна пуля попала мужу в левую щеку. Вся борода была в крови. Остальное тело осталось без изъянов. Он лежал тихо и спокойно в своей зелёной ксировской форме. Его лицо казалось таким же красивым и светлым, как в тот день, когда он вышел из ванной в светло-голубой рубашке в клеточку.

Тогда Самад улыбался, сверкая своими белыми зубами. Жаль, что его никто тогда не видел. Жаль, что все эти плачущие люди в траурных одеждах тогда были где-то далеко. Мне захотелось наклониться к мужу и поцеловать в лоб в память о нашей последней встрече. Я прошептала: «Прощай» – и всё. Больше не могла ничего сказать. Подошли несколько человек и унесли гроб с Самадом. Самадом, которого я любила. Они унесли мужа и разлучили меня с ним. Когда поставили могильный камень и засыпали яму землей, я словно заледенела. То пламя, которое сжигало меня со вчерашнего вечера, потухло. Ноги онемели. В груди стало холодно, и меня охватило полное отчаяние. Я почувствовала себя совершенно одинокой среди всех этих людей, без любимого друга, разделявшего со мной все тяготы жизни. Мне показалось, что я очутилась в совсем другом мире, где все чужие, не на кого опереться и просить защиты. Казалось, что я падаю с какой-то высоты на самое дно глубокого ущелья.

Спустя некоторое время я подошла и села на могилу мужа со всеми своими пятью маленькими детьми. Мне не верилось, что Самад лежит где-то там, под землёй. Я просила опять позволить мне немного посидеть с ним, но мне не дали это сделать. Меня взяли за руку и усадили в машину.

Когда мы вернулись, дома было полно гостей. Пришли друзья и вспоминали о Самаде. Я никого не замечала и ничего не слышала. Мне не верилось, что мой Самад – это тот человек, о котором они рассказывали. Хотелось, чтобы все скорее ушли, чтобы в доме никого не осталось, кроме меня и детей, чтобы я могла обнять Мехди, поцеловать Захру, причесать Хадиджу, посадить на колени Масуму, спеть колыбельную Самии, вдохнуть запах моих детей, от которых пахло Самадом. Каждый из детей чем-то был похож на Самада.

Наконец все ушли, и я осталась одна, то есть мы остались одни. Так Мехди в свои три года стал нашим единственным мужчиной в доме.

Хотя нет! Самад тоже был с нами. Каждое мгновение. Каждую минуту. Я видела его. Чувствовала его запах.

Я выгладила ту красивую рубашку, которую он привёз из Мекки, и повесила в шкаф рядом с нашими вещами. Когда дети возвращались домой, они гладили одежду отца и целовали её. Запах Самада всегда сохранялся в нашей одежде. Самад всегда был с нами.

Дети слышали его голос: «Учите уроки. Будьте добрыми друг с другом. Берегите маму. Не забывайте о Боге».

Иногда он подходил совсем близко и говорил мне на ухо: «Гадам! Торопись. Быстрее расти детей. Занимайся делами. Торопись. Чего ты тянешь? Нам надо быстрее отсюда уйти. Торопись. Я жду только тебя. Честное слово, на этот раз я один не отправлюсь в новое путешествие, не отправлюсь в рай. Торопись. Я уже давно здесь сижу. Жду тебя. Смотри, дети уже выросли. Дай мне руку. Дети знают свой путь. Подойди ближе. Дай мне свою руку. Прощай, одиночество. Остальной путь мы должны пройти вместе...»

Литературно-художественное издание

Военная проза

Зарабизаде Бехназ

ЖЕНА ГЕРОЯ

Научный редактор *С.Н. Табаи*

Редактор *С.С. Лыжина*

Корректор *Л.В. Суркова*

Художественное оформление обложки *И. Картвелишвили*

Верстка *М.Г. Хабибуллов*

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.
Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

По вопросам приобретения литературы обращаться

ООО «Садра», тел. 8 (495) 943-40-39,
sadrabooks@gmail.com

Подписано в печать 06.10.2017. Формат 84×108^{1/32}.
Гарнитура «PetersburgC». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 7. Тираж 1500 экз. Заказ .